

Толстой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tolstoyleo.ru/> приятного чтения!

Лев Толстой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой,
Михаил Александрович Орлов

Предисловие редакции

Человеку свойственно давать определения. Говоря о ком-то, мы обычно присовокупляем: «писатель», «художник», «рабочий», «преподаватель». И, вроде бы, ясно, что за личность перед нами. Однако иногда мы начинаем испытывать затруднение, связанное с тем, что того или иного индивидуума нельзя охарактеризовать каким-то одним словом; более того, даже набор из нескольких выражений не даёт ему более-менее точную характеристику.

Именно с такой трудностью сталкиваешься, когда пытаешься ответить на вопрос, кто такой Лев Толстой. Точнее сказать, кем он был для всех нас, для русской культуры и для русской истории? Писатель и мыслитель, просветитель и публицист, защитник Отечества. Знавший несколько языков, чрезвычайно эрудированный, любивший слушать музыку и сам умевший неплохо музицировать, Толстой являл собою образец разносторонне развитого представителя русского дворянства XIX в. – сословия, называвшегося благородным.

Благородство Толстого – это, прежде всего, гуманизм. Вся свою жизнь Лев Николаевич бился за правду, за достойное отношение к людям, выступая, порой, вразрез с интересами господствующих сословий. С упорством фанатика он отстаивал нравственные, подлинно религиозные основы жизни: «Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, – утверждал Толстой, – так же невозможен, как человек без сердца». Его конфликт с церковью был, прежде всего, конфликтом живого, пытливого ума с каменными глыбами догм и предрассудков, загораживающих людям дорогу к подлинному счастью. Вот два его выражения, наглядно свидетельствующих об этом: «...Религия, то самое, что одно даёт человеку истинное благо жизни, религия в извращённом виде есть главный источник заблуждений и страданий людских» и «Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и свободного установления религиозной истины в самом себе каждым отдельным человеком».

Религиозность его сознания проявлялась буквально во всём, и в творчестве, и в общении с людьми, и в повседневной жизни. Великий мыслитель вёл жизнь отнюдь не отшельническую, он жил с людьми и ради людей, с головой погружившись в окружающий его мир, что, в свою очередь давало ему мощный стимул к духовному развитию и метафизическому осмыслению реальности. Вспоминаются вот какие его слова: «Человек чувствует себя в несвойственном и тяжёлом для него состоянии, когда не только не сознаёт, но не чувствует своего духовного единства со всеми людьми мира. Естественное и свойственное человеку состояние то, когда, сознавая себя единым со всеми, радуется радости и печалится горестью всякого сближающегося с ним человека».

Желание жить не для себя, а для других, и непрестанные усилия на этом пути превратили его со временем в человека, которого можно было бы назвать святым. В этой связи весьма характерно следующее высказывание Льва Николаевича: «Ничто духовное не приобретается духовным путём: ни религиозность, ни любовь, ничто. Духовное всё творится материальной жизнью, в пространстве и времени. Духовное творится делом».

В то же время, суэта жизни не имела над ним такой сильной власти, которую имела над остальными. Несмотря на свою занятость делами семейными и общественными, Толстой находил время для размышлений о Боге и мире в одиночестве. Как-то раз он сказал: «Бог не любит посторонних лиц. С Ним можно общаться только один на один». И такой Толстой – это уже больше, чем писатель, больше, чем моралист, больше, чем общественный деятель. Это уже другой Толстой, неизвестный нам – мистик, эзотерик, если хотите – мастер дзен-буддизма. Почитайте внимательно его мысли, приведённые ниже, насладитесь их красотой, глубиной, мудростью. Вот некоторые из них:

«Личность – моё «я» должно быть орудием служения. И это можно. Когда же употребляешь это орудие, то является вопрос, кто тот, кто употребляет его? Это тот, кто не есть орудие, кто не материален, кто вне пределов – Бог во мне. Только начни заниматься орудием: чистить, украшать, беречь его, и нет жизни, и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то подвержен всем мучениям. Только кто употребляет его, живёт и растёт».

«Есть одно средство любить Бога: оно состоит в том, чтобы любить себя, своё божественное «я», так же, как мы любим своё телесное «я», т. е. жить для этого «я», руководиться в жизни его требованиями и потому ничем не огорчаться, ничего не бояться и всё считать для себя (этого «я») возможным».

«Какое заблуждение и какое обычное: думать и говорить: я живу. Не я живу, а Бог живёт во мне. А я только прохожу через жизнь или, скорее, появляюсь в одном отличном от других виде».

«Иногда возникает глупый вопрос: зачем всё это? А между тем, если бы я знал, зачем всё это, всего этого не было бы». «Наше постоянное стремление к будущему не есть ли признак того, что жизнь есть расширение сознания. Да, жизнь есть расширение сознания».

(...)

Для того, чтобы могло быть расширение сознания (благо), нужно, чтоб оно было ограничено. Оно и ограничено пространством и временем».

«Не ищи Бога в храмах. Он близок к тебе, Он внутри тебя. Он живёт в тебе. Только отдайся Ему, и ты поднимешься выше счастья и несчастья».

«Я был уже многим. И всё, чем я был, всё это во мне, всё это моё я. И жизнь моя здесь и после смерти будет только приобретением нового содержания моего я. И как бы я ни увеличивался, я никогда не перестану быть ограниченным, ничтожным, потому что всё бесконечно».

«Я есмь вне причины, вне времени и вне вещества, и вне пространства. То, что моё представляется мне во времени в зависимости от причины и в пространстве, связанным с веществом, происходит оттого, что я живу, то есть постепенно всё больше и больше открываюсь сам себе как невещественное, внепространственное (вездешное), беспричинное, вневременное (вечное) Я. Не будь этого Я или не будь того, что скрывает его, не могло бы быть того, что мы называем жизнью».

Жизнь есть проявление невещественного вечного во временном и вещественном».

Сгруппированные по темам, идеи и афоризмы выдающегося мыслителя не только обогатят ваш багаж знаний, но и помогут по-новому взглянуть на личность автора «Войны и Мира», «Воскресения» и «Анны Карениной». Толстой не просто один из самых значительных писателей в истории русской и мировой литературы – он самобытный философ и глубокий мистик, учитель нравственности и гуманист, благотворитель и педагог. Если собрать эти характеристики воедино, то получится образ Духовного Учителя.

И у нас появляется шанс, пусть даже заочно, стать его учениками, научившись претворять полученные от него откровения в конкретные дела, направленные на преумножение любви, добра и радости в мире.

* * *

Сборник письменных и устных высказываний Л. Н. Толстого, представленный вашему вниманию, появился на свет благодаря упорной и кропотливой работе Максима Анатольевича Орлова – знатока и исследователя творчества великого писателя.

От составителя

Меня спрашивали об этой книге: «Почему именно Толстой?»

А кто же ещё? Кто ещё, кроме Толстого, вплотную подошёл к той сфере знаний, для обитания в которой уже недостаточно общедоступных, обычных представлений о добре и морали, а требуется особое состояние сознания, созревшего до предчувствия Синтеза?

«Лев Толстой – эзотерик?»

Да, как ни странно это может звучать. Читая эту книгу, вы забудете Толстого – категоричного отрицателя; перед вами предстанет созерцатель с сердцем, готовым к вмещению. Человек, свободный от страха утратить свои прежние убеждения, ставшие

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то неуютными Истине. Человек, догадывающийся о подлинных свойствах Бога, Абсолюта и начавший уже произносить слова, которые даже ему самому иногда кажутся странными, но жить без которых он уже не в состоянии...

«Но будет ли такой портрет Толстого вполне правдивым?»

Для устремлённых – да! Ведь правда – это не то, что есть, а то, чем оно, преображаясь, становится. И если какой-то человек по-настоящему одержим идеей преображения, то можно со спокойной совестью о наивысшем, что есть в таком человеке, говорить, как о нём самом.

Максим Анатольевич Орлов

Царство божие усилием берётся

– 1 –

...Какое радостно-восторженное чувство испытывает человек, когда в первый раз поймёт, что его дело в борьбе с собой. [1]

Жизнь как отдельного человека, так и всего человечества есть непрерывающаяся борьба плоти и духа. В борьбе этой дух всегда остаётся победителем, но победа эта никогда не окончательная, борьба эта бесконечна, она-то и составляет сущность жизни. [2]

Настоящая жизнь – в том, чтобы становиться лучше, побеждать своё тело силою духа, приближаться к богу. Это не делается само собой. Для этого нужно усилие. И это усилие даёт радость. [3]

Жизнь человеческая только тогда истинная, когда она сознательна и состоит из усилий как мысли, так и дела и слова. [4]

Ничто так не ослабляет силы человека, как надежда в чём-либо, кроме своего усилия, найти спасение и благо. [5]

...Избавление от зла и приобретение блага добывается только своим усилием; (...) нет и не может быть такого приспособления или учреждения, посредством которого, помимо своего личного усердия, достигалось бы своё или общее благо; (...) нельзя ни спасать других, ни спасаться посредством других. [6]

Мы знаем, что без физических усилий мы ничего не достигнем. Почему же думать, что в области духовной можно достигнуть чего-либо без усилия. [7]

Доброта голубя – не добродетель. Голубь не добродетельнее волка. Добродетель и её степени начинаются только тогда, когда начинается усилие. [8]

Видел во сне, что думаю и говорю, что всё дело в том, чтобы сделать усилие, то самое, что сказано в евангелии: «Царство Божие усилием берётся...» Всё хорошее, всё настоящее, всякий истинный акт жизни совершается усилием: не делай усилий, живи по течению, и ты не живёшь. (...) Усилие важнее всего. Всякое маленькое усилие: победить лень, жадность, похоть, гнев, уныние. Это важнейшее из важного, это проявление Бога в жизни – это карма, расширение своего я. [9]

Мы живём только тогда, когда помним о своём духовном я. А это бывает в минуты духовного восторга или минуты борьбы духовного начала с животным. [10]

Сказать, что я не могу сделать усилие для того, чтобы воздержаться от дурного поступка, всё равно, что признать себя не человеком, даже не животным, а вещью. Люди, не делающие усилия, часто говорят это, но, сколько бы они ни говорили это,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
они в душе своей знают, что пока они живы, усилие в их власти. [11]

Если тебе чего-нибудь так хочется, что тебе кажется, что ты не можешь
воздержаться, – не верь себе. неправда, чтобы человек не мог воздержаться от
чего бы то ни было. Не может воздержаться только тот, кто вперёд уверил себя,
что это невозможно. [12]

Трудитесь, боритесь. Жизнь – борьба. Без борьбы нет жизни. [13]

Да, жизнь всегда борьба, и когда стоишь на стороне того, кто наверное победит в
борьбе – больше радости, чем страданий. [14]

Главное – бороться, не переставая бороться в мыслях, в чувствах, в поступках и
верить в свою духовную силу. Не верить в эту силу нельзя, потому что духовная
сила, составляющая наше истинное «я», есть сила божественная, всемогущая по
отношению самого себя. [15]

...Не говорю: дай бог вам душевного спокойствия и радости, а говорю: сами возьмите
и спокойствие, и радость; они в нашей власти... [16]

Весь смысл и вся радость жизни заключается во всё большем и большем сознании
божественности своей природы. [17]

Если ребёнок не знает, что у него есть сердце, то это не значит, что у него нет
сердца. То же и с духовной силой. Если человек не знает в себе духовной силы,
это не значит, что её нет в нём. [18]

У человека есть, кроме сознания своей жизни, высшее сознание, способность
спросить себя: истинно ли и добро ли то, что я делаю? У человека, стало быть,
есть в нём самом мера истинного и доброго. В нём, стало быть, есть истина и
добро. [19]

Сознание в себе Бога не допускает бездеятельности: зовёт, требует проявления,
требует общения с божественным и освещения небожественного – борьбы, труда. [20]

...Для того, чтобы быть с Богом, быть в настоящем, быть неподвижным, надо не
переставая двигаться. Je m'entends (Я понимаю то, что хочу сказать (фр.).), т.
е. что для того, чтобы быть с неподвижным, вечным, надо не переставая отодвигать
то, что отделяет от него. [21]

Человек сознаёт себя Богом, и он прав, потому что Бог есть в нём. Сознаёт себя
свиньёй, и он тоже прав, потому что свинья есть в нём. Но он жестоко ошибается,
когда сознаёт свою свинью Богом. [22]

Я пишу, главное, для себя: тот, на кого я нападаю, кого я убеждаю – это я. [23]

Бороться – это самая жизнь, она только и жизнь. Отдыха нет никакого. Идеал
всегда впереди, и никогда я не спокоен... [24]

Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не
должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная
тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем. Да
что счастье – глупое слово; не счастье, а хорошо; а бесчестная тревога,
основанная на любви к себе, – это – несчастье. (...) Чтоб жить честно, надо

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и
опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие – душевная подлость.
[25]

Никогда не отчаивайтесь в борьбе: не считайте борьбу предшествующим действием
чего-то; в ней-то и жизнь: тяжёлая, мучительная, но истинная жизнь, где бы она
ни происходила – на верху или на низу лестницы. [26]

..Одно законное счастье есть честный труд и преодолённое препятствие. [27]

– 2 –

..То, что требуется совестью, высшим предчувствием доступной человеку истины, –
есть всегда и во всех отношениях самая плодотворная и самая нужная в данную
минуту для человечества деятельность. Только человек, живущий сообразно своей
совести, может иметь влияние на людей, и только деятельность, сообразная с
совестью, может быть полезна. [28]

Есть два желания, исполнение которых может составить истинное счастье человека –
быть полезным и иметь спокойную совесть. [29]

Камень не может сделаться вредным и даже не полезным. Человек может, и это надо
помнить. [30]

Помните одно: другие живут, как им велит их совесть, а я буду жить по своей
совести, и пусть судят обо мне, как хотят, только бы бог был со мною, или,
скорее, я с ним. [31]

Совесть есть воздействие сознания вечного, божественного начала на сознание
временное, телесное. [32]

Совесть (...) есть не что иное, как совпадение своего разума с высшим. [33]

Голос совести – голос бога. [34]

Все наши беды оттого, что мы забываем про то, что Бог живёт в нас, и продаём
этого Бога за чечевичную похлёбку телесных радостей. [35]

Жизнь для души уменьшает мелкие радости, но увеличивает самую большую духовную,
как ветер задувает свечи и раздувает костёр. [36]

[Жизнь, соответствующая требованиям совести,] есть одна: жизнь по учению Христа.
А эта жизнь разрушает всё то, что даёт радости мирской жизни. Правда, что жизнь
по христианскому учению даёт другие, несравненно высшие радости, даёт свободу,
спокойствие, уничтожает страх смерти. Но для этого нужно новое рождение, т. е.
перенесение всей своей энергии жизни из личных интересов в служение богу,
всегда, во всякий момент настоящего, не думая о последствиях. А рождение не
бывает без мук. [37]

Есть пути, связывающие нас с миром и с его соблазнами, и есть нить, связывающая
нас с богом. Всё стремление наше должно быть направлено на то, чтобы держаться
на одной нити божьей. [38]

..Подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать [зло]. Перестаньте – не для себя,
не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали
осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
его, живёт в вас. [39]

Благодарю Тебя, Господи, за жизнь и благо её. Помоги мне прожить её в любви. Не оставляй меня, чтобы мне помнить то, что Ты во мне, и что я жив только Тобой. [40]

Первый шаг к совершенствованию – в том, чтобы научиться отличать в нашей душе от других голосов голос бога. [41]

Бойтесь всего, что становится между вами и богом – духом, живущим в вашей душе. [42]

...Я на 82 году начинаю понимать немного, как надо жить для того, чтобы жизнь была непрерывающаяся радость. Понимаю то, что надо всякий час, всякую минуту жизни так же помнить, так же живо представить себе присутствие судящего меня бога, как мы помним, живо представляем себе суждения о нас людей, так же руководиться этим создаваемым нами его суждением, как руководимся в поступках предполагаемыми о нас суждениями людей. И как это изменяет всю жизнь и из путаной и тяжёлой делает ясной и радостной. [43]

Грешить – дело человеческое, оправдывать свой грех – дело дьявольское. [44]

Нет раскаяния – потому что нет движения вперёд, или нет движения вперёд, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как пролом яйца или зерна, вследствие которого зародыш и начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо. Да, (...) важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него. [45]

Недовольство собой есть трение, признак движения. [46]

Плохо, если человек считает себя хорошим, потому что человек, считающий себя хорошим, не может делать того, в чём главное дело человека: делаться лучше. [47]

Человек – это дробь. Все качества, достоинства человека – числитель. Мнение же его о себе – знаменатель. Избави бог, если, как это часто бывает, разрастается до бесконечности знаменатель. [48]

Какое ужасное свойство – довольство собой, гордость. Это – замерзание человека, такое состояние, при котором человек лишается лучшей радости жизни – свободного и дружеского общения со всеми людьми. [49]

Только приписал себе значение большее, чем яблони, клёна, приносящих плоды, так лишил себя спокойствия, радости жизни, покорности смерти. [50]

Пора человеку узнать себе цену. И как удивительно сознание своей духовности даёт человеку в одно и то же время и высшее сознание своего достоинства, и низшее смирение... [51]

Смирение и сознание своего человеческого достоинства – одно и то же. [52]

Стоит только сознать себя смиренным, и тотчас же перестаёшь быть им. [53]

Как нужно, нужно отвыкнуть от мысли о награде, похвале, одобрении. За всё

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то хорошее, что мы можем сделать, нам не может быть никакой отплаты. Плата вперёд получена нами такая, что с самым большим усердием не отработаешь её. [54]

...Подумал о том, что будет мне за то, что я буду жить хорошо, любовно, какие последствия для меня будет иметь эта жизнь? И вдруг ясна стала нелепость этого вопроса: какая награда мне будет за то, что я сольюсь с Богом, буду жить Богом? Какая награда мне будет за то, что я поем, когда голоден? Какие последствия будут от того, что я вступлю в то высшее состояние? Последствие то, что я найду себя. [55]

Низшая ступень – жизнь для похотей тела, чтобы угодить телу, вторая ступень – для одобрения людского, чтобы угодить людям, третья – для награды от Бога, чтобы угодить Богу вне себя, четвертая, выше которой я не знаю, жизнь ни для чего, а только чтобы угодить Богу в себе. [56]

...Истинно добрые люди не ожидают себе награды за свои добрые дела и не помнят их. И не помнят не оттого, что хотят не помнить, а оттого, что то, что они делали, они делали для своей души. Они не помнят своих добрых дел, как не помнит человек своего дыхания. [57]

У человека есть только обязанности. [58]

– 3 –

Чтобы поверить в добро, надо начать его делать. [59]

...Главный вопрос для каждого не: что делать? А как делать, как жить? Первый вопрос есть только маленькая частица второго – и вытекает из него. [60]

Весь закон Божий в одном: в признании себя «рабом Божиим», в сосредоточении всех своих желаний в одном: в исполнении дела, к которому приставлен. Дело это одно: ты сам, твоя душа, доведение себя до высшего доступного тебе совершенства. [61]

Я – орудие, которым работает Бог. Моё благо истинное в том, чтобы участвовать в Его работе. Участвовать же в Его работе я могу только теми усилиями, которые я делаю для того, чтобы держать в порядке, чистоте, остроте, правильности то орудие, которое дано мне – себя, свою душу. [62]

...Единственная работа, которую человек должен делать, это, осознав всю свою мерзость, стараться от неё избавиться. Но мерзость свою надо сознать совершенно искренне, сознавая не только в недостатках, которые считаются простительными (...), а всего себя осудить без страха и жалости к себе. [63]

...Человеку (...), желающему жить хорошо, жить с спокойной совестью и жить радостно, надо не искать каких-нибудь мудрёных далёких подвигов, а надо сейчас же, сию минуту действовать, работать, час за часом и день за днём, на то, чтобы изменять [нашу жизнь] и идти от дурного к хорошему; и в этом одном счастье и достоинство людей... [64]

Люди занимаются самыми различными, почитаемыми ими очень важными делами, но почти никогда не занимаются тем единственным делом, которое одно предназначено им и включает все остальные – улучшением своей души, освобождением божественного начала души. То, что именно это дело предназначено человеку, видно из того, что это единственная цель, для достижения которой человеку нет препятствий. [65]

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками, искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает – оно уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живёт и которые соединяют

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то людей. И это уяснение нравственного закона, соединяющего людей, есть не только главное, но единственное дело всего человечества. [66]

Лежат рассыпанные по миру тлеющие угли, – дух Божий живит их по мере силы жизненности, развиваемой в каждом угле и сообщаемой другим. В этом для человека и цель, и смысл жизни. Только это.

(...)

...законность и степень законности всех других целей зависит от того, в какой степени они содействуют достижению этой.

(...)

Только бы эти раскиданные и тлеющие угольки старались пользоваться веющим на них духом Божиим. И сообщать друг другу радость сознания этого духа и теплоты согревающего их огня любви. [67]

Как одна свеча зажигает другую, и одной свечой зажигаются тысячи, так и одно сердце зажигает другое, и зажигаются тысячи. [68]

Кажется, что много, много дела. А это неправда. Одно дело – работа над собой, очищение, освобождение в себе своего божественного я. И эта работа и радостная, и не спешная, и всегда по силам, и всегда по мере того, как прилагаешь к ней силы, совершается и никогда не кончается. Всегда впереди возможность той же, но только всё более и более радостной работы. [69]

Вся сансара, т. е. суeta жизни, все события, как ни кажутся разнообразны для каждого человека, в сущности, однозначущи, равны для всех людей: сложная ли, длинная ли жизнь или простая и короткая. Все рождаются, живут, умирают, и время и события не имеют значения. Важно и составляет сущность жизни одно: уяснение сознания, я сказал бы: очищение того стекла, через которое смотрит человек на мир, вернее же, выработка того глаза, того органа, которым человек, вообще живущее существо, видит, познаёт мир. [70]

Ничто так очевидно не подтверждает того, что дело жизни есть совершенствование, как то, что чего бы ты ни желал вне своего совершенствования, как бы полно ни удовлетворилось твоё желание, как скоро оно удовлетворено, так тотчас же уничтожается прелесть желания; не теряет своего радостного значения одно: сознание своего движения к совершенству.

Только это неперестающее совершенствование даёт истинную, не перестающую, а растущую радость. Всякий шаг вперёд на этом пути несёт за собой свою награду, и награда эта получается сейчас же. И ничто не может отнять эту награду. [71]

...Одно только нужно богу, одно нужно людям и мне самому – это то, чтобы во мне было сердце, чистое от осуждения, презрения, раздражения, насмешки, вражды к людям. [72]

...Всё, всё на свете пустяки и не стоит комариного крылышка в сравнении с разницей между доброй и недоброй жизнью. А жизнь добрая бывает только тогда, когда не спускаешь глаз с бога (...) и перед богом внимателен к своим самым малым поступкам. [73]

Доброй жизнью может жить только тот, кто постоянно об этом думает. [74]

...Ученикам Христа нельзя быть немножко его учеником. Надо быть совсем или вовсе не быть его учеником, надо быть готовым на всё, не ожидая награды, не ожидая войти в обетованную землю. Тем-то хорошо, что эта необходимость быть совсем

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то учеником или вовсе не быть и отсеивает мякину ложных учеников. [75]

Как огонь не бывает немножко горячий, немножко холодный, а бывает огонь только тогда, когда он жжёт, так и истина не бывает немножко истина, немножко ложь, а всегда истина, когда она показывает то, что есть, а не то, что бы мы хотели, чтобы было. [76]

Всякое оглядывание назад есть остановка и отклонение. Как в сказках, чтобы достать живую воду и поющее дерево, надо идти и, главное, не оглядываться. И какая страшная непреодолимая сила каждого из нас (всех людей) могла бы, да и может быть, если бы мы совсем, совсем не думали ни о себе, ни о суждениях людских, а делали бы только для бога и боговским орудием, любовью. [77]

...Тому, кто так поставит вопрос: «а что, не прогадаю ли, если пойду не к чёрту, а к богу?» закричу во всю глотку: «Иди, иди к чёрту, непременно к чёрту». В сто раз лучше обжечься хорошенько на чёрте, чем стоять на распутье или лицемерно идти к богу. [78]

...Спасение наше и всех людей от наших бед в том, чтобы верить в бога не на словах, а на деле, и исполнять его закон всегда и во всех случаях жизни. [79]

Иногда я (...) предпочитаю ненавистников, ругателей истины сочувствующим ей, но не для того, чтобы ей следовать. [80]

...жить-то надо внутренней жизнью так, чтобы исполнение её требований было нужно, необходимо так же, как необходимы требования жизни телесной (голод). Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего. Великое слово – сравнение, чтоб духовное делание было так же настоятельно необходимо, как пища. [81]

...Религиозное чувство, сознание своего отношения к бесконечному, определение этого отношения и вывода из него о своём поведении так же, как труд для того, чтобы кормиться, суть самое естественное человеческое свойство, без которого никогда не жили и не могут жить люди. (...)

Людей, лишённых религиозного чувства, так же не может быть, как людей, лишённых сердца. Могут быть духовно больные люди, временно лишённые деятельности религиозного чувства, как бывают больные, лишённые правильной деятельности сердца. [82]

Холод – отсутствие тепла. Тьма – отсутствие света, зло – отсутствие добра. Отчего человек любит тепло, свет, добро? Оттого, что они естественны. Есть причина тепла, света и добра – солнце, Бог; но нет солнца холодного и тёмного, нет злого Бога. Мы видим свет и лучи света, ищем причину и говорим, что есть солнце: нам доказывает это и свет, и тепло, и закон тяготения. Это в мире физическом. В моральном мире видим добро, видим лучи его, видим, что такой же закон тяготения добра к чему-то высшему, и что источник – Бог. [83]

Закон, нравственный закон Христа – (...) это закон вечный, который не прейдёт, пока не будет исполнен. Это закон такой же необходимый, неизбежный, как закон тяготения, химических соединений и другие физические законы. [84]

Как в треугольнике обязателен закон, что сумма углов равняется двум прямым и квадрат гипотенузы равняется сумме квадратов катетов, как бы мне ни хотелось, чтобы квадраты катетов не равнялись квадрату гипотенузы, – так нравственный закон ещё более обязателен, потому что нравственный закон – высший закон... [85]

...Постоянное движение вперёд и нравственное совершенствование всех существ и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то людей, всё большее и большее объединение всех людей разумом, проявляющим любовь (...), есть основной закон жизни, без веры в который не может быть никакого смысла в существовании. [86]

...[Надо] понимать жизнь посерьёзнее и любить добро, и находить наслаждение в том, чтобы следить за собой и идти всё вперёд по дороге к совершенству. Дорога бесконечная, которая продолжается и в той жизни, прелестная и одна, на которой в этой жизни находишь счастье. [87]

Жизнь не шутка, а великое, торжественное дело. Жить надо бы всегда так же серьёзно и торжественно, как умираешь. [88]

Жизнь – серьёзное дело! Ах, кабы всегда, особенно в минуты решений, помнить это! [89]

Старайтесь (...) до мелочей жить серьёзнее и помнить, что лучше ничего не делать, чем делать ничего. [90]

Смотрел (...) на прелестный солнечный закат. В нагромождённых облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Всё это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нём. [91]

Все не могут не признавать того, что все произошли и находятся в зависимости от одного и того же начала, которое Христос называет отцом, и что смысл нашей жизни в том, чтобы исполнять его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дело, для которого она дана нам. Дело же это, мы тоже все несомненно знаем, состоит в том, чтобы с каждым днём и часом этой жизни становиться самому бодрее, т. е. самоотверженнее, любовнее, и участвовать в том, чтобы сделать этот мир лучше хоть на крупинку, чем он был, когда мы вступили в жизнь. Самим сделаться лучше и мир сделать лучшим... [92]

Мы все знаем, что живём не так, как надо, и не так, как мы могли бы жить. Вот эту-то мысль о том, что жизнь может и должна быть лучше, надо никогда не оставлять. Но помнить об этом надо не затем только, чтобы осуждать теперешнюю жизнь, а затем, чтобы устанавливать лучшую жизнь. Надо верить, что жизнь должна быть лучше, чем теперешняя, и жить так, чтобы она могла становиться лучше. [93]

Человек должен знать, что каждое его усилие для освобождения от грехов, соблазнов и суеверий не останется бесплодно, и не только для него, но и для жизни мира. Так что каждый должен знать, что без его усилия не может совершиться то пришествие Царствия Божия, которого желает сердце человеческое. [94]

...В этой жизни не может быть другого дела, как помогать установлению царства божия, – того, которое не может быть установлено иначе, как прежде всего в наших собственных сердцах тем, что мы будем стремиться быть совершенными, как совершенен отец наш небесный. [95]

Пока есть жизнь в человеке, он может совершенствоваться и служить миру. Но служить миру он может, только совершенствуясь, а совершенствоваться, только служа миру. [96]

Человеческий мир постоянно совершенствуется, и сознание этого совершенствования составляет одну из лучших радостей человека, и радость эта увеличивается для каждого человека ещё возможностью участия в этом совершенствовании. [97]

Нельзя останавливаться на пути самосовершенствования. Как только ты почувствуешь больший интерес к внешнему миру, чем к своей душе, знай, что ты остановился; мир движется мимо тебя, а ты стоишь. [98]

...Цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего. [99]

...Одно средство жить радостно – это быть апостолом. – Не в том смысле только, чтобы ходить и говорить языком, а в том, чтобы и руками, и ногами, и брюхом, и боками, и языком (...) служить истине (в той мере, в какой я знаю её) и распространению её – вселению её в других, не только людей, но в весь мир внешний – главной целью своей жизни сделать это дело и служить ему. [100]

Человек знает, что умрёт, и даже с каждым днём умирает. Казалось бы, довольно знать это, чтобы понять (...), что смысл жизни не может не быть независимостью от временности существования, а именно, во всяком случае тот, чтобы исполнять в этом мире то, чего хочет пославший, или то, что даст смысл всякому моменту жизни, а даст такой смысл только одно: исполнение, стремление к исполнению единого желания, в котором одном свободен: нравственного совершенствования. [101]

Ужасно положение того, кто не сознаёт в себе духовной жизни и её роста. Была одна телесная жизнь – и та неудержимо уничтожается и вот-вот исчезнет.

Сознай свою духовную сущность, живи ею, и вместо отчаяния ты узнаешь ничем ненарушимую и всё увеличивающуюся радость. [102]

То, что совершенствование нашей души есть единственная цель нашей жизни, справедливо уже потому, что всякая другая цель, в виду смерти, бессмысленна. [103]

...Краткость, временность жизни. Это так ясно, когда один за другим вокруг тебя исчезают люди. (...) И стоит ли того (хоть только с этой точки зрения), появившись на такой короткий промежуток времени, в этот короткий промежуток наврать, напутать и наделать глупости. Точно, как актёр, у которого только одна короткая сцена, который долго готовился к этой сцене, одет, гримирован, и вдруг выйдет и соврёт, осрамится сам и испортит всю пьесу. [104]

Художественное произведение есть то, которое заражает людей, приводит их всех к одному настроению. Нет равного по силе воздействия и по подчинению всех людей к одному и тому же настроению, как дело жизни и, под конец, целая жизнь человеческая. Если бы столько людей понимали всё значение и всю силу этого художественного произведения своей жизни! Если бы только они так же заботливо лелеяли её, прилагали все силы на то, чтобы не испортить его чем-нибудь и произвести его во всей возможной красоте. А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы или не хотим того, она есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими. [105]

...Человек считает борьбу с страстями только препятствием к достижению хорошей жизни, которая, ему кажется, ему предназначена и должна наступить сейчас; ошибка в том, что то, что человек считает препятствием для дела жизни, и есть само дело жизни. Другого никакого высшего дела нам не предстоит, как эта борьба с своим животным, одухотворение этого животного. И мир так устроен, что, делая это дело, сосредоточивая все свои силы на борьбе с собой, человек делает наилучшее дело жизни, дело божье, наидействительнейшим образом влияет на людей вокруг себя. [106]

...Никто из нас не должен и не может быть празднен, если признаёт то, что он живёт не по своей воле, не для своего удовольствия, а для исполнения воли божьей, вложенной ему в сердце. Если человек не видит той страшной дикости, в которой живёт народ, то он и не страдает от этого, если же он видит и страдает, то это страдание неизбежно призывает его к деятельности, а деятельность утишает страдание. (...) Да, надо проповедовать всеми средствами, которые даны нам, но прежде всего своей жизнью. Чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что голод материальный ничто в сравнении с голодом духовным, и потому не столько грех не подать хлеба телесного, чем хлеба духовного, тем более, что последнего люди не просят, полагая, что они сыты. [107]

Только человек, сознающий себя духовным существом, может сознавать человеческое достоинство своё и других людей, и только такой человек не унижит ни себя, ни ближнего поступком или положением, недостойным человека. [108]

Главное спасение от всех бед – это сознание людьми своих обязанностей к Богу и поставление их впереди всех других обязанностей: помнить, что прежде, чем я – Царь, кучер, городской, я – человек. Это, только это одно я желал бы проповедовать всем людям. [109]

Я нынче в очень дурном духе и мне трудно помнить, представить себе себя, каким я бываю в хорошем духе. А это непременно нужно... (...) Надо не верить, что я такой дрянной, каким я себя чувствую, а сделать усилие вспомнить, какой я там, какой я в духе, и жить в меру того воспоминаемого я... [110]

Только забудь про своё маленькое, гаденькое «я», перестань желать ему одному добра, перестань осуждать людей, завидовать им, перестань желать им зла, и ты почувствуешь, как в тебе проснётся и просияет Бог. Будь только чистым стеклом, и сквозь стекло это будет не переставая светить Бог, и радости твоей не будет конца. [111]

...Почаще поднимайтесь на ту высоту, с которой все практические дела кажутся крошечными и идущими так, как им должно (...). Без этого нельзя жить. Потолкаешься о препятствия, неприятности мирских дел, и невольно вспомнишь, что есть крылья и есть небо, и можно взлететь... [112]

Бьёшься по стенкам клетки. Это и полезно, тем, что заставит тебя вспомнить, что верх свободен и что у тебя есть крылья. Поднимись. Стены это условия мирской жизни. Верх это Бог, крылья это вера в него. [113]

Человек, живущий телесной жизнью, руководящийся временными интересами, совершенно подобен птице, которая, мучаясь, бегала бы слабыми ногами по земле, не зная употребления своих крыльев. [114]

Паскаль (Блез Паскаль (1623–1662) – французский математик, механик, физик, литератор и философ.) говорит, что христианин должен испытывать чувство презираемого, ничтожного человека, который вдруг узнаёт, что он царский сын.

Человек, поверивший в бога и потому в свою сыновность ему, узнаёт больше этого гораздо. И потому мы должны радоваться. Или ёжиться и ждать, не жить, или радоваться. Подумаешь, как несчастен я был, когда у меня не было этого духовного пристанища, и как несчастны все люди вокруг нас. И мы не ценим своего блага. [115]

– 4 –

Все пути человеку заказаны, кроме одного – совершенствования, увеличения духовной силы... [116]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то что главное дело нашей жизни состоит в стремлении к совершенству, «будьте совершенны, как отец», – совершенству в смысле увеличения любви, несомненно подтверждается уже тем, что во всём другом мы можем встретить препятствия, в этом же – увеличении любви, всегда доставляющем нам радость, ничто и никогда не может помешать нам. [117]

Цель жизни каждого отдельного человека одна: внутреннее совершенствование, состоящее в увеличении в себе любви. То, что в этом цель жизни, доказывается тем, что, во-первых, это совершенствование, в противоположность всем другим целям жизни, которые не в нашей власти, зависит только от нашей воли и потому всегда возможно; во-вторых, тем, что это совершенствование в любви тотчас же даёт тем большую радость и спокойствие, чем больше сделал усилия для этого совершенствования. В-третьих, тем, что цель жизни, положенная в совершенствовании, уничтожает страх прекращения жизни личности в смерти, так как любовь переносит интересы жизни вне личности; и, в-четвёртых, ещё и потому, что все величайшие учителя жизни от браминов, Будды и до Христа, Магомета и всех других мудрецов только именно эту цель указывали людям. [118]

...Единственное и важное, радостное дело, в котором никогда никто не может помешать нам и которое никогда не может быть всё доделано так, чтобы нечего было больше делать, – есть только одно: своё духовное – нравственное совершенствование. Как человека с завязанными глазами направляют на путь тем, что толкают его со всех тех сторон, в которые ему не нужно идти, и оставляют одну ту, по которой ему надо идти, так и нас все наши похоти, кончающиеся разочарованием и бедствиями, толкают со всех сторон и оставляют нам открытой только одну дорогу нравственного совершенствования, и нравственного, а не физического и не умственного, опять потому же, что могут быть условия, при которых я не могу быть сильным, ловким – я калека, – могут быть условия, при которых я не могу умственно развиться – я живу в глуши, я не быстр умом, – но нравственное совершенствование всякому всегда и везде возможно, и радость, доставляемая этим движением вперёд, огромна (...). И мало того, что само стремление и движение вперёд доставляет духовную радость жизни, при такой жизни большей частью бывает то, что и все мирские радости именно тогда, когда их не ищешь, не ставишь себе целью, бывает то, что и мирские и лучшие радости сами собой приходят такому человеку. [119]

В человека вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя её эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобств жизни, любви, может случиться, что обстоятельства так сложатся, что невозможно будет удовлетворить этим желаниям. Следовательно, эти желания незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какие же желания всегда могут быть удовлетворены, несмотря на внешние условия? Какие? Любовь, самоотвержение! [120]

...Стремление к совершенствованию не есть предписание разума, а есть свойство, прирождённое человеку. [121]

Самосовершенствование уже потому свойственно человеку, что он никогда, если он правдив, не может быть доволен собою. [122]

Как можно приучить себя класть жизнь в чинах, богатстве, славе, даже в охоте, в коллекционерстве, так можно приучить себя класть жизнь в совершенствовании, в постепенном приближении к поставленному пределу. Можно сейчас испытать это: посадить зёрнышки и начать следить за их ростом, и это будет занимать и радовать. Вспомни, как радовался на увеличение силы телесной, ловкости: коньки, плавание. Так же попробуй задать себе хоть то, чтобы не сказать в целый день, неделю ничего дурного про людей, и достижение будет также занимать и радовать. [123]

Да, как атлет радуется каждый день, поднимая большую и большую тяжесть и оглядывая свои всё разрастающиеся и крепнущие белые (бисепсы) мускулы, так точно можно, если только положишь в этом жизнь и начнёшь работу над своей душой,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то радоваться на то, что каждый день, нынче, поднял бóльшую, чем вчера, тяжесть, лучше перенёс соблазн. Только любоваться нельзя, да и не на что, потому что всегда остаётся так много недоделанного. [124]

Как вследствие физического движения: кровообращения, питания, – собирается и растёт физическое тело, так точно вследствие духовного движения, любовного общения – собирается духовное тело нашей будущей жизни. [125]

Хорошо начинать день молитвой о том, чтобы провести день или ту часть его, которая дана мне, исполняя волю Бога: своё назначение, и кончать день перед сном молитвой воспоминания и покаяния о том, в чём отступил от должного. [126]

...Все о других заботятся и что-то всё исправляют и чему-то учат, тогда как у каждого человека есть громадное дело, данное ему богом, заниматься своей собственной душой. Это дело всецело должно наполнить жизнь человека; и очищать свою душу от той грязи и мерзости, что выросла на ней, это самое важное дело жизни; и всё время, отведённое нам, должно уходить на это дело. [127]

Служи общему делу – делай дело любви – словом, воздержанием, усилием: тут не сказал словечка дурного, не сделал того, что было бы хуже, тут преодолел робость и ложный стыд и сделал и сказал то, что надо, что хорошо, то, что любовно, – всё крошечные, незаметные поступки и слова, и из этих-то горчичных зёрен вырастает дерево любви, закрывающее ветвями весь мир. [128]

...Смысл жизни в том, чтобы устанавливать Царство Божье на земле, т. е. заменять насильственное, жестокое, ненавистническое сожительство людей любовным и братским. Средство же для этого достижения есть своё личное совершенствование, т. е. замена своих эгоистических стремлений любовным служением другим, как в Евангелии сказано, в чём и весь закон и пророки: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой. В этом я вижу смысл жизни, выше которого не вижу другого, и живу далеко не всегда во имя этого смысла жизни, но часто, и чем дальше, тем чаще, приучаю себя жить во имя этого, и чем больше привыкаю к этому, тем радостнее, свободнее, независимее от всего внешнего моя жизнь, и тем менее мне страшна смерть. [129]

Если жизнь в совершенствовании, то человек не может быть хорош никогда. И потому смирение – необходимейшее условие жизни. [130]

Судишь других, не зная их. А про себя сколько гадостей знаешь и забываешь. [131]

Осуждение другого всегда неверно, потому что никто никогда не может знать того, что происходило и происходит в душе этого другого. [132]

Осуждать людей в глаза нехорошо потому, что это обижает их, а за глаза нехорошо потому, что это обманывает их. Самое лучшее – не искать дурного в людях и не замечать его, а искать дурное в себе и стараться исправлять не других, а себя. [133]

Часто люди думают выказать себя тем, что подмечают недостатки людей. А они этим только выказывают свою слабость. Чем человек умнее и добрее, тем больше он видит добра в людях, а чем глупее и злее, тем больше он видит недостатков в других. [134]

Отчего мы так рады обвинять и так злобно, несправедливо обвиняем? Оттого, что обвинение других снимает с нас ответственность. Нам кажется, что нам дурно не оттого, что мы дурны, а оттого, что другие виноваты. [135]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Если сердиться на людей, то подумай, не оттого ли, что сам плох. Если сердиться на животных, то все вероятия за то, что плохота в тебе. Если же сердиться на вещи, то знай, что всё в тебе, и надо взять себя в руки. [136]

Чем больше укрепляется в человеке разум и затихают страсти, тем больше освобождается в нём духовная жизнь любви к богу и ближнему. Счастлив человек, когда он сознательно помогает этому. [137]

Как бури волнуют воды и уничтожают их прозрачность, так и страсти, тревоги, страхи, смущая душу, мешают человеку сознавать свою сущность. [138]

Если страсть овладевает тобою, то помни, что твоё страстное желание не составляет твоей души, а только тёмный налёт, временно скрывающий от тебя её истинные свойства. [139]

Всякая страсть в сердце человека – вначале как проситель, потом – как гость, и наконец – как хозяин дома. Постарайся отказать просителю, не отворяя ему двери дома. [140]

Человек со своими страстями – как укротитель львов и медведей в зверинцах. Зануздать их, приручить, сделать из них домашних животных, слуг – в этом дело всякого человека. Пускай звери эти и рычат и готовы растерзать тебя, но не смеют и покоряются тебе. [141]

Часто люди гордятся более силою своих желаний, чем силою власти над своими желаниями. Какое странное заблуждение! [142]

Грехом в пахоте называется то, когда пахарь не удержит плуг, и он выскочил из борозды и не захватил того, что должно. То же и в жизни. Грех это – то, когда человек не удержал тела, оно сорвалось с пути и сделало не то, что должно. [143]

Все лучшие наши поступки достигаются не бурными внешними порывами, а, напротив, тихой внутренней работой над своей душой. Все двери в хорошие святые покои отворяются на себя и с усилием. Легко и без усилий, одним толчком отворяются только двери в погибель. [144]

Всё истинно великое совершается медленным, незаметным ростом. [145]

Истинная сила человека не в порывах, а в ненарушимом, спокойном стремлении к добру, которое он устанавливает в мыслях, выражает в словах и проводит в поступках. [146]

...Когда наступают времена спокойствия, надо дорожить ими, стараться продлить их. Это те времена, в которые возникают, уясняются и укрепляются мысли – руководители жизни. [147]

Бойся внушения направленной на тебя злобы, выражающейся в злых против тебя поступках. Ни на чём так не виден успех человека на пути добра, как на том, чтобы не сердиться и не отплатить злым словом за злое слово, или удар за удар человеку, оскорбляющему тебя. [148]

Отвечай добром на зло, и ты уничтожишь в злом человеке всё удовольствие, которое он получает от зла. [149]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Одно из важнейших правил в жизни: не зевать, когда другие зевают. Не поддаваться никакому внушению, не проверив его. Отдаваться только такому, какое признаешь добрым (...). Не забывать и того, что ты тоже внушаешь. [150]

Как надо быть настороже от всякого заражения: заражения насмешки, чувственности, а главное, злобы! Человек злобно бранит тебя, и ты, вместо того, чтобы почувствовать отвращение к злобе, сам заражаешься ею. Как пищу нельзя принимать, не спросив себя: не вредна ли она; так и всякое внушение, гипнотизацию. Прежде, чем отдаться ей, надо спросить себя: не вредная ли она? [151]

Надо быть, как лампа, закрытым от внешних влияний – ветра, насекомых, и при этом чистым, прозрачным и жарко горящим. [152]

Когда сердисься, не любишь кого-нибудь, знай, что это не ты, а что это сон, кошмар – самый ужасный кошмар. Как останавливаются косить, чтоб не портить травы. Так и тут. Надо лечиться. [153]

Сколько есть людей, всем недовольных, всё осуждающих, которым хочется сказать: подумайте, неужели вы только затем живёте, чтобы понять нелепость жизни, осудить её, посердиться и умереть. Не может этого быть. Подумайте. [154]

Самые ничтожные мелочи содействуют образованию характера. Не говори, что мелочи – пустяки, а помни, что воздержание от этих мелочей есть важное и великое дело, потому что из мелочей складывается большое: вся жизнь человека. [155]

...Самые большие и вредные преступления не те, которые совершаются временами, а те, которые совершаются хронически и не признаются преступлениями. [156]

Разумный и хороший человек видит в самых ничтожных и мелких делах Божескую силу. Такой человек всегда уважает и себя, и других, и не пренебрегает никакими делами, а во всех, хотя бы в самых ничтожных, делах старается проявить ту свою духовную силу, которая одна во всех людях и которая поэтому соединяет всех. [157]

Нет таких положений и нет таких незначительных дел, в которых не могла бы проявиться мудрость. [158]

Как таинственны, вечно таинственны, вне нашего наблюдения и соображения, пути, по которым души человеческие приближаются к Богу. Мы знаем, я, по крайней мере, знаю, только то, что зарождение духовной истинной жизни в другом человеке возбуждает во мне священный ужас, страх чем-нибудь, не то что уж словом, дыханием, взглядом, знанием того, что началось и совершается что-то – помешать рождению; как примета есть, что не надо, чтобы знали люди, когда женщина рождает. [159]

– 5 –

Делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя.

Большей частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал. [160]

...Нравственный закон сам за себя оплачивает, когда нарушаешь его. [161]

Ищи причину зла, от которого ты страдаешь, в себе. Иногда это зло непосредственное последствие твоей деятельности, иногда оно через сложную передачу вернулось на тебя, но всегда источник его в тебе, и спасение от него –

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
в изменении твоей деятельности. [162]

Многие грехи наши, особенно когда уже мы давно перестали делать то, что их производило, и живём, ждём плодов добрых от более доброй жизни, когда эти грехи проявляются в нас своими последствиями, удивляют, ужасают нас; так это бывало много раз со мной; но не надо ужасаться, это только значит то, что ты не расчёлся ещё с грехом, и, как в пушкинском «Выстреле», грех требует от тебя расчёта, тогда как ты думал, что ушёл от него. Это карма в этой жизни. [163]

– 6 –

...Что такое благо? Блага абсолютного нет во внешнем мире. Одно истинное благо есть наибольший свет разума, при котором человек может сделать наивернейший выбор. В совершенной темноте я изобью ноги и голову; при малом свете я хоть ограхусь от беды и найду, что мне нужно; при большом свете я ещё больше могу сделать того, что мне хорошо. И потому наибольший свет есть наибольшее благо. (...)...свет, при котором жизнь не [представляется], как прежде, бессмысленным злом, а разумным благом для меня, для всех и при всех возможных условиях. [164]

Для того, чтобы идти, надо знать, куда идёшь. То же нужно и для того, чтобы разумно и хорошо жить. Надо знать, куда ведёт жизнь и моя, и всех людей. [165]

Вижу (...) во всей природе: каждое растение, каждое животное предназначено что-то делать, и для этого дела даны каждому соответственные органы: корни, листья, щупальцы, обоняние и т. д. Вижу, кроме этого, человека, которому, кроме тех органов, которые даны животному, дан ещё разум, требующий от него осмысливания всех его поступков. Вот этот-то разум и должен быть удовлетворён и должен указать человеку, что ему надо делать соответственно этому разуму. И так жили и всегда живут люди, руководствуясь своим разумом. Жить, руководствуясь своим разумом, и значит жить, исполняя волю Божию. Точно так же, как для растения, животного жить, руководствуясь своими органами и инстинктами, значит жить, исполняя волю Божию. [166]

Жить для Бога? Как дойти до того, чтобы жить для Бога? Так же, как дошёл до того, что жил только для себя: убедиться, что всякая другая жизнь бессмысленна, бесполезна, губительна, что всякая другая жизнь не жизнь. Не убедительность, даже не руководящее чувство даёт твёрдость убеждения – опытом изведенное и несомненное бессмыслие всякой другой жизни. [167]

...Цель жизни одна: быть совершенным, как Отец; делать то же, что Он, то, чего Он хочет от нас, т. е. любить; любовь чтобы руководила в минуты самой энергичной деятельности и чтобы одной ей дышать в минуты величайшей слабости. Как только что-нибудь тяжело, больно, так стоит только вспомнить это, и всё тяжёлое, больное исчезает и остаётся одно радостное.

Человеку, серьёзно, искренно пользующемуся своим разумом, очевидно, что все цели закрыты ему: одна только разумна: жить для удовлетворения требований Бога, своей совести, своей высшей природы (всё одно и то же). Если вы– разить это во времени, то жить так, чтобы готовить свою душу к переходу в лучший мир, если выразить это точнее вне времени: слить свою жизнь с её безвременным началом, с Добром, с Любовью, с Богом. – Боюсь только одного: чтобы это так сильно и благотворно действующее на меня сознание единственной разумности и свободы, радости жизни в Боге не притупилось, не потеряло своё возносящее меня от дрязг жизни, освобождающее действие. Ах, кабы всем, кабы всегда так. [168]

...Что же сделает один человек в толпе, несогласной с ним? Нет рассуждения, которое бы очевиднее этого показывало неправду тех, которые употребляют его. Бурлаки тянут барку против течения. Неужели найдётся такой глупый бурлак, который откажется влечь в свою лямку, потому что он один не в силах тянуть барку против течения. Тот, кто признаёт за собою, кроме своих прав животной жизни – есть и спать, какую-нибудь человеческую обязанность, знает очень хорошо, в чём эта человеческая обязанность, точно так же, как знает это бурлак, на которого надета лямка. Бур– лак очень хорошо знает, что ему надо только влечь в лямку и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
идти по данному направлению. Он будет искать того, что ему делать и как, только
тогда, когда он сбросит с себя лямку. И что с бурлаками и со всеми людьми,
делаящими общую работу, то и в деле всего человечества: каждому надо не снимать
лямку, а влечь в неё по данному хозяином направлению. И на то и дан разум один
всем людям, чтобы направление это было всегда одно. И направление это дано так
очевидно несомненно, и во всей и жизни окружающих нас людей, и в совести каждого
человека, во всём выражении мудрости людей, что только тот, кто не хочет
работать, может говорить, что он не видит его. [169]

...Тот, кто искренно задаст себе вопрос, что делать, и, отвечая на этот вопрос, не
будет лгать перед собой, а пойдёт туда, куда поведёт его разум, тот уже решил
вопрос. Если он только не будет лгать перед собой, он найдёт, что, где и как
делать. [170]

Есть два приёма деятельности людских, и по тому, какого из этих двух родов
деятельностей они преимущественно держатся, и два рода людей: одни употребляют
свой разум на то, чтобы узнать, что хорошо и что дурно, и поступают соответственно
этому знанию; другие поступают, как им хочется, и потом уже употребляют свой
разум на то, чтобы доказать, что то, что они сделали, хорошо, а чего не сделали,
дурно. [171]

Чем больше живёшь, тем больше убеждаешься в том, что ум люди употребляют только
на то, чтобы оправдывать свои безумные поступки. [172]

Самая обычная и распространённая причина лжи есть желание обмануть не людей, а
самого себя. [173]

Ложь перед другими далеко не так важна и вредна, как ложь перед собой. Ложь
перед другими есть часто невинная игра, удовлетворение тщеславия; ложь же перед
собой есть всегда извращение истины, отступление от требований жизни. [174]

Мы все знаем, что значит лгать перед людьми, но лжи перед самими собой мы не
боимся; а между тем, самая худшая, прямая, обманная ложь перед людьми ничто по
своим последствиям в сравнении с той ложью перед самим собой, на которой мы
строим свою жизнь. [175]

Говорить и делать правду нужно всегда, даже в самых пустых делах не позволять
себе лжи. Не то важно, что большое или малое зло произойдёт от твоей неправды, а
то дорого, чтобы самого себя никогда не осквернять ложью. [176]

Надо не переставая учиться делать, говорить и думать правду. Только тот, кто
начнёт учиться этому, поймёт, как мы ещё далеки от правды и как многому ещё
надобно нам учиться. [177]

Ложь достигает только самых ближайших и ничтожных целей и всегда вредит самым
важным, вечным задачам человека. Ложь тем и страшна, что она скрывает духовное,
единое во всех, существо и потому препятствует возможности единения. С человеком
лгушим не может быть никаких отношений, кроме животных. [178]

Ложь есть умышленное извращение истины, которое может быть совершено только ради
достижения целей животной личности. [179]

Мы удивляемся перед растением (как мухоловка), которое проявляет признаки
разума. Так же удивительно, когда разумное существо проявляет только признаки
жизни животной или растительной. [180]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Жизнь без объяснения её значения и смысла и без вытекающего из него неизменного
руководства есть жалкое существование. [181]

..Если бы мне предложили дать единый совет, совет, который я считаю наиболее
полезным для людей нашего века, я бы сказал им только одно: ради бога,
остановитесь хоть на мгновение, перестаньте работать, оглянитесь вокруг,
подумайте, что вы из себя представляете и какими бы вы должны были быть,
подумайте об идеале. [182]

...Мне так несомненно ясно, что все наши беды, всё, всякое зло оттого, что мы
живём без религии и живём усиленным, напряжённым темпом, отчего зло это ещё
ужаснее. [183]

Без религии, т. е. установленного отношения к бесконечному духовному, человек –
бесхвостая обезьяна, умеющая делать фонографы, баллоны, бомбы и т. п. [184]

Отчего одни люди понимают жизнь религиозно, другие нет? Это самая большая
разница, какая только может быть между людьми. Религиозные люди – это настоящая
духовная аристократия. И как их мало. [185]

Есть только два рода людей: религиозные, живущие для исполнения Общей воли, и
нерелигиозные, живущие для себя. Это два более различные существа, чем волк и
заяц. [186]

Большинство людей живёт не думая; большинство людей так расточает свои силы в
борьбе за существование, что у них не остаётся времени, чтобы подумать: они
просто принимают то, что есть, за то, что должно быть. В этом главная причина
трудности познания истины. [187]

Интересы: пища, одежда, жилища и улучшение этих предметов и увеличение денег.
Все борются, одни вверху, другие внизу, но стремления у всех одни – все
гипнотизируют, заражают друг друга этой жадностью и все горят одним желанием,
стремятся в одну сторону, и только отдыхаешь при виде детей, сумасшедших и
пьяных. [188]

«Как океан объемлет шар земной, так наша жизнь объята снами». Мало того – снами:
объята бессознательной рефлексивной жизнью. Не только рефлексивную, но
рассудочную, признаваемую большинством людей жизнью, но не имеющей в себе
истинных свойств жизни. Истинная жизнь, жизнь, сознающая своё божественное
начало, только как редкие островки на этом океане бессознательной жизни,
совершающейся по определённым материальным законам. И только эти моменты,
складываясь друг с другом (исключая всё разделяющее их), составляют истинную
жизнь. Остальное сон. [189]

Жизнь начинается только тогда, когда начинается божеское сознание, т. е.
сознание себя сыном, слугою Бога, а остальное всё рефлексы, и в остальном правы
материалисты, считая её только механизмом. Она и есть механизм, управляемый
высшим сознанием. [190]

Настоящая, серьёзная жизнь только та, которая идёт по сознаваемому высшему
закону; жизнь же, руководимая похотями, страстями, рассуждениями, есть только
преддверие жизни, приготовление к ней, есть сон. [191]

...Как бывает во сне что-нибудь такое страшное, что прибегаешь к последнему
средству, спрашиваешь: не сон ли это? Делаешь усилие и просыпаешься. Так же и в
жизни. Когда живёшь не духовной жизнью – страдаешь и не знаешь, как быть. И
тогда надо тоже спросить себя: не спишь ли? [192]

...На войне солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие, для того, чтобы легче переносить опасность. [Все люди – такие солдаты, спасающиеся] от жизни: кто честолобием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами. [193]

Большинство людей живут так, как будто идут задом к пропасти. Они знают, что сзади пропасть, в которую всякую минуту могут упасть, но не смотрят на неё, а развлекаются тем, что видят. [194]

Сколько таких людей, с которыми не говоришь вовсю, потому что знаешь, что они во хмелю. Кто в хмелю корысти, кто тщеславия, кто влюблённости, кто прямо во хмелю наркотиков. Избави нас бог от этих опьянений. Эти опьянения (...) ставят преграды между людьми, мешают тому единению, которого хочет бог. [195]

Часто (...), ходя по городу и иногда слушая ужасные, жестокие и нелепые разговоры, приходишь в недоумение, не понимаешь, чего они хотят, что они делают, и спрашиваешь себя: где я? Очевидно, дом мой не здесь. [196]

– 7 –

Говорят, одна ласточка не делает весны; но неужели оттого, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться надо тогда и всякой почке и травке, и весны не будет. [197]

Уж как крепок лёд, и как скрыта земля снегом, а придёт весна, и всё рухнет. Так и тот, застывший, как будто и не движущийся строй жизни, который сковал нас. Но это только кажется. Я вижу уже, как он стал внутренне слаб, и лучам солнца и всем нам, по мере ясности отражающим эти лучи, надо не устывать отражать их и не унывать. [198]

...Унывать нам нельзя. Сколько бы мы ни падали, ни сбивались с дороги, ни засыпали на ней, мы знаем, что другого пути – другой жизни – нет, как та, которая даёт благо неотъемлемое, и потому не можем не быть радостны и счастливы всякий раз, как вступаем опять в истинную жизнь, из которой нас на время выбрасывают наши слабости, про которые знает тот, кому мы хотим служить, тот, для кого и кем мы живём. [199]

...Между волею бога и существующим порядком полное несогласие, и происходит борьба. Тысячелетия уже идёт эта борьба между законами божьими и человеческими, между любовью и ненавистью, и безостановочно, с каждым веком, с каждым годом, каждым днём и часом свет побеждает тьму, и люди всё более и более приближаются к идеалу, указанному всеми пророками, Христом и нашим сердцем, и исход борьбы несомненен. [200]

Очень тяжёлое время мы переживаем. Грустить не надо. Это как роды; мучения (...) – после них будет радость. Люди переродятся; эти самые несчастья натолкнут их на духовное сознание. [201]

Carthago delenda est (карфаген должен быть разрушен (лат.)). Жизнь, та форма жизни, которой живём теперь мы (...) – delenda est, должна быть разрушена, говорил я, и буду твердить это до тех пор, пока она будет разрушена. Я умру, может быть, пока она не будет ещё разрушена, но я не один, со мной стоят сотни тысяч людей, со мной стоит истина. И она будет разрушена, и очень скоро. [202]

Знаю я, что я не увижу последствий (...) моего воззвания, но знаю так, знаю вернее смерти, что последствия эти будут. Будут не в том смысле, что сложится такой или иной мною предвидимый и желаемый строй жизни, а будут в том, что уничтожится то

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
безумие и зло, в котором живут теперь люди христианского мира. Это будет, я
вернее смерти знаю, что это наверно, неизбежно будет. [203]

Уничтожиться должен строй соревновательный и замениться должен коммунистическим;
уничтожиться должен строй капиталистический и замениться социалистическим;
уничтожиться должен строй милитаризма и замениться разоружением и арбитражей;
уничтожиться должен сепаратизм узкой национальности и замениться космополитизмом
и всеобщим братством; уничтожиться должны всякие религиозные суеверия и
замениться разумным религиозным нравственным сознанием; уничтожиться должен
всякого рода деспотизм и замениться свободой; одним словом, уничтожиться должно
насилие и замениться свободным и любовным единением людей. [204]

Одно я знаю, и это несомненно, что та истина, которой я живу всё больше и
больше, будет завоевывать мир и завоюет его весь... [205]

Всё в тебе

– 1 –

Большая ошибка думать, что Царство Небесное там, за гробом, и такая же большая
ошибка думать, что оно здесь. Оно внутри, а когда внутри, то здесь и там
нераздельно. [1]

...Люди, созерцая идеал, всегда надеются найти его где-нибудь и спешат искать. Они
не знают и не хотят верить, что его не надо искать там и здесь, в пространстве и
времени, а что идеал затем дан, чтобы его осуществлять сейчас, здесь. Царство
Божие внутри нас и достигается усилием. [2]

Ты ищешь рая, хочешь быть там, где нет страданий и вражды – освободи своё
сердце, сделай его чистым и светлым, и тебе уже и здесь будет тот рай, которого
ты желаешь. [3]

...Всякое занятие делом, имеющим определённую цель, достижение этой внешней цели
есть пьянство; пьянство в том смысле, что цель внешняя никак не может быть
серьёзной, заправочной целью человека. (...) Людям всем дано только одно дело:
соблюдение своей души. Искание того Царства Божия, которое внутри нас, и
остальное всё не приложится, а само вытечет из этого искания... [4]

...Всё яснее и яснее мне становится то, что только единое на потребу – одно нужно:
блюсти в себе своё божественное «я» и растить его, с тем, чтобы перенести его в
другую жизнь возвращённым, – след же, который оно оставит в этой жизни, есть
только неизбежное последствие этого возвращения, совершенствования. Я боюсь, что
это покажется словами только: для меня это дело, не только дело, но единственная
связь моя с жизнью. Только этим можно жить бодро, энергично, после того, как в
сознании, по крайней мере, отказался от земных внешних радостей как цели жизни.
Земные радости, когда их не ставишь целью, прикладываются. [5]

Стоит человеку отвернуться от разрешения внешних вопросов и поставить себе
единый, истинный, свойственный человеку внутренний вопрос, как ему лучше прожить
свою жизнь, чтобы все внешние вопросы получили наилучшее разрешение. [6]

...Совершить нельзя, да и не нужно никакого дела, а нужно только свои силы
прилагать наилучшим образом к вечному божьему делу... [7]

...Жизнь, по определению Христа, т. е. истины, не есть нечто моё, не включает в
себе никакой задачи для меня, никакого цельного дела, исполнимого здесь, а что
жизнь есть иго или крест, есть нечто, чем я везу, или нечто, что я несу, и что
всё моё внимание должно быть устремлено не на то, чтобы сделать что-то, а на то,
чтобы не переставать делать дело божие, вечно нескончаемое и неохватываемое, и
не понимаемое моим разумом, но участие или неучастие в котором всегда сознаётся
мною. При этом думаю иногда, что при всякой деятельности настоящей важно не то,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то что из неё вышло, а усиление того, кто в ней участвует. Человек вытащил другого из огня. Тут дело божие не в спасении человека (он может быть не нужен или вреден, себе даже), а в том росте духа, который совершился, когда спасавший боролся, т. е. рос духовно и вырос – решился. Не то дело, что стирается брусок, а то, что точится лезвие. [8]

Недовольство, усталость, уныние, потребность того, чего нет, всё это оттого, что мы составляем планы, что хотим достигнуть чего-то видимого. Стоит только ясно понять, что я ничего удовлетворяющего меня, видимого достигнуть не могу, и что потому большее или меньшее достижение теперь безразлично, а что дело только в том, насколько я не спускаю постромки и везу, что успокоение моё не в том видимом, чего я достиг, а в том, что я знаю и люблю общее дело божье и своей жизнью участвую в нём, и делается хорошо и радостно. [9]

Нам кажется, что настоящая работа – это работа над чем-нибудь внешним – производить, собирать что-нибудь: имущество, дом, скот, плоды, а работать над своей душой – это так, фантазия, а между тем всякая другая, кроме как работа над своей душой, усвоение привычек добра, всякая другая работа – пустяки. [10]

Не цели, общие с окружающими тебя людьми, должны определять твою деятельность, а назначение твоей жизни, одинаковое с назначением всех людей мира. [11]

Страшно и жутко отречься от видимого представления о жизни и отдаться невидимому сознанию её, как страшно и жутко было бы ребёнку родиться, если бы он мог сознавать своё рождение, – но делать нечего, когда очевидно, что видимое представление влечёт к смерти, а невидимое сознание одно даёт жизнь. [12]

Привыкли думать, и так учат враги истины, что совершенствование есть эгоизм, что, живя для совершенствования, уходишь от жизни. Это великая неправда. Совершенствоваться можно только в жизни, в общении с людьми. И если человек, живя среди людей, полагает свою главную цель в совершенствовании перед богом, он в практических делах достигнет больших результатов, чем человек, ищущий одного успеха внешних дел. [13]

Не заниматься собой, а работать внешнюю работу, которую я считаю нужной, всё равно, что рубить тупым топором. Только испортишь топор и размочалишь и расщеплешь то, что рубишь, а ничего не сделаешь, не построишь. [14]

Все мы думаем, что наша обязанность, призвание – это делать разные дела: воспитать детей, нажить состояние, написать книгу, открыть закон в науке и т. п., а дело у всех нас только одно: делать свою жизнь, сделать так, чтобы жизнь была цельным, разумным, хорошим делом. [15]

Не стараться делать добро надо, а стараться быть добрым; не стараться светить надо, а стараться быть чистым. Человек носит в себе алмаз, призму которого он может очистить и не очистить. Насколько очищен этот алмаз, настолько светит через него свет и Бог, светит и для самого человека, и для других. И потому всё дело человека внутренне не в делании добра, не в свечении людям, а только в очищении себя. И свет, и добро людям – неизбежные последствия очищения. [16]

Доброе (...) дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому что можно кормить и не любить, т. е. делать зло людям, но нельзя любить и не накормить. (...) ...Доброе дело только дело любви, а дело любви – всегда дело жертвы. [17]

Накормить голодного, одеть голого, посетить больного – всё добрые дела, но несравнимое со всем этим доброе дело – освобождение брата от заблуждения. [18]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

...Не говорите о нужде бедных материально и о помощи им. Нужда и страдания не от материальных причин. Если помогать, то только духовными дарами, нужными одинаково и бедным, и богатым. [19]

Добро нельзя измерять ни нуждой получающего, ни жертвою дающего, а только тем общением в божестве, которое устанавливается между дающим и получающим. [20]

Служить людям? но как, чем служить? Не деньгами, не услугами телесными даже: расчистить каток, сшить сапоги, вымыть бельё, посидеть ночь за больным. Всё это и хорошо, может быть, и лучше, чем делать это для себя, но, может быть, и дурно и, в сущности, бесполезно. Одно полезно, одно нужно – это научить (...) жить добро. А как это сделать? Одно средство: самому жить хорошо. [21]

Дал одному, 3-м, почему не 20-и, 1000, миллиону. Очевидно, нельзя дать, отдав и всё. Что же делать? Чем помочь? Только одним: доброй жизнью. Всё зло не от того, что богатые забрали у бедных. Это маленькая часть причины. Причина та, что люди и богатые, и средние, и бедные живут по-зверски, – каждый для себя, каждый наступая на другого. От этого горе и бедность. Спасенье от этого только в том, чтобы вносить в жизнь свою и потому других людей другое – уважение ко всем людям, любовь к ним, заботу о других и наиболее возможное отречение от себя, от своих эгоистических радостей. [22]

...Ничто так не убивает внутреннее, как внешнее, и ничто так не развивает лицемерие (самого страшного врага истины), лицемерие, гордость, неуважение к людям, как приписывание значения внешним формам жизни. [23]

...Помочь (...) человеку можно только тем, чтоб переменить его мирозерцание. А чтобы переменить мирозерцание другого человека, надо самому иметь своё лучшее мирозерцание и жить сообразно с ним... [24]

Назначение человека в том, чтобы служить Богу – миру. А человек начинает служить себе и, разумеется, портит свою жизнь. Испортив свою жизнь, начинает служить обществу, чтоб ему было лучше. И ещё больше портит себе. А служить надо Богу в себе, или себе в Боге. [25]

Служить Богу и людям. Но как? чем? Может быть, нет этой возможности. Неправда. Эта возможность всегда дана тебе – делаться лучше. [26]

Чем больше занят собою, своей душой, тем меньше занят внешним миром, и тем больше добра вносишь в мир. И наоборот. [27]

Для животного существа в человеке нужно счастье извне, для разумного, духовного существа нужно только усилие (усилие сознания) изнутри. [28]

...Счастье человеческое никогда не было и не может быть в каком-либо определённом положении. (Так оно представляется только самым грубым людям: покой, праздность, богатство.) Счастье не может состоять в каком-либо определённом состоянии, как бы оно, это состояние, ни казалось нравственно и утончённо; счастье состоит в радостном исполнении своего дела жизни, радостного, спокойного, твёрдого ответа на все те требования, какие заявляет жизнь. [29]

Все различия наших положений в мире – ничто в сравнении с внутренними силами власти над собой. Всё равно как безразлично, упал ли человек с корабля в Азовское, Чёрное, Средиземное море или в океан, в сравнении с тем, что умеет он плавать или нет. Сила не во внешних условиях, а в умении владеть собой. [30]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Благодарю Тебя, Господи, за то, что одно, единственное одно, что нужно мне, в
моей власти. [31]

Много, мне кажется, совершается перемен во всём. Это, должно быть, во мне
перемены, а мне кажется, что вне меня. Серьёзное и важнее всё стало. [32]

...думать, что внешними условиями можно изменить свою жизнь, всё равно, что
думать, как я, бывало, маленький, что, севши на палку и взяв её за концы, я могу
поднять себя. [33]

Перемена внешних условий есть напрасная трата сил, долженствующих быть
направленными на внутреннюю работу. А если внутри всё в порядке, то везде
хорошо. Как в индийском изречении сказано: «Искать улучшения жизни вовне всё
равно, как пастуху искать потерянного ягнёнка, когда он у него за пазухой». [34]

Только спокойнее, покорнее несите те условия жизни, в которых вас ставит судьба,
и условия эти изменятся. [35]

...Как только любовь к ближнему станет для человека естественной, новые условия
христианской жизни образуются сами собой, совсем как в жидкости, насыщенной
солью, образуются кристаллы, как только перестают её взбалтывать. [36]

...Когда положишь все силы на внутреннюю работу (...), то или внешняя жизнь
сложится, как мы желаем, или то, что она не такова, как мы желаем, перестанет
тревожить нас. [37]

На вопрос ваш, как вам устроить свою жизнь? – отвечаю отрицанием самого вопроса:
устраивать нашу жизнь не в нашей власти, и попытки такого устройства только
нарушают то её устройство, которое предстоит нам, о котором мы не знаем и
которое самое лучшее и для нас, и для всех соприкасающихся с нами. (...) Только
положите все силы на это усилие, то усилие, которым берётся царство божие внутри
нас, всякую минуту настоящего насколько можно больше употребляйте на эту
внутреннюю работу совершенствования – освобождения, и жизнь сложится так, как
она должна сложиться, и, по всем вероятностям, не так, как вы бы того хотели, но
сложится наилучшим образом. [38]

...Вам не нужно бросать семью или ослаблять свою заботу о ней, но нужно внести в
семейную жизнь и заботу тот идеал, к которому вы стремились и который не
осуществили, но который был несомненно истинен. Нужно соединить служение людям и
служение семье не механически, распределяя время на то и другое, а химически,
придав заботе о семье, воспитанию детей идеальное, служебное людям значение.
[39]

Чтобы выполнить, насколько в наших силах, долг истинного христианина, совершенно
бесполезно менять окружающую обстановку. Идеал человека, просветлённого истинным
учением Христа, есть не что иное, как постоянное нравственное совершенствование;
это значит – стараться стать лучше, растить в себе любовь к Богу и людям.
Совершенствование возможно при всяких условиях. [40]

Да, не важно то место, на котором находится человек в данное время, а то
направление, в котором он движется, и быстрота, энергия движения. [41]

Я гадаю, спрашивая: если я буду действовать как должно, то будет ли всё хорошо,
уничтожатся ли все препятствия? Вопрос этот – плеоназм, это вопрос о том: что,
когда я буду действовать в области, где нет препятствий, будут ли препятствия?
[42]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Не ждите от жизни ничего: лучше того, что у вас есть теперь, и момента более серьезного и важного, чем тот, который вы теперь переживаете, не может быть, потому что он настоящий и один в вашей власти. Не думайте тоже о форме жизни, иной, более желательной: все безразлично. Лучше только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовной силы. [43]

Из письма:

«Не делайте планов, не предполагайте, что есть время, место и люди, которые могут быть нужны и важны для Вашей жизни, и что есть место, время и люди, среди которых Вы не можете быть хорошей и потому вполне счастливой...» [44]

Те условия, в которых мы находимся, представляют из себя тот материал, над которым мы призваны работать. [45]

Мне думается иногда, что мы мало внутренне движемся от того, что суетимся внешне: только что начнётся внутренняя работа, которую надо вытерпеть, выжить, – мы засуетимся и не разродимся новым состоянием. [46]

Когда в раздумье – не знаешь, что хорошо, что дурно, нужно войти в себя; не искать спасения при внешнем свете, а потушить этот внешний свет. Он один мешает видеть то, что добро и что зло. [47]

Сказано: все страдания от незнания. Спасение от страданий – знание. Истинное знание достигается совершенствованием. И потому спасение от страданий одно: совершенствование. Совершенствование же достигается работой в тиши над собой, а никак не внешними изменениями форм жизни. [48]

Главное – надо переменить не занятия, а понятия. Раз переменятся понятия, занятия переменятся сами собой. [49]

Все великие перемены в жизни людей совершаются только в мысли. Если в сознании человека происходит перемена, действие его неизбежно отразит направление мысли, подобно барке, следующей за поворотом руля. [50]

...Я нахожу бесполезным и часто даже вредным проповедовать известные поступки или воздержание от поступков (...). Нужно, чтобы все действия происходили не из желания следовать известным правилам, но из совершенной невозможности действовать иначе. [51]

Как колёса машины нельзя повернуть силой, они все связаны с шестернями и другими колёсами, а пустить и не пустить пар, который задвигает их, легко, так точно страшно трудно изменить самые внешние условия жизни, но быть добрым или злым легко. [52]

Пусть только каждый приводит своё сознание в наибольшую ясность и жизнь в наибольшее соответствие с требованиями этого сознания. [53]

Надо ясное общее начало, и тогда подробности сложатся сами собой. Мы не можем никаких форм осуществлять, а можем только стремиться к идеалу. [54]

Никакое положение не важно и ни одно не лучше и не хуже другого: важно ясность сознания истины и неизбежно вытекающее из этого исполнение её. [55]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то я себе всегда в упрёк ставлю, что слишком много говорил об изменении форм жизни. Всё временное, внешнее, то, что будет, и то, что есть, не зависит от нас. Человек должен только стремиться к тому, что он считает правдой, а что выйдет из этого, не в его власти. [56]

Всё хочется написать и всё забываешь, что надо написать на сердце своём, и что если там будет твёрдо написано, то уж отпечатается там, где нужно. [57]

Надо, чтоб в деятельности нашей были корни. [58]

Если хочется иметь больше значения в мире, славу, то это значит, что не живёшь духовной жизнью. Для духовной жизни нет большего и меньшего. Есть только единение с Богом, исключаящее область большего и меньшего. [59]

Любовь людей – самая большая радость в жизни. Но странное дело: ищи любви людской – и не получишь её. Не думай о любви людской, не ищи её, думай только о том, чтобы угодить Богу – и получишь любви людской больше, чем ожидаешь. [60]

Угождай людям, забывая бога, и люди не будут любить тебя; угождай богу, забывая о людях, и люди полюбят тебя. [61]

Берегите себя прежде всего – для себя, тогда и людям много останется. [62]

– 2 –

Дела человека хороши не сами по себе, а по чувствам, которые им руководили. [63]

Факт греха ведь не грех, самый грех это то душевное состояние, которое его вызывало. (...) ...Грех есть только неизбежное последствие (...) ложного душевного состояния. [64]

Ужасны не грабежи, не убийства, не казни. Что такое грабежи? Это переходы имущества от одних людей к другим. Это всегда было и будет, и в этом нет ничего страшного. Что такое казни, убийства? Это – переходы людей от жизни к смерти. Переходы эти всегда были, есть и будут, и в них нет ничего страшного. Страшны не грабежи и убийства, а страшны чувства тех людей, которые грабят и убивают. [65]

Да, как ни ужасны самые дела, нравственное, духовное, невидимое зло (...) без сравнения, ещё ужаснее. [66]

...Дурно, что ты раскаиваешься в поступках, а не в том чувстве, которое ими руководит. [67]

Поступок самого низшего порядка, но совершённый вполне правдиво, только для бога, без сравнения, дороже, т. е. принесёт больше блага себе и другим, чем поступок самый возвышенный, самоотверженный, совершённый для людей, который не сделан бы был, если бы люди не знали про него. [68]

Дело не в том, что вы сделали, а в том, что у вас в душе; важна та работа, которая совершается в душе, приближая нас к богу (...). Поступок и то положение, в которое становится человек вследствие совершённого поступка, не имеет само по себе никакого значения. Всякий поступок и положение, в которое становится вследствие его человек, имеет значение только по той борьбе, которая происходила в душе... [69]

...Деятельности самой по себе никакой нет ни хорошей, ни дурной; есть только

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то хорошие или дурные побуждения. [70]

Думаю, что мы будем судимы нашей совестью и Богом не за последствия наших поступков, которых мы не можем знать, но за наши намерения. [71]

– 3 –

...Изменение (...) безумных и безнравственных условий жизни не в моей власти, тогда как в полной моей власти только моя жизнь и моя деятельность, во всякую минуту настоящего, и (...) моя деятельность, направленная на самого себя, есть вместе с тем единственное средство воздействия моего на условия внешнего мира. Моя деятельность, направленная на самого себя, это тот рычаг, посредством которого только я могу содействовать превращению дурных условий в хорошие. Правда, перемены этой не только я в свои 82 года, но и молодой человек может не увидеть, но всякое внутреннее совершенствование каждой личности неизбежно вносит и зачатки изменения общего строя. [72]

Политического изменения социального строя не может быть. Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путём пойдёт это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы все знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только не для себя. [73]

Изменять формы жизни, надеясь этим средством изменить свойства и мировоззрения людей, всё равно, что перекладывать на разные манеры сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. [74]

Устройство внешних форм общественной жизни без внутреннего совершенствования – это всё равно, что перекладывать без извёстки, но на новый манер, разваливающееся здание из неотёсанных камней. Как ни клади, всё не будет защищено от непогоды и будет разваливаться. [75]

Сближение как между людьми, так и между народами достигается не выражениями желания сближения, а стремлением как каждого отдельного человека, так и всякого народа к познанию истины и исполнению её в жизни. Только при таком стремлении истинно и прочно сближаются люди, если бы даже никогда они и не думали о сближении. Истина неизбежно сближает их. Истина же добывается усилием мысли. [76]

...Единение возможно только в истине. Для того, чтобы найти единение с людьми, не нужно идти навстречу друг другу, навстречу людям, а нужно всем идти к богу, или истине. Там только единение, и не с тем, с кем я хочу или предполагаю, что у меня должно быть единение, а с тем, кто пришёл туда же, куда и я. [77]

Драгоценна не та община, которую мы образуем в Т(...) или С(...) из близких по времени и пространству людей, хотя и такая община может иметь своё место и значение, но драгоценна та община людей всех времён и народов, которые сходятся в единой истине, в которой я встретился с такими далёкими мне по месту и по времени людьми (...). Община, предстоящая теперь человечеству, составляется не из людей, которые соберутся вместе для того, чтобы осуществить известные экономические, выгодные для них самих, цели (...); а из тех людей, которые рассыпаны везде и навсегда отrekliсь от всяких мирских целей и посвятили свою жизнь одному служению богу. [78]

...Объединение может произойти только внутренним образом (...), и единственное средство, которое может произвести это объединение, это искреннее искание каждым человеком своего отношения к миру, к бесконечному, к богу. [79]

Хочешь соединиться с людьми – не соединишься; живёшь только для себя, для души, не думая о соединении, – и соединишься с китайцем, индусом, с человеком 25

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1 столетия. [80]

...Только по мере глубины, до которой мы доходим в сознании себя, мы и сближаемся с другими. [81]

– 4 –

Главная ошибка борющихся с существующим злом та, что хотят бороться извне. Перестроится мир не извне, а изнутри. И потому вся энергия на внутреннюю работу. [82]

...Если хочешь бороться с каким-нибудь злом, то нужно бороться с его причиной. [83]

Направляйте свои усилия не на борьбу с определёнными врагами, а на общее совершенствование, и вы наверное победите всех врагов... [84]

Бороться надо с самим собою, покаясь свои пороки и грехи, и наверно поборешь не только себя. [85]

– 5 –

Нам всё дано, чтобы быть счастливыми. [86]

Просить Бога о том, чтобы кто-то дал нам благо в этой жизни – всё равно, что человеку, сидя над источником, просить источник о том, чтобы он избавил его от жажды. Полное благо дано нам. Надо только уметь пользоваться им. [87]

Люди молят Бога помочь им извне, а Он, всегда готовый помочь им, в них самих. Только бы они поверили в Него, в этого внутреннего Бога, и дали бы Ему возможность помочь им. А то они не дают Ему этой возможности: хотят, чтобы Он помог им, как они этого хотят, а не так, как Он этого хочет. Всё равно, как сумасшедший, который, желая выйти, захлопывает ту дверь, которую отворяют ему. [88]

Дайте величайшие блага, те самые, которых он желал бы, человеку, нарушающему закон своей жизни, закон бога, и он будет несчастным. Отнимите у человека, положившего своё благо в исполнении закона, всё то, что считается людьми благом, и он всё-таки будет счастлив. [89]

...Жизнь дана всем людям для блага, и если люди не испытывают этого блага, то виноваты только они сами. [90]

Живём мы только для того, чтобы пользоваться благом жизни. Весь смысл жизни, доступный нам, только в том, чтобы мы имели возможность участвовать в божеской жизни; и потому мы должны быть счастливы. Если мы несчастливы, то это значит только то, что мы делаем не то, что должно, или не делаем того, что должно. Так что не только благо есть следствие исполнения долга, но наш долг в том, чтобы мы испытывали благо. [91]

Мне кажется, что человек должен за первое правило себе поставить – быть счастливым и довольным. Надо стыдиться, как дурного поступка, своего недовольства и знать, что если у меня или во мне что-нибудь не ладится, то мне не рассказывать надо об этом другим и не жаловаться, а поскорее постараться поправить то, что не ладится. [92]

...Человек обязан быть счастлив, как обязан быть чистоплотен: как он замечает, что он грязен – ему надо помыться, как чувствует, что несчастен – ему надо почиститься нравственно... [93]

Будь кроток и смирен сердцем, будь доволен всем, согласен на всякое положение, и исполнишь волю Отца. Так что волю Отца чтоб исполнять, надо узнать не что делать, а надо узнать, как делать то, что приходится делать. [94]

Когда разумный человек завязнет в снегу, то он не обвиняет дорогу, а себя, стараясь выбраться на настоящую дорогу, с которой он сбился. То же и в жизни. Люди собьются с пути и, вместо того, чтобы искать свою ошибку, обвиняют и людей, и жизнь, и бога, только не одного виноватого во всём – себя. [95]

Если жизнь не представляется тебе великой, незаслуженной радостью, то это только потому, что разум твой ложно направлен. [96]

Мы не имеем никакого права быть недовольными этой жизнью. Если нам кажется, что мы недовольны ею, то это значит только то, что мы имеем основание быть недовольными собою. [97]

Добрым так же трудно предполагать зло в других, как злым предполагать доброе. [98]

Человек испортил себе желудок и жалуется на обед. То же и с людьми, недовольными жизнью. [99]

Человек сам делает зло, сам и страдает. Сам делает добро, сам и радуется. Сам своими усилиями делает себя чистым и нечистым, сам губит или спасает себя. Ошибается человек, надеющийся найти благо вне себя, как в этой жизни, так и в будущей. [100]

Чем больше будут верить люди в то, что они могут быть приведены чем-то внешним, действующим само собою, помимо их воли, к изменению и улучшению своей жизни, тем труднее совершится это изменение и улучшение. [101]

– 6 –

Из всякого трудного положения сейчас же выйдешь, если только ясно сознаешь то, что в тебе живёт Бог. [102]

..Благо наше зависит не от внешних условий, а от степени сознания и слияния своего я не с своим животным существом, а с своим общим всем людям духовным началом, которое мы называем богом... [103]

Только человеку, не признающему своей зависимости от высшей воли, может придти та удивительная мысль, что он знает лучше, чем тот вечный хозяин жизни, какую она должна быть и каким средством она должна быть исправлена. [104]

Я твёрдо верю, что если я посвящу все мои силы на исполнение воли Хозяина, так ясно выраженной в его словах и в моей совести, – хотя бы я и не вполне верно представлял себе цели и намерения Хозяина, которому я служу, – он меня не оставит и устроит всё к моему благу. [105]

..Исполнять волю Отца, выраженную в Евангелии. Не изменять рассудочно своего положения внешнего, а всеми силами разжигать в себе свет истинного разумения и в свете этом действовать. [106]

..Всё больше и больше приучаюсь к тому, чтобы не предпочитать никаких одних внешних условий другим и не заботиться о них, а заботиться о том, чтобы в данных

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
условиях соблюсти данную мне божественную искру и исполнить всю волю Отца. (...)
...Знаю, что в этом одном и успокоение, и разрешение всех и отвлечённых, и самых
практических задач... [107]

...Жизнь не может быть ни хороша, ни дурна от внешних условий. Всё в тебе. Живёшь
с богом и в боге, и всё и везде хорошо. Живёшь без бога, и всё и везде дурно.
[108]

Человек запутался так, что что́ ни сделай, всё дурно, как перекрёсток дорог
сказочного богатыря. Кажется, что выхода нет, и куда ни пойдешь – всё будет худо.
И вот, если только найдёт на него внутреннее просветление, и он поймёт, что ему
выбирать ничего не нужно, а нужно только сознать в себе Бога и отдаться Ему, т.
е. отдаться любви. И тогда не нужно ничего выбирать. Иди по какой хочешь дороге
– на всех благо. [109]

...Дело божие, служение ему не может и не должно опираться ни на что, а всё
остальное должно опираться на сознание необходимости и радости этого служения.
[110]

Если человек знает, что он такое, знает, что в нём есть божественное начало,
какая ему ещё нужна поддержка? То, что он может получить от других, относится к
тому, что он имеет в себе, как одна миллионная, как одна стомиллионная. [111]

Боже мой, как я один, один, хотелось сказать, но вспомнил, что Ты со мною, и
стыдно стало. Только тогда и хорошо, когда один с Тобою. [112]

...Уединение та же молитва. [113]

Только когда один, в тишине, т. е. в общении с тем Богом, который в тебе,
поднимаешься на ту высоту, на которой был и можешь быть. С людьми сейчас
спускаешься. (...) ...Как только я не один, я только 1/100 себя. [114]

Не тяготитесь (...) одиночеством. Чем одиночнее от людей, тем ближе общение с
богом. Ищите этого общения в своей душе, в глубине её. Через её божественную
сущность общаемся мы и с богом, и друг с другом. [115]

...Одиночества нет для истинного нашего я. [116]

Дай вам бог наитеснейшего общения с собой. [117]

Одиноким (...) никто из нас быть не может, потому что каждый из нас может
перенести свою жизнь в бога и в боге найти общение со всем миром. [118]

Паскаль говорит: *il faudra mourir seul* (умирать надо одному (фр.)), а и жить
надо *seul* – с Богом. Это единственная дорога, на которой мы все сходимся и
сходились на том лучшем, что есть в нас. Это лучшая единственная радость. [119]

Как трудно установить все свои отношения к условиям жизни, к предметам,
животным, в особенности к людям. Установишь к одним – расстроишь с другими. Как
невозможно описать правильный круг по окружностям, а нужно описать его из
центра, так и с установлением отношений к миру. Найди центр и установи отношение
каждой части окружности к центру – и будут правильны отношения всех частей
окружности между собою. Так и установи отношение к Богу – и установятся все
отношения к миру, главное, к людям. [120]

В духовной жизни человека есть нейтральная точка, став на которую, он сразу увидит всю правду и ложь жизни. Это всё равно, как в шаре есть центр. Если вы хотите видеть всю комнату хорошо, то должны стать посередине, а не смотреть на неё из-под дивана, стоящего у стены. [121]

..Жизнь, та, которую мы видим вокруг себя, есть движение вещества по определённым известным законам; в себе же мы чувствуем присутствие совершенно другого, не имеющего ничего общего с теми, закона, требующего от нас исполнения своих требований. Можно сказать, что мы видим, познаём все другие законы только потому, что в нас есть этот закон. Если бы мы не сознавали этого закона, мы не познавали бы и тех. Закон этот отличается от всех остальных, главное, тем, что те законы вне нас и принуждают нас к своему повиновению; этот же закон в нас самих, больше чем в нас – он есть сами мы, и потому он не принуждает нас, а, напротив, освобождает нас, когда мы следуем ему, потому что, следуя ему, мы становимся сами собою. И потому нас влечёт к тому, чтобы исполнить этот закон, и мы неизбежно рано или поздно исполним его. В этом и состоит свобода воли. Свобода эта состоит в том, чтобы признать то, что есть, а именно то, что этот внутренний закон есть мы сами. Внутренний закон этот есть то, что мы называем разум, совесть, любовь, добро, Бог. [122]

...Все эти внешние условия – такое ничтожество в сравнении с сознанием своего единства со всем... [123]

– 7 –

В важных вопросах жизни мы всегда одни, и наша настоящая история почти никогда не может быть понята другими. Сущность истории нашей жизни есть наше отношение к духу, живущему в нас, наше большее или меньшее сознание его и следование его велениям. [124]

Я рад видеть новых служителей доброго дела. Но если бы я был совершенно одинок в течение всей моей жизни, это не могло бы влиять на мои убеждения, потому что я не могу ни жить, ни думать иначе, чем так, как я живу и думаю. [125]

Как совершается (...) возрождение, воскресение людей к жизни истинной, это тайна, совершающаяся на наших глазах, но постигнуть её процесс невозможно. Это тайна Бога – это Его отношение с каждым человеком. Мешаться в это – нельзя, грех. Привлечь, обратить другого никто никогда не может, и желание привлечь, обратить другого, именно определённого человека или людей, есть причина страшных зол. Но светить тем светом, который есть в нас, перед людьми (всеми людьми) есть святое дело жизни. [126]

Уговаривать нельзя, можно только помогать вступить во всемирную духовную жизнь: соединиться с Богом. [127]

Воздействие в области духовной состоит в воссоединении себя со всем. Чтобы воздействовать на другого, надо только помогать ему выйти из своего одиночества и соединиться со всем духовным миром прошедшим, настоящим и будущим. [128]

Человек не может быть выше своего миропонимания. Не судить его нужно, а стараться освободить его духовное «я» от телесных уз. И в этом бесконечном освобождении духовного «я» и есть смысл жизни. Оно и есть жизнь. [129]

Можно только радоваться тому, что (...) средства заставить других жить так, как я считаю хорошим, не существует. Каково бы было положение людей, если бы всякий мог так воздействовать на других. [130]

..Я считаю сознательную проповедь всегда слабой, неполною, часто и ложной, бессознательная же проповедь, вытекающая из всей жизни, всегда истинна и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то действует всегда более могущественно. [131]

...Главное дело нашей жизни не состоит в распространении того, что мы считаем истиной, а в усвоении этой истины с такой полнотой, чтобы мы слились с нею. А когда это будет, то распространение её совершится, хотя, может быть, и не теми путями, которые мы предполагаем. [132]

Ни один человек в мире не призван к тому, чтобы исправлять других людей, и никто не может этого сделать. Всякий человек призван только к тому, чтобы исправлять, улучшать самого себя, и всякий человек и должен, и может это делать. [133]

...Не только нет никакой возможности просвещать и исправлять других, не просветив и не исправив себя до последних пределов своей возможности, но нельзя и просвещать и исправлять себя в одиночку, а всякое истинное просвещение и исправление себя неизбежно просвещает и исправляет других, и только одно это средство действительно просвещает и исправляет других, вроде того, как загоревшийся огонь не может светить и согревать только тот предмет, который сгорает в нём, но неизбежно светит и греет вокруг себя, и светит и греет вокруг себя только тогда, когда сам горит. [134]

Свеча невольно освещает; так и человек, делаясь лучше, невольно освещает вокруг себя. Это богом так устроено, что человек в той мере действует на других, в какой работает над собой. [135]

Всю силу своего стремления надо обратить внутрь себя: стараться быть совершенным, как отец наш небесный, и тогда только сила эта несомненно проявится вовне. Разжигать костёр своей души, чтобы он горел весь, а кто и как будет и будет ли кто греться около него, это уж не наше дело. [136]

...Думаю, что для того, чтобы мне содействовать согреванию всей массы или части её, нет и не может быть другого средства, как развитие наибольшего тепла в себе, и что всякое усилие моё, употребляемое на что-нибудь другое, есть напрасная трата энергии. [137]

...Внутренняя работа каждого человека над собой (...) есть вместе и самое могущественное и единственное средство служения людям, содействия общему благу. Как, какими путями, когда и в какой форме достигается это благо, не дано знать человеку, но то, что такая деятельность не есть только дело личное, а дело общее, это знает человек, начавший такую деятельность, как он знает то, что живёт. [138]

...Не думайте о пользе другим, думайте только о душе. Кажется противоречием христианину думать только о своей душе, но это не противоречие, потому что та душа, ради которой надо всем жертвовать, живёт в боге, а не для себя, и не по своей воле, а по его воле, и не мы сами, а он распоряжается той пользой, какую принесёт наша жизнь другим. [139]

Влияние, которое мы можем оказывать на других, должно быть лишь непрерывным следствием (...) стремления к совершенству, но не должно быть нашей целью. [140]

Истинное благо всегда в наших руках. Оно, как тень, следует за доброй жизнью. [141]

Любовь. Радость

– 1 –

...Я нашёл простую, старую вещь, но которую я знаю так, как никто не знает, я нашёл, что есть бессмертие, что есть любовь и что жить надо для другого, для того, чтобы быть счастливым вечно. [1]

Какая ни с чем не сравнимая, удивительная радость – и я испытываю её – любить всех, всё, чувствовать в себе эту любовь, или, вернее, чувствовать себя этой любовью. Как уничтожается всё, что мы по извращённости своей считаем злом, как все, все – становятся близки, свои... Да не надо писать, только испортишь чувство.

Да, великая радость. И тот, кто испытал её, не сравнит её ни с какой другой, не захочет никакой другой и не пожалеет ничего, сделает всё, что может, чтобы получить её. А для того, чтобы получить её, нужно одно небольшое, но трудное в нашем извращённом мире, – одно: отучить себя от ненависти, презрения, неуважения, равнодушия ко всякому человеку. А это можно. Я сделал в этом отношении так мало, а уже как будто вперёд получил незаслуженную награду. [2]

Кто из живых людей не знает того блаженного чувства, хоть раз испытанного, и чаще всего в самом раннем детстве, при котором хочется любить всех: и близких, и отца, и мать, и братьев, и злых людей, и врагов, и собаку, и лошадь, и травку; хочется одного, чтобы всем было хорошо, чтобы все были счастливы, и ещё более хочется того, чтобы самому сделать так, чтобы всем было хорошо, самому отдать себя, всю свою жизнь на то, чтобы всегда всем было хорошо и радостно. Это-то и есть и это одно есть та любовь, в которой жизнь человека. [3]

...Не открылось новое счастье, неотъемлемое от человека (...). Счастье, находящееся вне материальных сил, вне материальных внешних влияний на человека, счастье одной души, счастье любви! Понять его может всякий человек... (...)

Да, любовь (...), но не та любовь, которая любит за что-нибудь, для чего-нибудь или почему-нибудь, но та любовь, (...) которая есть самая сущность души и для которой не нужно предмета. (...) Любить ближних, любить врагов своих. Всё любить – любить Бога во всех проявлениях. Любить человека дорогого можно человеческой любовью; но только врага можно любить любовью божеской. (...) Любя человеческой любовью, можно от любви перейти к ненависти; но божеская любовь не может измениться. Ничто, ни смерть, ничто не может разрушить её. Она есть сущность души. [4]

Как ужасно тяжело жить без любви, и ещё тяжелее умирать. (...)...Когда я представил себе, что умру не в любви, то страшно стало. А в любви только можно жить счастливо и не видеть, как умрёшь. [5]

Жизнь не может иметь другой цели, как благо, как радость. Только эта цель – радость – вполне достойна жизни. Отречение, крест, отдать жизнь, всё это для радости. И радость есть и может быть ничем ненарушимая и постоянная. И смерть переходит к новой, неизведанной, совсем новой, другой, большей радости. И есть источники радости, никогда не иссякающие: красота природы, животных, людей, никогда не отсутствующая. В тюрьме – красота луча, мухи, звуков. И главный источник: любовь – моя к людям и людей ко мне. [6]

Любить бога можно только тогда, когда ценишь ту жизнь, которая, исходя из него, дана нам, когда видишь не перестающее благо в этой жизни и такое же благо в переходе в другую жизнь. Так что радость жизни есть необходимое условие любви к богу. Если видишь только зло, как некоторые, то не можешь не ненавидеть виновника этой жизни; если видишь хоть не сплошное зло, но хотя частое проявление зла, то тоже нельзя любить виновника зла. Только когда всё – не перестающее добро, не только можно, но нельзя не любить бога, начало моей жизни и всего существующего. И это можно. И это великое счастье, которое брезжится мне. [7]

Радоваться! Радоваться! Дело жизни, назначение её – радость. Радуйся на небо, на солнце, на звёзды, на траву, на деревья, на животных, на людей. И блюди за тем, чтобы радость эта ничем не нарушалась. Нарушается эта радость, значит, ты ошибся где-нибудь – ищи эту ошибку и исправляй. (...) Будьте как дети – радуйтесь всегда. [8]

Мудрый человек всегда счастлив. [9]

...Мне так хорошо, так хорошо, что не знаю, за что мне так много радости, и иногда сижу один и умиляюсь до слёз (...). Так жалко людей, которые не берут этого счастья. [10]

..Хочется молиться. (...) И всё, что я ни думаю, всё не то, всё не нужно, и сознаю, что просить не о чем, что всё, чего я могу просить, всё дано мне, всё есть у меня. Могу одно: благодарить. [11]

...Вся моя молитва, если бы молился к богу, не может быть ничем иным, как благодарностью за то огромное счастье, какое я не предполагал, что возможно иметь человеку. Вы спросите, какое же это счастье и в чём оно состоит? Состоит оно в том, что то, чего одного я желаю более всего на свете, постоянно и неуклонно совершается, а именно то, чтобы всё больше и больше освобождаться от телесных желаний и чувствовать в себе ту основу жизни, которая вложена во всех людей и которая есть не что иное, как любовь, любовь ко Всему. [12]

При вере в любовь просить не о чем. Надо только делать. [13]

Испытываю странное чувство недоумения перед тем сознанием огромного незаслуженного счастья, которое заливает меня. [14]

Жизнь должна и может быть непрерывающей радостью. [15]

– 2 –

...Во всём есть предел и есть зависть к больше успевшим – во всём, кроме любви. [16]

Как вся вода вытечет из ведра, если в нём будет хоть одна дырочка, так и все радости жизни (любви) не удержатся в душе человека, если в нём будет нелюбовь хоть к одному человеку. [17]

Я думаю, что если есть один человек, которого не любишь, то всё равно, что весь мир ненавидишь: в душе ад. [18]

Нелюбовь особенно заметна, дурная, ядовитая нелюбовь, по особенной пронизательности, с которой мы видим недостатки других. Избави БОГ от этого ясновидения. Такое же ясновидение обратных свойств даёт любовь. [19]

Мы не любим людей не потому, что они злы, а мы считаем их злыми потому, что не любим их. [20]

...Он не дождался, как прежде, личных причин, которые он называл достоинствами людей, для того, чтобы любить их, а любовь переполняла его сердце, и он, беспричинно любя людей, находил несомненные причины, за которые стоит любить их. [21]

Можно любить всякого человека. Только чтобы любить так человека, надо любить его не за что-нибудь, а ни за что. Только начни любить так, и найдёшь, за что. [22]

...Лучше 100 раз ошибиться, считая дурного за хорошего, чем один раз разлюбить одного. [23]

Ты говоришь: как заставить себя любить всех? Уничтожь в себе себялюбие. [24]

Любовь к себе – своему телесному я и ненависть к людям и ко всему – одно и то же. [25]

Я когда-то хотел написать такую басню, миф, что люди на салазках скатываются в пропасть, где они должны разбиться вдребезги, так что ничего от них не останется, и они дорогой, сидя на этих самых салазках, спорят и ссорятся о том, что один другому не даёт усесться попокойнее или пачкает его одежду. Единственное дело, которое стоит делать нам всем на этих салазках, это то, чтобы вызвать радостную любовную улыбку друг у друга – вызвать любовь, то одно, что не разобьётся в пропасти, а останется. [26]

Как в отношениях с людьми надо стараться замечать и видеть только хорошее, сближающее, так и в наших душевных настроениях надо останавливаться на наших добрых к людям, сближающих с ними чувствах и пользоваться ими, а перескакивать, не раздувая их, наши недобрые чувства. [27]

Для того, чтобы быть твёрдым и не унывать, нужно, главное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смысл нашей жизни, состоящий в том, чтобы не только провести через всю жизнь, не потушив её, ту искру божественной любви, которая вложена в нас и составляет нашу душу, но разжечь её, сколько хватит наших сил, чтобы внести её в ту жизнь уже не искрой, а пламенем. [28]

...Любовь не есть предписание, но внутренний закон человеческой жизни и (...) единственный способ для человека достигнуть счастья, к которому он естественно стремится. [29]

Любовь есть сила жизни. Любовь есть правило для исполнения всех правил. [30]

Птице, чтобы жить по своему закону, надо летать, змею ползать, рыбе плавать, а человеку любить. И потому, если человек вместо того, чтобы любить людей, делает зло людям, он поступает так же странно, как если бы птица стала плавать, а рыба летать. [31]

...Для того, чтобы жить, надо непременно идти вперёд в таком деле, которому нет конца и в совершении которого нет помехи. И такое дело есть только одно: совершенство в любви. (...)

...Единственная цель бесконечная, радостная, всегда достижимая и достойная сил, данных нам, это увеличение любви. Увеличение же любви достигается одним определённым усилием: очищением своей души от всего личного, похотливого, враждебного. «Душа человека христианка» (слова римского богослова Тертуллиана (155/165–220/240)), т. е. ей не только свойственно, но сущность её есть любовь, и потому, чтобы усилить, увеличить любовь, надо только очищать, шлифовать её, как стекло, собирающее лучи. Насколько будет шлифованнее и чище, настолько будет сильнее пропускать и изливать свет и тепло любви. И этому делу нет конца, нет препятствий, нет пределов радости... [32]

Истина, что сущность всего существующего не может ощущаться и пониматься нами иначе, чем любовь, и что душа человеческая есть эманация этой сущности, развитием которой является то, что мы называем человеческой жизнью, – истина эта более или менее сознательно воспринята всеми людьми и поэтому доступна как наиболее научно развитым умам, так и самым примитивным. Эта истина есть основа (...) всех религий. [33]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Человеку свойственно не ненавидеть, а любить. Сила жизни в человеке есть сила
любви. Сила эта может быть загромождена всякого рода ошибками, соблазнами,
суевериями. Когда она загромождена таким образом, то она проявляется ненавистью.
[34]

Жестокость не свойственна человеку и объясняется только узостью цели,
сосредоточенностью усилий жизни на цели. Чем уже эта цель, тем возможнее
жестокость. Любовь целью ставит благо других и потому, исключая цель,
несовместима с жестокостью. [35]

..Всякая жизнь есть не что иное, как всё большее и большее расширение сознания и
всё большее и большее увеличение любви. [36]

Сила Божия, движущая жизнь, есть любовь. Не освещённая разумом, эта сила есть
любовь к себе, освещённая, направленная разумом, она есть любовь к существам, к
людям, к истине, добру, к Богу.

(...) Разум освобождает любовь. [37]

Не думай никогда, что ты не любишь или что тебя не любят. Это только нарушена
чем-то всегда существовавшая и существующая любовь между тобой и людьми, и тебе
надо только постараться устранить то, что нарушает эту вечно связывающую между
собой людей любовь – которая всегда есть. [38]

Добродетель человеколюбия недалеко от нас, стоит только перестать искать для
себя радостей мира, и она сама придёт к тебе. Душа наша есть любовь: только
успокой страсти, затемняющие душу, и в душе твоей будет одна любовь к людям.
[39]

Ошибаются, думая, что можно заставить себя любить. Можно и нужно только удержать
себя от того, что мешает любить: побороть грех, понять соблазны, распутать
суеверия, и любовь, любовь ко всем, сознание не одной своей, а всей жизни,
будет. [40]

Любовь нечего вызывать; только устрани то, что мешает проявлению её, т. е. себя,
истинного себя. [41]

Да, надо учиться любить, как учатся играть на скрипке. [42]

– 3 –

Любовь не есть основное начало нашей жизни. Любовь – следствие, а не причина.
Причина любви – сознание в себе божеского духовного начала. Это сознание требует
любви, производит любовь. [43]

Я радовался тому, что чувствовал необходимость любовного общения со всеми, а
теперь понял, что нужно чувствовать постоянно любовное общение не с людьми, но с
Богом. Второе включает первое. [44]

Любовь только тогда даёт радость, когда она полная, божеская, т. е. любишь всех,
т. е. любишь Бога, и когда не ждёшь за неё никакой награды ни от Бога, ни от
людей, когда никто не знает про неё. Как только есть хоть один человек, которого
не любишь, или есть забота о том, чтобы тебя похвалили, чтоб тебе полезна была
твоя любовь, так нет блага от любви. [45]

Всё, всех любить, всегда жертвовать собой для любви значило никого не любить,
значило не жить этою земною жизнью. И чем больше он проникался этим началом
любви, тем больше он отрекался от жизни и тем совершеннее уничтожал ту страшную

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
преграду, которая, когда у нас нет любви, стоит между жизнью и смертью. [46]

...Любовь. Любовь не к жене, ребёнку, отечеству и т. п., а любовь к богу (бог есть любовь), любовь любви – то самое чувство доброты, умиления, радость жизни, которая и есть свойственная человеку блаженная, истинная жизнь, не знающая смерти. [47]

...Что вы делаете? На что кладёте свои душевные силы? Кого любите? Кто вас любит? Ваша жена? Ваш ребёнок? Но ведь это не любовь. Любовь жены, детей – это не человеческая любовь. Так, и сильнее, любят животные. Человеческая любовь – это любовь человека к человеку, ко всякому человеку как к сыну божию и потому брату. [48]

Любовь к ближнему без любви к Богу – всё равно, что растение без корней. [49]

Любовь не есть какое-либо особое чувство (как её понимают обыкновенно). Любовь есть только последствие более или менее ясного сознания своей причастности Всеми. Пальцы руки не любят друг друга, а живут общей жизнью. Они не поняли бы, что такое любовь. [50]

Основание любви есть сознание каждым человеком единства духовного начала, живущего во всех людях. [51]

Со мной бывает, что когда я люблю кого-нибудь (...), я не то что вижу, а чувствую его улыбку и чувствую себя им. Это особенно часто бывает, когда жалеешь. Это подтверждает то, что Бог один в нас во всех, и он есть любовь. [52]

Если любишь человека, только человека, а не любишь в нём того духа, который в тебе, то часто перестаёшь любить и даже вместо любви презираешь и даже ненавидишь того, кого любил прежде. [53]

Любить в людях надо не Ивана, не Петра, не Марью, а ближнего, его душу. А всякая душа – душа Божья. Только такая любовь даёт радость. [54]

Любить дурного человека кажется невозможным. Оно и точно невозможно. Но любить надо и можно не человека, а подавленного, заглушённого Бога в человеке, и любить этого Бога, и стараться помочь ему высвободиться. [55]

С грехом ссорься, с грешником мирись. Ненавидь дурное в человеке, а человека люби. [56]

Любовь, – не любовь к одному исключительному лицу, а душевное состояние готовности любви ко всему, – есть то состояние, в котором одним мы сознаём истинное духовное начало нашей души. [57]

Как растению нельзя жить без света и как ничем не закрытое растение не спрашивает, в какую сторону ему расти и хорош ли свет, не подождать ли ему другого, лучшего, и берёт тот единственный свет, солнце, который есть в мире, и тянется к нему, – так и отрёкшийся от блага личности человек не рассуждает о том, кого ему любить, тех ли, кого он любит сейчас, или нет ли ещё какой лучшей любви, чем та, которая возможна сейчас, а отдаётся той любви, которая доступна ему сейчас и по отношению к какому бы то ни было существу, с которым он входит в общение. [58]

Доброе людям? Что доброе? Одно: любовь. Я это по себе знаю и потому одного этого

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
желаю людям, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смело жить этим значит
то, чтобы забыть то, что ты русский, что ты барин, что ты мужик, что ты женат,
отец и т. п., а помнить одно: вот пред тобой живой человек, пока ты жив, ты
можешь сделать то, что даст тебе и ему благо и исполнит волю Бога, того, кто
послал тебя в мир, можешь связать себя с ним любовью. [59]

Да, любовь есть Бог. Полюби, полюби того, кто делал тебе больно, кого ты
осуждал, не любил, и всё то, что скрывало от тебя его душу, исчезнет, и ты, как
сквозь светлую воду на дне, увидишь божественную сущность его любви, и тебе не
нужно и нельзя будет прощать его, тебе нужно будет прощать только себя за то,
что ты не любил Бога в том, в ком Он был, и из-за своей нелюбви не видал Его.
[60]

Помни, что в каждом человеке живёт дух божий – тот же, который даёт тебе жизнь,
и потому не только люби, но чтить, как святыню, душу каждого человека. [61]

...При встрече, при общении с человеком помнить, что я имею дело с проявлением
Бога, т. е. при всяком общении с человеком быть в торжественно-набожном,
молитвенном настроении. Молитва – это молитва, вызывание в себе высшего
духовного состояния, памятование о своей духовности. Общение с человеком – это
таинство общения с Богом, причащение. [62]

Хорошо молиться в уединении, но, кроме этой молитвы, едва ли не ещё нужнее этой
молитвы – молиться при вступлении в общение с каждым человеком: царём или нищим.
Молиться, т. е. напоминать себе о том, что наступил важный момент, в котором
надо жить всеми силами души. [63]

...Надо приучить себя: входить в молитвенное состояние при начале общения со
всяким человеком; сказать себе: смиренно! как только сошёлся с человеком. [64]

Есть верующие люди, которые имеют обычай кланяться в ноги перед каждым
человеком, с которым они входят в сношение. Они говорят, что делают это потому,
что в каждом человеке живёт дух божий. Как ни странен этот обычай, основание его
глубоко истинно. [65]

...Присутствие всякого человека есть призыв к высшей осторожной и важной
деятельности. [66]

Любовь настоящая есть только любовь к ближнему, ровная, одинаковая для всех.
Одинаково нужно заставить себя любить тех, которых мало любишь или ненавидишь, и
перестать слишком любить тех, которых слишком любишь. Одно не дошло, другое
перешло линию. От того и другого все страдания мира. [67]

Если любишь человека, не любя в нём бога, т. е. добро, то такую любовью готовишь
себе разочарование и страдания. [68]

Любовь выводит человека из себя, из своей личности, и потому, если личность
страдает, любовь избавляет от страданий. [69]

Мучительность страдания – это только та боль, которую испытывают люди при
попытках разрывания цепи любви, которая соединяет жизнь человеческую с жизнью
мира. [70]

Без любви человек в мире брошен один среди чужих и врагов. Любовь соединяет
его со всеми существами мира настоящего, прошедшего и будущего, соединяет его с
Богом. [71]

Когда я не сознаю себя, я живу животной жизнью; когда сознаю себя и делаю то, что решил в душе – живу человеческой жизнью; когда же сознаю жизнь других существ, любя их, живу божеской жизнью. [72]

Сознание своего отдельного существа есть жизнь человека. Сознание Всего – есть жизнь Бога. [73]

Как редко встречаешь истинную любовь – любовь любви, любовь не только ко всем людям, но ко всему. [74]

Не любишь себя – пропал. Любишь себя одного – тоже пропал. Спасенье только, когда любишь себя и всё, т. е. Бога. Когда же любишь так, то БОГ становится и тем, что любит, и то, что любишь.

(...) Хорошо только тогда, когда любишь себя, свою душу, “sein schones Herz” (своё прекрасное сердце (нем.)), как в детстве. [75]

Для того, чтобы любить всех во всём, надо быть БОГОМ, и это можно. Для того, чтобы быть им, надо помнить, что надо всех и всё, во всём, всегда любить. [76]

Знаю Бога потому, что знаю в себе любовь к людям и всему живому. Знаю, что живу, только потому, что люблю и себя, и всё живое. [77]

Бог не есть любовь. Любовь есть только одно из проявлений Бога, но человек есть любовь. [78]

«Пребывающий в любви пребывает в боге и бог в нём. Бога никто не видел нигде, но если мы любим друг друга, то он пребывает в нас». Любовь есть та самая живая форма, в которой мы можем постигнуть бога, или, другими словами, в которой мы поднимаемся на высшую доступную человеку степень сознания. И потому, понимая так жизнь и себя, мы не можем расходиться (...) ни с каким человеком в мире. [79]

Любовь есть стремление вынести своё духовное я из своих пределов, сделать своим я жизнь других существ. И в этом вся основа нравственности.

(...) Любовь есть стремление захватить в себя всё, сделать своё сознание сознанием Всего. [80]

Есть, было и всегда будет для человека только одно дело, на которое стоит положить всю жизнь. Дело это есть любовное общение с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой. [81]

Нет иной любви, как такой, которая отдаёт душу свою за други своя. Любовь – только тогда любовь, когда она есть жертва собою. Только тогда, когда человек забывает себя и живёт жизнью того, кого любит, только такая любовь есть истинная, и только в такой любви мы находим благо, награду любви. И только тем, что есть такая любовь в людях, только тем и стоит мир. [82]

Мы все должны помнить, что мы посланники великого царя – бога любви, с вестью единения и любви между всем живущим. [83]

– 4 –

...Любовь есть такое огромное в сравнении с обычными рассудочными делами действие, что последствия никогда не видны тому, кто его производит. Любовь не победит тех двух-трёх злодеев, которых мы знаем, но победит тысячи, которых мы не знаем. Всё

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то равно, как телеграфист, который бы не передавал депешу, потому что он не видит, как она выходит на той станции. Любовь действует почти всегда – всегда даже – с креста; так что тому, кто закрывает глаза уже и которого жизнь вся мгновенье, очевидно, нельзя видеть действия силы вечной. Верить в любовь, истинно верить так, чтобы не изменять ей, значит верить в вечную жизнь. [84]

Мечешься, бьёшься, всё оттого, что хочешь плыть по своему направлению. А рядом, не переставая, и от всякого близко течёт бесконечный поток любви, всё в одном и том же вечном направлении.

Когда измучаешься хорошенько в попытках сделать что-то для себя, спасти, обеспечить себя, устраивать, оставь свои направления, брось в этот поток, и он понесёт тебя, и ты сольёшься со всем и почувствуешь, что ты спокоен и свободен. [85]

Всё прекрасно, всё хорошо, если мы станем туда, где ничто не достаёт и всё хорошо. А стать туда мы всегда можем. [86]

Какое спокойствие и бесстрашие, если желать только одного: исполнить волю Бога, дело Божие сейчас: любить людей и об одном этом думать! [87]

Смотри с любовью на мир и людей, и он так же будет смотреть на тебя. [88]

Вот кто настоящая волшебница – это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным. [89]

Доброта украшает жизнь, разрешает все противоречия, запутанное делает ясным, трудное делает лёгким, мрачное делает радостным. [90]

...То самое, что было источником его страданий, стало источником его духовной радости, то, что казалось неразрешимым, когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил. [91]

Хочется помощи от бога, а помощь в тебе. Только люби всех, люби и в делах, и в словах, и в мыслях, и будет та помощь, какую ищешь. [92]

Если я в любви, то бог во мне, и я в боге. А если бог во мне и я в боге, то всё хорошо, и не может со мною быть ничего худого. Так буду же всегда в любви со всеми и в делах, и в словах, и пуще всего в мыслях. [93]

Чувство, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это – любовь. [94]

Любовь уничтожает смерть и превращает её в пустой призрак; она обращает жизнь из бессмыслицы в нечто осмысленное, из несчастья делает счастье. [95]

Отлично можно жить на свете, коли уметь трудиться и любить, трудиться для того, что любишь, и любить то, над чем трудишься. [96]

...Радость, спокойствие, блаженство состояния любви ко всему. Только в таком состоянии всё хорошо и в жизни, и в смерти. [97]

Да, только одна любовь развязывает все узлы. [98]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Всё невозможно, кроме любви. [99]

..Бог есть любовь, и потому любовь победит всё... [100]

Единство

- 1 -

Всё живо, и во всём живёт одно... [1]

...Всё в мире живое, (...) мёртвого нет, (...) все предметы, которые мы считаем мёртвыми, неорганическими, суть только части огромного органического тела, которое мы не можем объять, и (...) поэтому задача человека, как частицы большого организма, состоит в поддержании жизни этого организма и всех живых частей его. [2]

Умиление и восторг, которые мы испытываем от созерцания природы, это – воспоминание о том времени, когда мы были животными, деревьями, цветами, землёй. Точнее: это – сознание единства со всем, скрываемое от нас временем. [3]

...Все существа – отдельные проявления сознания... (...) И земля и материальный мир, должно быть, имеют сознание, только оно нашему пониманию недоступно... [4]

Естественники, физиологи рассуждают о том, как получают человеком впечатления от внешнего мира, и исследуют глаз, волны света, источник колебания волн эфира и воздуха для слуха и нервов, для осязания и т. п., а дело всё в том, что человек и всякое живое существо неразрывно связано – есть одно со всеми существами мира и знает их так же, как себя, только несколько отдаленнее. И когда получает впечатления, познаёт их, только вспоминает то, что знает. [5]

Мы внешне отделены и внутренне связаны со всеми живыми существами.

Некоторые из колебаний духовного мира мы чувствуем, некоторые ещё не дошли до нас, но они идут, как идут колебания света от звёзд, ещё невидимых для нашего глаза. [6]

Бог живёт во всём, и всё живёт в Нём. Тот, кто понимает это, не может относиться с презрением ни к какому существу. [7]

Беда, если человек скажет про другого: «Это дрянной, пропащий человек» и перестанет видеть в нём брата. Такой человек отрежет себя не от одного этого человека, но от всех людей. [8]

Ужасно одиноко положение того, кто не чувствует своего единения со всеми отдельными существами. Когда подумаешь о всех людях, существах, живущих отдельно, – ужас берёт. [9]

Часто люди (...) тяжело тоскуют о том, что они одиноки, что никто не любит их. (...) Чувство это есть только смутное ощущение неестественности своего разъединения, своей отдалённости. Сознай своё духовное единство со всеми, и чувство тоски перейдёт в чувство радости. [10]

Мне тяжело или скучно, одиноко. Да кто же тебе велел уйти от духовного единения со всеми людьми и запретить себя в тюрьму твоей одной личности? [11]

Человек чувствует себя в несвойственном и тяжёлом для него состоянии, когда не только не сознаёт, но не чувствует своего духовного единства со всеми людьми

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
мира. Естественное и свойственное человеку состояние то, когда, сознавая себя
единым со всеми, радуется радости и печалится горестью всякого сближающегося с
ним человека. [12]

...Когда живу для себя, страдаю. Когда есть сознание, что живу для целого, тогда я
легко переношу страдания. [13]

...Разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может
расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. – Для этого образуй твой
разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью..
[14]

...Дело жизни есть единение со всем живым...

...Мы живы только в той мере, в которой сознаём себя частью всего бесконечного,
закон же бесконечного есть это единение. [15]

...Закон жизни есть уяснение, расширение, просветление сознания того вечного
начала, которое есть в каждом существе. [16]

Что Отец делает, то и Сын делает. Всё дело, совершаемое в мире, есть свободное
соединение разрозненного; это же должен делать и сын (я), приводя любовью в
соединение и согласие разрозненное и несогласное. [17]

Жизнь поддерживается не страстью разрушения, а чувством взаимности, которое на
языке нашего сердца называется любовью.

Насколько я могу видеть развитие жизни мира, я вижу в нём проявление только
этого закона взаимной помощи. Вся история есть не что иное, как всё более и
более ясное обнаружение этого единственного закона взаимного согласия всех
существ. [18]

Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, всемирный дух,
проникающий нас всех вместе и каждого как единицу, влагающий в каждого
стремление к тому, что должно; тот самый дух, который в дереве велит ему расти к
солнцу, в растении велит ему возрастить и бросить семя и в нас велит нам
стремиться к богу и в этом стремлении всё более и более соединяться друг с
другом. [19]

Жизнь есть стремление к соединению с Началом всего... [20]

Братство естественно, свойственно людям. [21]

– 2 –

...Иду по деревне и смотрю – копают разные мужики. Каждый для себя картофельную
яму, и каждый для себя кроет, и многое другое подобное. Сколько лишней работы!
Что, если бы всё это делать вместе и делить. Казалось бы, не трудно: пчёлы и
муравьи, бобры делают же это. А очень трудно. Очень далеко до этого человеку,
именно потому, что он разумное, сознательное существо. Человеку приходится
делать сознательно то, что животные делают бессознательно. [22]

Надо, чтобы люди свободно работали сообща, выучились работать друг для друга, а
капитализм не научает их этому. Напротив, научает их зависти, жадности –
эгоизму. И потому из насильственного сообщения через капитализм может улучшиться
материальное положение рабочих, но никак не может установиться их довольство.
Довольство может установиться только через свободное сообщение рабочих. А для
этого нужно учиться общаться, нравственно совершенствоваться – охотно служить
другим, не обижаясь на то, что не встречаешь возмездия. А учиться этому можно

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то никак не при капиталистическом соревновательном устройстве, а при совершенно другом. [23]

Достижение (...) кооперации, коммунизма, общественности, вместо индивидуализма, получится (...) только от следования каждым из людей незатемнёному побуждению сердца, совести, разума, веры, как хотите назовите, закона жизни. Пчёлы и муравьи живут общественно не потому, что они знают то устройство, которое для них самое выгодное, и следуют ему – они понятия не имеют о целесообразности, гармоничности, разумности улья, кочки муравейной, какими они нам представляются; а потому, что они отдаются вложенному в них (мы говорим) инстинкту, подчиняются, не мудрствуя лукаво, а мудрствуя прямо, – своему закону жизни. Я представляю себе, что если бы пчёлы могли сверх своего инстинкта (как мы называем), сверх сознания своего закона ещё придумывать наилучшее устройство своей общественной жизни, они бы придумали бы такую жизнь, что погибли бы. В этом одном сознании закона есть нечто и меньшее, и большее рассуждения. И только оно дано приводить на тот узкий единственный путь истины, по которому следует идти человеку и человечеству. [24]

Мир так устроен, что если десять человек работают каждый не для себя одного, а сообща, то эти десять человек сделают во много раз больше, чем сто человек, которые будут порознь работать каждый для себя. [25]

Совершенно ясно, что выгоднее всё делать сообща, но рассуждения для этого недостаточно. Если бы рассуждение было достаточно, то это давно бы уже было. То, что это видно по капиталистам, не может убедить людей жить сообща. Кроме рассуждения о том, что это выгодно, надобно, чтобы сердце было готово так жить (мировоззрение было такое, которое совпадало бы с указанием разума), а этого нет и не будет, пока не переменятся желания сердца, т. е. мировоззрение людей. [26]

...Самое невыгодное (экономически, да и всячески) расположение людей такое, когда человек работает для себя одного, защищает, обеспечивает себя одного. Я думаю, что если бы так было, если бы не было групп, хоть семьи, где люди работают для других, то люди не могли бы жить. Самое выгодное устройство (экономическое, да и всякое) людей такое, при котором каждый думал бы о благе всех и беззаветно отдавал бы себя служению этому благу. При таком настроении всех каждый получит наибольшую долю блага. (...)...всякий ребёнок знает, что самое выгодное для всех было бы то, чтоб каждый заботился об общем деле и потому был бы обеспечен как член общего... (...) Наивыгоднейшее устройство всех получится не тогда, когда целью каждого будет стоять выгода, земное благо, оно получится только тогда, когда целью каждого будет стоять благо, независимое от земного, когда каждый от сердца скажет: блаженны нищие, блаженны плачущие, гонимые. Только тогда, когда каждый не будет искать блага земного, когда будет искать духовного, всегда совпадающего с жертвой, проверяемого жертвой, только тогда получится наибольшее благо всех. [27]

Как всё легко развязывается, когда у людей не бесчисленные цели жизни, в достижении которых они все мешают друг другу, а только одна, в стремлении к которой все помогают друг другу. [28]

Закон жизни прекрасно изображается пальцами в перчатке: отдели их, воображая увеличить тепло каждого пальца – и всем холодно, и чем лучше отделены, тем холоднее; откинул перегородки, соединил – всем хорошо. [29]

Как только я начал понимать ход вещей в этом мире, я увидел, что одно только начало взаимного сочувствия обуславливает собой прогресс человечества. Вся история есть не что иное, как всё большее и большее уяснение и приложение этого единственного принципа солидарности всех существ. (...)

(...) наибольшее доступное человеку счастье, самое свободное, самое счастливое его состояние есть состояние самоотречения и любви. [30]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1
– 3 –

...Служить не себе, а тому всему, чего я есмь бесконечно малое и бесконечно великое проявление. [31]

...Сходясь с людьми, не переставая помнить о том, что нужно другому, а не мне: помнить, что интерес жизни должен быть не «я», а «ты», или Он. [32]

...Глядя на портреты друзей 1856 года, – все умершие, – ясно понял, что это Он, проявлявшийся в них. То же понял и глядя на играющих в винт; то же и S(...), и В(...). Если бы всегда не только помнить, но чувствовать это. [33]

Обратись к людям своей духовной, божеской стороной: разума и любви, разумной любви, любовного разума – и ты привлечёшь их к себе и сам привлечёшься к ним. Обратись к ним с телесной, личной стороны – и неизбежно отдаление, борьба, страдание. [34]

...Благо отдельного человека только тогда истинное благо, когда оно благо общее. (...)

...Жизнь только в отречении от личности. [35]

Полное благо можем мы получить только как участники жизни не только всего человечества, но всего существующего. И эту возможность участия в жизни Всего мы имеем, когда сознаём себя тем духовным началом, которое даёт нам жизнь. [36]

Всё трудно, запутано, когда каждый человек ищет своего. И всё вдруг становится просто и легко, когда все ищут одного и того же: служения не себе, а тому духу, который живёт во всех. [37]

Во мне живёт то, что хочет блага. Я только по недоразумению думаю, что я хочу блага себе. Желание блага, живущее во мне, не может желать блага себе одному. Желание блага есть голос Бога, желающего блага всему. [38]

Бог хотел, чтобы мы были счастливы, и для того вложил в нас потребность счастья, но Он хотел, чтобы мы все вместе были счастливы, а не отдельные люди. Оттого и несчастливы люди, что стремятся не к общему, а к отдельному счастью. [39]

...Загляни в свою святую святых, в своё сердце и спроси себя, что тебе, настоящему тебе нужно для того, чтобы прожить наилучшим образом те часы или десятилетия, которые ещё могут предстоять тебе. И кто бы ты ни был, если ты только искренно и серьёзно спросишь себя об этом, ты не можешь не ответить себе то же, что отвечали и отвечают себе все люди, серьёзно и искренно ставившие и ставящие себе вопрос этот: нужно тебе одно, наверное одно, то самое, что всегда было и теперь нужно для всех: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче может быть благом, а завтра может стать злом, и не такое, какое было бы благом для одного тебя, а злом для других, а одно истинное несомненное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всех людей и сегодня, и завтра, и во всяком месте. [40]

Если я желаю блага только себе, то могу желать зла другим людям; если желаю блага только своей семье, то могу желать зла другим семьям; если желаю блага только своему народу, то могу желать зла другим народам. Только когда я желаю блага всем людям, я никому не буду желать зла. [41]

Любить в себе можно только того, кто один во всех. [42]

Если бы люди понимали, что они живут не одной своей жизнью, а жизнью всех, то

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
они знали бы, что, делая добро другим, они делают его себе. [43]

Нравственное учение, состоящее в уяснении сознания блага только общего, а не личного, всегда существовало и не перестало существовать; оно освятило и уяснило моё сознание вместе с другими людьми, и я по мере сил своих стараюсь содействовать его уяснению, зная, что только это уяснение даст благо мне и другим людям, и что в этом уяснении и словом, и делом, и жизнью задача жизни человека и людей. [44]

Жить, действовать только для удовлетворения сейчас своего желания, без соображения о других существах и будущем времени – безнравственно. Чем полнее поступок обусловлен отношениями с большим количеством существ и поставлен в зависимость от более отдалённого времени, тем он нравственнее. Совершенно нравственен поступок только тогда, когда он обусловлен отношением ко всему. Таким поступком может быть только тот, который совершён во имя Бога. [45]

Личная жизнь – борьба, жизнь разумная есть единение. Личная жизнь есть несогласие, противление жизни мира, жизнь разумная вся в согласии с жизнью мира. Жизнь личная уничтожается смертью. Для жизни разумной нет смерти. [46]

...Мы в жизни замёрзшие, закупоренные сосудчики, задача которых в том, чтобы откупориться и разлиться, установить сообщение с прошедшим и будущим, сделаться каналом и участником жизни общей. [47]

...Мы не врозь, если мы всегда вместе идём в настоящей жизни, для которой нет пространства и времени. Мало того, и после смерти будем точно так же, нет, не так же, а гораздо больше вместе. [48]

...Если мы живём для бога, а не для себя, то мы неразлучны. [49]

– 4 –

Единение есть ключ, освобождающий людей от зла. [50]

Единственное спасение человечества – в идее братства. [51]

Если бы частицы потока воды стремились каждая по своему направлению, поток бы не имел силы и ничего бы не мог произвести. [52]

Жизнь человека, представляющего себя совершенно отделённым, то есть, живущим для одного себя, совершенно бессмысленна. Такой человек вполне сумасшедший. [53]

Единение – сила, все знают это. Так зачем же быть слабым, когда ты можешь быть сильным? Положи все те силы, какие ты клал на то, чтобы быть сильнее, почётнее, лучше других, на то, чтобы откинуть всё то, что мешает единению, и быть единым в духе со всеми, и ты будешь сильнее самых сильных. [54]

Даёт силу и свободу человеку только единение со всем миром. [55]

Мы все влечёмся ко всему и друг к другу, как частицы одного тела. Только наша необтёсанность, шершавость, углы мешают нашему соединению. Влечение уж есть, его делать нечего, надо только обтёсывать себя, стирать свои углы. [56]

Задача жизни в том, чтобы тратить свою плотскую жизнь на проявление и вызывание любви, устанавливающей единение: разменивать своё мясо на единение между существами мира. [57]

«Огонь пришёл я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» Я думаю, что время это пришло, и что мир уже горит, и дело наше только в том, чтобы гореть и, по возможности, соединяться с другими горящими точками, и это я намерен делать весь остаток моей жизни. [58]

Много разных голосов зовут нас в сторону от той главной работы нашей жизни – единения со всем живущим; только один тихий голос совести говорит нам, чтобы мы не оставляли этой работы. [59]

Всё, что вносит единение между людьми, есть благо и красота; всё, что их разъединяет, – зло и уродство. Все люди знают эту истину. Она запечатлена в нашем сердце. [60]

...Дороже всего единение, искание единения и пренебрежение всем тем, что может разделять нас. [61]

Отгоняй от себя всё то, что мешает тебе чувствовать твою связь со всем живым. [62]

Единение может быть только тогда, когда мы всё, что разъединяет, что может подать повод к искушению, всё отбросим, как, защищая крепость, сжигают предместья, оставим только то, что вечно, всеобщее всем... [63]

Никогда не испытывал в сотой доле того сострадания, сострадания до боли, до слёз, которое испытываю теперь, когда хоть в малой степени стараюсь жить только для души, для Бога. [64]

Если бы основа жизни всех нас не была бы одна и та же, ничем нельзя бы было объяснить испытываемое нами чувство сострадания. [65]

Чем больше сознаёшь своё единство с Богом, со Всем, тем больше сознаёшь своё единство с каждым отдельным проявлением Его. [66]

...Когда мы страдаем за страдания других, мы большей частью невольно обманываем себя, думая, что страдаем за страдающих, а страдаем за заставляющих страдать. Мы страдаем за нарушение закона единения, к которому стремится всё, и страдания указывают нам на это нарушение и вызывают в нас борьбу с ним: усиление единения любви. [67]

Как в организме боль указывает на нарушение закона, – предупреждает, так и в обществе людском страдание от враждебности указывает на нарушение закона единения, предупреждает. [68]

Вспомнил так живо милого мальчика Николашу, что мне представилось, что я – он, что я улыбаюсь его улыбкой, блещу его глазами. Так это бывает, когда любишь. Разве это не явное доказательство того, что во всех нас живёт один дух и что любовь уничтожает разделение. [69]

Только поговори с человеком, взглядишь хорошенько в его глаза, и ты почувствуешь, что ты родня ему, что ты как будто прежде, давно знал его. Отчего это? Оттого, что то, чем ты живёшь, одно и то же в тебе и в нём, и во всех людях. [70]

Если люди серьёзно и искренно ответят себе на вопрос о смысле жизни, то они

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то непременно совпадут центрами, а совпав центрами, совпадут всеми радиусами. Совпавши же радиусами, охотно откинут всё то, что разделяет их. То, что одни окружности больше, другие – меньше, не помешает согласию. [71]

Всех нас сближает то Одно, что в нас, общее у всех. Как все линии в центре, так все мы в Одном сходимся. [72]

При одинаково искреннем стремлении к добру и истине пути, по которым идут к ним люди, могут быть совершенно различны.

Мне кажется, что одна из главных причин несогласия людей это то, что каждый, идя по своему известному пути к цели и видя другого, идущего по другому пути к той же цели (а путей столько же, сколько радиусов), мы склонны настаивать на том, что истинный путь только тот, по которому мы идём. [73]

Я не согласен с учёными в определении того, что такое душевная болезнь, безумие. По-моему, безумие – это невосприимчивость к чужим мыслям: безумный самоуверенно держится только своего, только того, что засело ему в голову. Моего он не поймёт. Есть два рода людей. Один человек отличается восприимчивостью, чуткостью к чужим мыслям. Он находится в общении со всеми мудрецами мира – и древними, и теми, которые теперь живут. Он отовсюду собирает впечатления: и от тех, и из детства, и из того, что няня говорила... А другой человек знает только то, что его, что раз пришло ему на ум. [74]

Пускай понимает и принимает по-своему. Знаете, как кубики с картинками укладывают. Один поймёт картину по одной паре кубиков, другой по другой. Но только бы сложил первую пару – то доберётся до всей. Я опытом знаю и умею теперь различать людей, которые переставляют кубики наобум, и тех, которые сложили осмысленно два и потому наверно узнают всю картину, не нынче, так завтра, и всё ту же единственную и вечную. И потому я читаю ваши разногласия со мной и даже не волнуюсь, я знаю вперёд, что у нас одна неизбежная и вечная картина. И потому я во всём согласен с вами, не оттого, что нарочно хочу соглашаться, а оттого, что знаю, что разногласие только оттого, что вы с одной стороны сводите кубики, а я с другой, но они те же. [75]

Я так не знаю, что вы думаете и о чём, но вперёд знаю и заявляю, что я согласен с вами. Надо всем быть согласными в области мысли. Если двое людей не согласны в области мысли, то кто-нибудь вне её. А я и вообще-то уверен, что согласен с вами, потому что знаю (...) ваше направление, а то, во имя чего вы живёте, и так как я живу тем же, то уверен, что мы всегда будем согласны. [76]

– 5 –

Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. [77]

Все существа внутренно, скрытно от нас связаны между собой, как корень одного многоветвистого растения... [78]

Как различны кажутся нам, когда мы думаем только об их вкусе и виде: мелкое, зелёное, жёсткое лесное яблоко и крупное, румяное, нежное садовое. А то, что и в том, и другом яблоке не умрёт, то, от чего взялось и то, и другое яблоко, одно и то же и в том, и другом: яблочное зёрнышко. То же и в людях и во всём живом. [79]

...При общении с людьми (это самое трудное) помнить о том, что в нём, с кем общаешься, то же самое высшее, святое, чем я живу, и что в общении этом важнее, главнее всех других поводов общения моё духовное единение с ним... [80]

Сказать, что люди неравны, всё равно, что сказать, что огонь в печи, на пожаре, в свече неравны между собою. В каждом человеке живёт дух Божий. Как же мы можем

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то делать различие с носителями одного и того же духа Божия?

Один огонь разгорелся, другой только разгорается, но огонь один, и ко всякому огню мы относимся одинаково.

То же и с каждым человеком, носящим в себе больше или меньше разгоревшийся дух Божий. [81]

Истинная мудрость учит тому, что основа мыслей и чувств мудреца и святого одна и та же во всех самых скромных людях, и что те свойства, которые выказывает мудрец и святой, те же самые, которые обыкновенный человек употребляет на самые обыкновенные дела жизни.

Мудрые и святые люди, учителя человечества, проявляют только особенно ярко то, что свойственно всем людям. Свет, исходящий от них, есть не что иное, как откровение той силы, которая таится в каждом человеческом существе. [82]

Река не похожа на пруд, и пруд не похож на бочку, и бочка не похожа на ковш с водой.

А и в реке, и в пруде, и в бочке, и в ковше одна и та же вода. Так и дух, живущий в людях. [83]

Бог один во всех нас – раскрывая его в себе, раскрываешь его в других, и наоборот. [84]

– 6 –

Нравственность не может быть ни на чём ином основана, кроме как на сознании себя духовным существом, единым со всеми другими существами и со Всем. [85]

Для нравственной жизни нужно связать свою эту жизнь со всею бесконечною жизнью, следовать закону, обнимающему не одну эту жизнь, но всю. [86]

Жизнь, усилие жить только в одном, в сознании себя духовным существом в этом вещественном, т. е. разделённом на отдельные существа, мире. Духовное существо не имеет страстей, желаний и поэтому сознаёт своё единство со всем. [87]

Какое счастье знать, что то, чем я живу, что моё настоящее я ограничивается не одним мною, а живёт вне меня, в людях, совсем далёких по времени и месту и которых я никогда не видал. [88]

...Чем дольше живу, тем больше испытываю радости единения и любви с самыми, казалось бы, и по положению, и по пространству отдалёнными людьми. [89]

Когда слышишь про людей чуждых, живущих далеко, таких, которых никогда не видал и наверное не увидишь, и в особенности когда видишь их изображения и подумает, что все эти бесчисленные люди живут такой же своей отдельной жизнью, как и я, то спрашиваешь себя: какое моё отношение к ним? Они все, люди, не знают меня, и я никогда не узнаю их. Неужели между нами нет никакой связи? И мы так и умрём, не узнав друг друга? Не может этого быть.

И правда, что этого не может быть. Как ни странно это, я чувствую, знаю, что есть связь между мною и всеми людьми мира, и живыми, и умершими, хотя я и не могу ни видеть, ни понимать её. Я чувствую, что я нужен им, и они мне, и что я живу ими, и они мною. [90]

Ничто так не убеждает в том, что есть Бог, как (...) полное, совершенное единение духа людей, никогда не видавших, не знавших друг друга и живущих за тысячи вёрст в самых различных условиях. [91]

Мало того, что я знаю всё то, что есть во мне, надо, чтоб и все знали это (...), надо, чтобы все знали меня, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы не жили они так независимо от моей жизни, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мною вместе! [92]

– 7 –

...да, “le monde est une sphere dont le centre est partout et la circonference nulle part” (мир – это шар, центр которого – везде, а окружность – нигде (фр.)). Прибавлю к этому, что этот центр – я и всякое живое существо. Жить значит чувствовать, сознавать себя центром вселенной, всего. [93]

Только тогда человек понимает свою жизнь, когда он в каждом человеке видит себя. [94]

Жить по-Божьи значит жить для блага себя, не отделённого от других существ. [95]

Число – собрание единиц. Что такое единица?

Кажется очень просто. А между тем, это один из самых глубоких вопросов. Я думаю, что единица – это отвлечение от сознания отделённости от Всего. [96]

Жизнь мира – одна, т. е. такова, что к ней не может быть приложимо понятие числа. Множественность является только от перегородок сознания. Для сознания всемирного нет числа, нет множественности. [97]

...Больше думай о всей жизни, а не только о том, что сейчас... [98]

Самое трудное (...) состоит в том, чтобы уметь соединять в душе своей значение всего. [99]

Бог
– 1 –

Удивительно, как я мог не видеть прежде той несомненной истины, что за этим миром и нашей жизнью в нём есть Кто-то, Что-то, знающее, для чего существует этот мир, и мы в нём, как в кипятке пузыри, вскакиваем, лопаемся и исчезаем.

Несомненно, что делается что-то в этом мире и делается всеми живыми существами, и делается мною, моей жизнью. Иначе для чего бы было это солнце, эти вёсны, зимы, и для чего эти страдания, рождения, смерти, злодейства, для чего все эти отдельные существа, очевидно не имеющие для меня смысла и вместе с тем так энергично живущие, так хранящие свою жизнь, в которых так крепко завинчена жизнь. Эти существа более всего меня убеждают, что они нужны для какого-то дела, разумного, доброго, но недоступного мне. [1]

...Искание бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мыслей, – оно было даже прямо противоположно им, – но оно вытекало из сердца. Это было чувство страха, сиротливости, одиночества среди всего чужого и надежды на чью-то помощь.

(...)

...Не мог же я без всякого повода, причины и смысла явиться на свет, (...) не могу я быть таким выпавшим из гнезда птенцом, каким я себя чувствовал. Пускай я, выпавший птенец, лежу на спине, пишу в высокой траве, но я пишу оттого, что знаю, что меня в себе выносила мать, высиживала, грела, кормила, любила. Где она, эта мать? Если забросили меня, то кто же забросил? Не могу я скрыть от себя, что любя родил меня кто-то. Кто же этот кто-то? [2]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Жизнь мира совершается по чьей-то воле, – кто-то эту жизнь всего мира и нашими
жизнями делает своё какое-то дело. [3]

Из письма:

«Подкрепи тебя бог. С другими я боюсь употреблять это слово бог, но с тобой я знаю, что ты поймёшь, что я разумею то высшее духовное, которое одно есть и с которым мы можем входить в общение, сознавая его в себе. Непременно нужно это слово и понятие. Без него нельзя жить. (...) И можно и когда грустно, быть с богом, и становится хорошо грустно, и можно и когда весело, и когда бодро, и когда скучно, и когда обидно, и когда стыдно – быть с богом, и тогда всё хорошо. Чем дальше подвигаешься в жизни, тем это нужнее». [4]

Не говорить о Христе, говоря о жизни, человечестве и о тех путях, по которым оно должно идти, и о требованиях нравственности для отдельного человека, всё равно, что не говорить о Копернике или Ньюtone, говоря о небесной механике. О боге же я говорю, потому что это, понятно, самое простое, точное и необходимое, без которого говорить о законах нравственности и добра так же невозможно, как говорить о той же небесной механике, не говоря о силе притяжения, которая сама по себе не имеет ясного определения. Так же, как Ньютон, для того, чтобы объяснить движение тел, должен был сказать, что есть что-то, похожее на притяжение тела – *quasi attrahuntur* (как бы притягиваются (лат.)), так и Христос и всякий мыслящий человек не может не сказать, что есть что-то такое, от чего произошли мы и всё, что существует, и как будто по воле которого всё и мы должны жить. Вот это есть бог – понятие очень точное и необходимое. Избегать же этого понятия нет никакой надобности, и такой мистический страх перед этим понятием ведёт к очень вредным суевериям. [5]

..Верить ли ты в бога? – В какого? – ты спросишь. – В такого, по воле которого существует всё, что существует, и существует так, как существует, и, главное, явился ты с своей разумной, любовной, бессмертной душой, заключённой на время в этом теле.

(...)

Надо верить в такого бога, и хорошо верить в такого бога. Такому богу можно молиться, разумеется, не о том, чтобы изменилось что-нибудь в материальном мире, чтоб прошла болезнь, не пришла бы смерть и т. п., а можно молиться о том, чтобы он помог познавать и исполнять волю его, чтоб он приблизил меня к себе, чтоб он помог откинуть то, что отделяет меня от него. «Приди и вселися в ны», как говорится в прекрасной молитве. И не только можно молиться такому богу, но должно молиться беспрестанно, как говорит Христос, постоянно чувствовать себя перед ним, или, скорее, его чувствовать в себе. [6]

Понятие Бога, в самой даже грубой форме – разумеется, далеко не отвечающее разумному представлению о нём, всё-таки очень полезно для жизни уже тем, что представление о нём, хотя бы самое грубое, переносит сознание в область, с которой видно назначение человека и потому ясны все отступления от него: ошибки, грехи. [7]

..Без идеи о бесконечном разуме и любви, частицу которых, ограниченную временем и пространством, мы чувствуем в себе, – не может жить ни один разумный и добрый человек. [8]

Жизнь есть увеличение отделённого от Всего существа (нематериального). Зачем существо это сознаёт всё, а есть только часть? зачем оно изменяется? – существо это не может понять. Но не может не предполагать этому разумную причину, смысл, – не может не допускать такого существа, которому причина, смысл этот понятны, которое само не отделено и не составляет часть, а целое, Всё. [9]

Бог есть икс (x), но хотя значение икса и неизвестно нам, без него нельзя не только решать, но и составлять никакого уравнения. А жизнь есть решение

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
уравнения. [10]

– 2 –

Бог никак не может быть существом. Уж по одному тому, что понятие существа неразрывно связано с понятием отделённости от других существ. Для бога же, включающего в себя «всё», не может быть того, от чего он может быть отделён. [11]

Личность есть ограничение, бог же не может быть ограничен и потому не может быть личностью. [12]

Всякое (...) ограничение несовместимо с понятием бога. Если допустить то, что бог есть личность, то естественным последствием этого будет (...) приписание богу человеческих свойств: гнева, наложения наказаний, желания восхваления и установления в известное время, в известном месте выраженного в известных книгах на вечные времена непререкаемого закона. [13]

Так как не могу представить себе Его иначе как во времени и пространстве, а знаю, что Он вне времени и пространства (и то, и другое – ограничение), то и не могу никак представить себе Его. Знаю только, что Он есть. [14]

Бог передаёт знание о себе человеку не человеческим языком – словом, а своим особенным, божеским языком, без слов вполне понятным чистому сердцу человека. [15]

У каждого человека есть глубина внутренней жизни, сущность которой нельзя сообщить другому. Иногда хочется передать это людям. Но тотчас же чувствуется, что передать это вполне другому человеку невозможно.

Потребность эта есть потребность общения с богом. Устанавливай это общение и не ищи другого. [16]

Удивительное дело! Стоит только рассказать, как-нибудь раскрыть людям то доброе, которое чувствуешь, делаешь или хочешь делать, и тотчас же та внутренняя сила и радость, которую давало это сознание добра, – исчезает. Точно как выпущенный пар из паровика. Если делаешь для Бога, то делай только для Бога. Держи тайну с Богом, и он поможет тебе. Как разболтал людям, он отворачивается от тебя. «Ты, мол, сказал людям, от них и жди помощи». [17]

Бог не любит посторонних лиц. С Ним можно общаться только один на один. [18]

Не смущайся тем, что понятие Бога неясно тебе. Чем проще и яснее оно, тем оно дальше от истины и тем ненадёжнее как опора.

Если мы словами можем обнять Бога, то такой Бог – не Бог. Бога нельзя понять, а между тем мы ничего так твёрдо не знаем, как этого непонятого Бога. [19]

Насколько мой мизинец может сознавать себя – он может, когда я хочу сознавать его – настолько и я могу, когда Бог сознаёт себя во мне, сознавать себя. Но насколько мизинец не может понять всего тела, настолько я не могу понять Бога, который сознаёт себя во мне. [20]

Бога нельзя определять именно потому, что мы знаем и можем знать его не рассуждением, а внутренним сознанием. И всякий человек знает бога, хотя в своём заблуждении может на словах и отрицать его. Только откинь человек то, что заслоняет от него бога, и он познает то, что он никогда и не переставал знать бога. [21]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Никакое определение человеком бога не может быть не только полно, но хотя бы
удовлетворительно. При определении того, что мы понимаем под словом бог, главная
опасность не в том, что не вполне определим его, что невозможно, а что мы скажем
что-либо лишнее, умаляющее или извращающее это понятие. [22]

Бог не есть понятие, но нечто такое, без чего ничто не может быть, и поэтому
знаю про существование бога более несомненно, чем про что бы то ни было. Но,
несмотря на такое знание, рассуждать и словами определять бога считаю самым
бесполезным и вредным занятием. [23]

Как хорошо еврейское правило не дерзать произносить имени Бога. Это запрещение
показывает, что они понимали, что такое Он. Наше же панибратское отношение, наше
же: Господи, помилуй, переходящее в «помилос», «помилос», показывает, что у нас
и не догадываются о том, что может быть Бог для людей религиозных. [24]

Нет большего безбожия, как упоминание бога без сознания его. [25]

Всякая попытка определения Бога – кощунство. [26]

Если есть Бог, то он не три, не два, не двадцать два, даже не один. Понятие
числа неприменимо к Богу. [27]

Жизнь есть движение. Движение же может быть там, где есть ограничение. И поэтому
понятие жизни нельзя относить к Богу. [28]

...Тот бог, которого только и можно истинно любить, это такой бог, которого мы
сознаём, чувствуем, но никак не знаем, не понимаем, как понимаем всё другое,
кроме бога. [29]

Мы узнаём Бога не столько разумом, сколько тем, что чувствуем себя во власти
Его, вроде того чувства, которое испытывает грудной ребёнок на руках матери.

Ребёнок не знает, кто держит, кто греет, кто кормит его, но знает, что есть этот
кто-то, и мало того, что знает, – любит того, во власти кого он находится. То же
и с человеком. [30]

Бог в человеке проявляется любовью. Но он не любовь, он – нечто большее любви,
то, чего мы не знаем, где мои рассуждения оканчиваются, – это предел, о котором
мне знать не дано. [31]

...Нельзя говорить: бог есть любовь или бог есть логос, разум. Через любовь и
разум мы познаём бога, но понятие бога не только не покрывается этими понятиями,
но так же отличается от бога, как понятие глаза или зрения от света. [32]

Любовь и разум это только те свойства Бога, которые мы сознаём в себе, но то,
что Он сам в себе, этого мы не можем знать. [33]

Обращение (...) к нами придуманному и до такой степени умалённому богу, что мы
можем просить его об удовлетворении наших личных желаний, и ожидание помощи от
такого бога не может привести ни к чему иному, кроме как полному безбожию. [34]

Нет такого Бога, который мог бы исполнять наши требования, есть только такой,
требования которого мы должны исполнять. [35]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Молиться кому? Что такое Бог, представляемый себе так ясно, что можно просить
Его, общаться с Ним? Ежели я и представляю себе такого, то Он теряет для меня
всякое величие. Бог, которого можно просить и которому можно служить, есть
выражение слабости ума. Тем-то Он Бог, что всё Его существо я не могу
представить себе. Да Он и не существо, Он закон и сила. [36]

Он из самого ничтожного может сделать нужное важное, и из самого важного, на мой
взгляд, сделать – ничто. [37]

...Наш Бог, не говорю уже о Боге церковном – Троице, Боге Творце, Боге деистов,
страшно антропоморфичен, выдуман нами по нашим слабостям. Бог тот, которого я не
то что сознаю, не то что понимаю, а тот, существование которого для меня
неизбежно, хотя я ничего не могу знать про Него, как только то, что Он есть,
этот Бог для меня вечно Deus absconditus (Бог сокровенный (лат.)), непознаваемый.
Я сознаю нечто вневременное, непространственное, внепричинное, но я никакого
права не имею называть это Богом, т. е. в этой невещественности, вневременности,
непространственности, внепричинности видеть Бога и Его сущность. Это есть только
та высшая сущность, к которой я причастен. Но Начало, principium (Бог
сокровенный (лат.)) этой сущности может быть и должно быть совсем иное и
совершенно недоступное мне. Скажут: это ужасно – чувствовать себя одиноким. Да,
ужасно, когда приучил себя к мысли, что у тебя есть помощник, заступник. Но ведь
это всё равно, что укрыться в шалаш от бомб или, ещё хуже, под высокое дерево от
молнии. – Нет Бога, которого я могу просить, который обо мне заботится, меня
награждает и карает, но зато я не случайное явившееся по чьей-то прихоти
существо, а я орган Бога. Он мне неизвестен, но моё назначение в нём не только
известно мне, но моя причастность Ему составляет непоколебимую основу моей
жизни. [38]

Хочется просить помощи у Бога. Но Бога никто же нигде же не видел, т. е. Бога мы
не можем понять; не можем понять, но можем вступить в общение с Ним любовью.
Если мы любим, то мы в Нём, и Он в нас. Так будем же любить всех и ближних, и
дальних, и любящих, и ненавидящих нас. И будем всегда любить всех и мыслью, и
словом, и делом.

В этом одном и помощь от Бога, и в этом высшее благо, которое Он даёт нам. [39]

Бог, Ты, Ты – всё, чего я смутное проявление в теле, в отделённом от Всего теле,
Ты – Весь, во всём совершенстве, помоги мне. Говорю это – и мне хорошо на душе.
Не знаю, кто Тот, Кого я прошу о помощи, но мало того, что знаю, что Он есть, но
знаю и то, что чем больше, искреннее, горячее прошу Его о помощи, тем больше
чувствую эту помощь.

Да. Помоги мне освободиться от тела, соединиться с Тобой – и чувствую, что Ты
уже помогаешь... [40]

Я не потому только обращаюсь к Богу как личности, что я так воспитан, но я
воспитан так потому, что такое обращение к Богу свойственно человеку. Я знаю или
могу знать, что солнце есть какое-то огромное соединение раскалённых газов, но я
говорю, не могу не говорить и не думать, что солнце – это светлый, тёплый
красно-жёлтый круг, который выходит из-за горизонта и заходит за него. Так же и
про Бога я знаю и могу знать, что Он есть всё, не имеющее никаких пределов и
ограничений, но я говорю и думаю, не могу не говорить и не думать, что Бог – это
Отец, во власти которого я нахожусь, который добр и знает меня, и может помочь
мне. И говорю: прости мне, Господи, помоги мне, благодарю Тебя. [41]

– 3 –

[Правы не верящие] в того бога (...), который будто бы сотворил мир и печётся о
людях, и может быть умиловителен молитвой. Тот бог, которого я исповедую, есть
бог невидимый, непостижимый, духовный, для которого нет ни времени, ни
пространства и которого мы знаем только потому, что духовное проявление его
сознаём в самих себе и во всех других людях. [42]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Не могу доказать себе существование Бога, не нахожу ни одного дельного
доказательства и нахожу, что понятие не необходимо. Легче и проще понять вечное
существование всего мира с его непостижимо прекрасным порядком, чем существо,
сотворившее его. [43]

Жизнь есть движение во времени. Движение во времени не может быть там, где нет
ограничения, и потому понятие движения во времени нельзя относить к Богу. С
понятием Бога несовместимо понятие какого-нибудь делания и потому сотворения
мира. [44]

...Идея бога-творца – это старинный предрассудок, верить которому не только
бесполезно, но даже очень вредно. Мы не имеем ни малейшего права верить в
бога-творца. Всё, что мы можем утверждать, это то, что мы живём в мире, который
нам кажется бесконечным во времени и пространстве, и что начало нашего бытия
есть нечто нематериальное. Хотя мы сами находимся в состоянии ограниченном, тем
не менее мы сознаём в себе это начало и потому не можем не иметь понятия об этом
начале – нематериальном, неограниченном, не подлежащем действию времени и
пространства. Вот это начало мы и называем богом. Это начало нашей жизни не
может быть ни добрым, ни злым, – оно то, что есть: «то $\acute{o}\nu$ ». [45]

Бог (...), которого признавали все великие умы мира и без которого нельзя
разумному человеку жить, есть то вневременное, внепространственное, неличное
начало всего, до которого человек невольно доходит, о чём бы он ни начинал
серьёзно думать. [46]

Где-то я читал, что, отказавшись от личного Бога, трудно поверить в Бога
безличного. И это – правда. Тот Бог может наградить. Ему можно молиться, просить
его; а чтобы верить в Бога безличного, нужно себя сделать достойным вместилищем
Его... [47]

...Люди житейские – попы и т. п., сколько они ни говори о боге, (...) не видят того,
что мы видим – именно того бога, более неопределённого, более далёкого, но более
высокого и несомненного (...).

Бог Саваоф с сыном, бог попов есть такой же маленький и уродливый, невозможный
бог и ещё гораздо более невозможный, чем для попов был бы бог мух, которого бы
мухи себе воображали огромной мухой, озабоченной только благополучием и
исправлением мух. [48]

Если человек считает собою своё животное существо, то и Бога он будет
представлять себе материальным, властвующим материально над материальным. А Бог
– не такой, Бог дух и не властвует ни над чем, а живёт во всём. [49]

...Есть и должно быть не то что начало всех начал, а начало, не имеющее начала, т.
е. начало вне закона причинности, то начало, которого образчик, признаки я
сознаю в себе. [50]

Можно не думать о том, что такое весь мир, без конца во все стороны, что такое
моя душа, которая знает сама себя; но если только подумать об этом, то нельзя не
признать того, что мы называем Богом. [51]

Каждый человек (...) не может не сознавать себя частью чего-то бесконечного. Вот
это-то бесконечное, которого человек сознаёт себя частью, и есть бог. Для людей
непросвещённых, к которым принадлежит огромное большинство так называемых
учёных, не понимающих ничего, кроме материи, бог будет бесконечная в
пространстве и времени материя. И такое представление о боге будет очень нелепо,
но всё-таки у них будет свой, хотя и нелепый, но всё-таки бог. Для людей же
просвещённых, понимающих, что начало и сущность жизни не в материи, а в духе,
бог будет то бесконечное неограниченное существо, которое он сознаёт в себе в

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то ограниченных временем и пространством пределах.

И такого бога сознавало и признавало, и признаёт, и будет признавать человечество всегда, если только оно не обратится в скотское состояние. [52]

...Ты говоришь, что всему есть начало, и даже, восходя от начала к началу, ты дошёл далеко и по соображениям и догадкам дошёл до начала не за 7000 лет, а гораздо дальше. И там ты видишь не только образование земли и живого на ней, но образование солнца и ещё дальше. Но как ни далеко ты зашёл, ты признаёшь, что начало начал так же далеко и недоступно. Но ты всё-таки ищешь начала начал, на него обращён твой взор, от него – ты говоришь – возникло всё. Ну вот это самое, не часть, а начало начал, это самое я и называю богом. [53]

Для Бога всё, что было и будет, всё это есть, всё сливается в Его жизни, как в моей жизни сливается в одно всё моё прошедшее, настоящее и (сливается, наступая) будущее. Наше стремление и благо в том, чтобы всё больше и больше сознать божеское. Для Бога это не нужно. Это нужно только для нас, давая нам благо. Для Бога не только прошедшее и будущее человека, но прошедшее, настоящее, будущее жизни всего мира слито в одно. Как я ребёнок, юноша, муж, старик – одно, так для Бога жизнь ассириян, греков, французов, японцев и всего, что будет и что было в этом мире и во всех мирах, сливается в одно. [54]

Мне кажется, я даже нерелигиозному человеку в состоянии доказать бытие божие, просто научно.

Религия есть отношение человека к остальному миру. Это отношение не может быть к миру чувственному, который в пространстве и времени, – и то, и другое бесконечны. Не может быть отношения единицы к ряду бесконечных чисел – их пришлось бы интегрировать для этого. Следовательно, отношение возможно к целому вне времени и пространства, следовательно, бог есть дух. [55]

– 4 –

Бога, духовное начало жизни, мы знаем только потому, что знаем его в себе и в других людях. И потому действительное богопочитание возможно только в почитании бога в себе и в других людях. Почитание бога в себе состоит в представлении себе и держании перед собой образа высшего совершенства добра и в стремлении к наибольшему в своей жизни приближению к этому совершенству. Почитание же бога в людях состоит в признании в каждом человеке того же бога, какого мы сознаём в себе, и потому в стремлении к соединению с каждым человеком; соединение же это может совершаться только любовью. [56]

Как только есть Бог, так все люди в одинаковой зависимости от Него. Признание Бога есть признание братства и потому любви. [57]

...Сознание бога – основы нашей жизни. На этой глубине сознания мы все соединяемся воедино. [58]

Ничто так очевидно и несомненно не убеждает в том, что есть бог, и что дух, живущий во мне, есть частица его, что я есмь сын божий, по выражению Христа, как то, что этот дух, точно такой же во всех своих свойствах и стремлениях, проявляется в другом человеке, по материальным условиям совершенно чуждом мне. [59]

Бог это духовное начало, которым живо всё, что живёт. Как говорит апостол Иоанн: «Бог есть любовь», и понимать бога мы можем только любовью. [60]

Для меня (...) лично самое высшее понимание бога, вполне удовлетворяющее меня, есть то, которое выражено в первом послании Иоанна: гл., стихи 7, 12, 16, именно то, что бог есть любовь. Такое понимание бога если и исключает всякое обращение к нему как личности, всякое восхваление его, всякие прошения, даже молитву,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то включает зато в себя сознание в себе бога-любви и вследствие этого необходимости проявления его во всякий час своей жизни – любовью и к нему, т. е. к совершенству, и ко всему живому, и в особенности к людям...

(...)

Не могу перестать верить в бога-любовь, во-первых, потому, что эта вера даёт мне высшее благо теперь, здесь, в этом мире, открывая всегдaшнюю возможность от меня зависящего блага жизни в боге-любви, во-вторых, потому, что, зная, что бог есть любовь и что, умирая, я возвращаюсь к тому, от кого я исшёл, к богу-любви, я и в смерти ничего, кроме благого, ожидать не могу; в-третьих, ещё и потому, что такая вера в бога-любовь не только не отделяет меня от всех людей других вер, но соединяет с ними, так как во всех верах: браминской, буддийской, конфуцианской и во всех других, а также и в учениях языческих мудрецов, я нахожу то же (...) учение о том, что бог есть любовь и что в любви же закон жизни людей. [61]

Бог, для меня, это то, к чему я стремлюсь, то, в стремлении к чему и состоит моя жизнь, и который поэтому-то и есть для меня; но есть непременно такой, что я его понять, назвать не могу. Если бы я его понял, я бы дошёл до него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но, что кажется противоречием, я его понять и назвать не могу, а вместе с тем знаю его, – знаю направление к нему, и даже из всех моих знаний это самое достоверное. (...) ...Любить по-настоящему, т. е. больше себя и больше всего, я могу только его одного; только в этой любви нет никакой остановки, никакого умаления (...), нет никакой чувственности, нет виляний, угодливости, нет страха, нет самодовольства. Всё, что хорошо, любишь только через эту любовь; так что выходит ещё то – что любишь, а, следовательно, живёшь только через него и им. [62]

...Прежде, чем любить ближнего, или для того, чтобы любить ближнего, надо любить бога всем сердцем и всем помышлением. (...)

Только любовь к богу, т. е. любовь к истине, к добру может если не уничтожить, то преодолеть наш эгоизм и привести нас к настоящей любви к ближнему. [63]

Любить бога – значит любить то высшее добро, какое мы только можем себе представить. [64]

Любить Бога – значит любить совершенство. [65]

У одного человека спросили: «Почему он знает, что есть Бог?» Он отвечал: «Разве нужна свеча, чтобы видеть зарю?» [66]

– 5 –

...Верю в бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нём. [67]

Если есть какой-нибудь Бог, то только тот, которого я знаю в себе как самого себя, а также и во всём живом. Говорят: нет материи, вещества. Нет, она есть, но она только то, посредством чего Бог не есть ничто, не есть не живой, но живой Бог, посредством чего Он живёт во мне и во всём. Зачем, это я не знаю, но знаю, что это есть.

Надо помнить, что моя душа не есть что-то – как говорят – божественное, а есть сам Бог. Как только я Бог, сознаю себя, так нет ни зла, ни смерти, ничего, кроме радости. [68]

Не ищи Бога в храмах. Он близок к тебе, Он внутри тебя. Он живёт в тебе. Только отдайся Ему, и ты поднимешься выше счастья и несчастья. [69]

Тоскливое состояние – уныние; хочется помощи от Бога, от всемогущего Бога. И

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то только одна помощь: отречение от себя и соединение с Ним. Тоска, уныние только оттого, что ушёл от Него, а вообразил себе, что ты – ты, Лев Толстой, а не то, что одно есть. [70]

..Бог молчит так же, как мы молчим, когда к нам обращается человек, неискренность которого мы чувствуем. Он молчит, потому что мы неискренни, не всей душой живём для Него. Когда же мы живём только для Него, Он тотчас же отвечает нам в нас тихой радостью, спокойствием, неуязвимостью. [71]

Если человек не знает Бога в себе, то он не знает никакого Бога.

Кто знает самого себя, тот познаёт Бога. [72]

Познать Бога можно только в себе. Пока не найдёшь Его в себе, не найдёшь Его нигде. [73]

Бог живёт во всяком человеке, но не всякий человек знает это. [74]

Я наполняю все пространства и все времена, говорит Бог, и вместе с тем я же заключён в каждом сердце человека. Все люди ищут меня, а между тем я обнимаю каждого человека, и ни один человек не может жить без меня. [75]

Если человек и не знает, что он дышит воздухом, он знает, что лишился чего-то, когда задыхается. То же и с человеком, лишившимся бога, хотя бы он и не признавал его. [76]

То, что я сознаю и называю своей жизнью, – есть постепенное открывание Себя во мне, как и во всех существах, Единого Начала. Наши жизни и жизнь мира – Его дыхание. [77]

Бог дышит нашими жизнями. [78]

Радуюсь тому, что знаю, что Ты еси, и что я есмь, и, главное, тому, что знаю, что Ты и я одно и то же. [79]

Отрицать бога – значит отрицать себя как духовное, разумное существо. [80]

Спрашивать: есть ли Бог? всё равно, что спрашивать: есть ли я? Я в себе знаю Бога – не всего, но частицу, проявление. Всё то, чего я есмь проявление, это есть Бог, столь же неизбежно существующий, как и я. [81]

– 6 –

Что такое Бог? Бог – это бесконечное всё, чего я сознаю себя частью. Бог – это то, к чему, хочет ли он или не хочет этого, стремится всякий человек, то, в стремлении к чему состоит жизнь всякого человека. И потому Бог есть то, что необходимо, неизбежно существует для всякого человека. [82]

Любовь к Богу и сознание Его, это то же, что тяготение к земле и земли к большому центру, а того ещё к большому центру тяготения, и так без конца. (...) и так же, как мы не знаем, не можем даже представить себе всеобщего центра тяготения, мы не можем знать и представить даже себе Бога. Но так же, как несомненно то, что этот непостижимый центр есть, так же несомненно и то, что Бог есть. [83]

Атеист говорит: я не знаю Бога, мне не нужно это понятие. Говорить это всё

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то равно, что говорить человеку, плывущему по морю в лодке, что он не знает моря и ему не нужно это понятие. То бесконечное, которое окружает тебя, на котором ты движешься, законы этого бесконечного, твоё отношение к нему, это-то и есть Бог. Говорить, что ты не видишь Его, это – поступать, как страус. [84]

Доказывать существование Бога! Может ли быть что-нибудь глупее мысли: доказывать существование Бога. Доказывать Бога всё равно, что доказывать своё существование. Доказывать своё существование? Для кого? Кому? Чем? Кроме Бога, ничего не существует. [85]

Бога нельзя познать иначе, как так, что есть только одно сущее, одно, что действительно есть и помимо чего нет ничего, что ничто действительно не существует, кроме Его. [86]

...Бога или нет, или нет ничего, кроме Бога. [87]

...Убеждён, что бога нельзя не знать, что единственное, что несомненно знает человек, – это бог. И это не может быть иначе, потому что бог в нас, и человек непосредственно сознаёт своё единство с ним. [88]

Всё, что я знаю, я знаю потому, что есть бог, и я знаю его. Только на этом можно основаться твёрдо и в отношении к людям, и к себе, и к вневременной и внеземной жизни. Я не только не нахожу этого мистичным, но нахожу, что противоположный взгляд есть мистицизм, а что эта одна самая понятная и всем доступная реальность. [89]

Бог есть, потому что есть мир и я, но думать о нём не нужно. Нужно думать об его законах. И мы понимаем Его только в той мере, в которой понимаем и исполняем Его законы. (...) Чем больше исполняешь Его законы, тем несомненнее Его существование, и наоборот. [90]

– 7 –

Если войдёт тебе в голову мысль о том, что всё, что ты думал о Боге, неправда, что нет Бога, не смущайся этим, а знай, что это было и бывает со всеми людьми. Но не думай только того, что если ты перестал верить в того Бога, в которого ты верил, то это сделалось оттого, что нет Бога. Если ты не веришь в того Бога, в которого верил, то это только оттого, что в вере твоей о Боге было что-нибудь неправильное, и тебе надо постараться лучше понять то, что ты называешь Богом.

Если дикарь перестал верить в своего деревянного бога, то это не значит то, что Бога нет, а только то, что Бог не деревянный.

Понять Бога вполне мы не можем, но можем только всё больше и больше понимать начало всего. И потому, если мы откидываем низкое понятие о Боге, то это нам на пользу. Делается это для того, чтобы мы всё лучше и выше понимали то, что мы называем Богом. [91]

Понятия о Боге у человека религиозного постоянно разрушаются, заменяясь новым, высшим пониманием. [92]

...Вполне истинного религиозного понимания законов жизни, как и вполне истинного понимания бога, никогда не может быть у человека. Человек только всё больше и больше приближается к тому и другому. [93]

Исполнение воли бога

– 1 –

Цель нашего существования всегда останется нам неизвестной. Она по ту сторону нашей жизни. [1]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Цель нашего существования не в нём самом. Она вне его.

Наша жизнь – посланничество, которого мы можем знать обязанности, но никак не цель. [2]

...Жизнь наша не имеет цели в самой себе, цели, которая могла бы удовлетворить нас; цель её вне нас и недоступна нам, и потому смысл жизни нашей в том, чтобы исполнить то, для чего она предназначена. [3]

Для меня учение Христа более всего стало понятно, более всего завладело мной, когда я ясно понял, что жизнь моя не моя, а того, кто дал её, и что цель жизни не во мне, а в его воле, и надо узнать и делать её. Это перевернуло меня. [4]

Цели нашей жизни мы не можем понять. Цель эта понятна только для той воли, которая послала нас в жизнь. Или, скорее, цель есть понятие человеческое и для высшей воли, для бога её не существует, как не существует пространства, времени и причинности. Так что смысла нашей жизни, определяемого её целью, нет и не может быть; смысл её только в исполнении той воли, которая послала нас в жизнь, и определяется не целью, а верой в существование этой высшей воли, отца небесного по христианскому выражению. Воля же эта выражается в (...) любви. Эта та единственная сторона, с которой мы познаём бога, та пуповина, которая соединяет нас с ним. [5]

Дело моё – творить волю Пославшего. Я не могу знать, в чём Его воля; но, поднявшись до высшей точки своего разума, я совпадаю с разумом Бога, и хотя и не знаю, в чём конечный смысл жизни, – знаю, что смысл этот есть, и знаю, что мне надо делать для того, чтобы жить согласно с этим смыслом: делать мне надо всё то, что объединяет людей и всё существующее. [6]

Коротко выраженный смысл жизни тот, что всякий живой человек есть орудие божие, орудие, через которое высшая сила делает своё дело. И потому смысл жизни в том, чтобы наилучшим образом делать то дело, которое от тебя требует эта высшая сила. Знать же, делаешь или не делаешь это дело, всегда можно: совесть есть указатель этого. Надо только слушать её и стараться делать её всё более и более чуткою. [7]

...Что такое совесть? Совесть есть тот высший закон всего живущего, который каждый сознаёт в себе не только признанием прав этого всего живущего, но любовью к нему. Требования совести суть то, что на христианском языке называется волей бога... [8]

...Понять всё дело Хозяина – не в моей власти. Но делать Его волю, написанную в моей совести, – это в моей власти, и это я знаю несомненно. И когда делаю, несомненно спокоен. [9]

...Вижу свет, и всё больше и больше. Всё чаще и чаще чувствую себя не хозяином своей жизни, а работником, и не думаю о том, что выйдет из того, что делаю, а только о том, что делаю и как. [10]

...Если бы верил в счастье, то есть думал бы, что надо замечать и желать его, я бы сказал, что я счастлив. Не вижу, как проходят дни, не думаю, что выйдет из моей работы, но думаю, что делаю то, что надо, чего хочет от меня То, что пустило меня сюда жить. [11]

Жизнь наша есть то, лучше чего мы ничего себе представить не можем, только бы мы делали в ней то, чего от нас хочет Бог. [12]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Просыпаюсь утром и спрашиваю себя: что у меня впереди? и отвечаю: ничего, кроме
смерти. Ничего не желаю. Всё хорошо. Что же делать? Как же жить? Наполнять
остающуюся жизнь делами, нужными Пославшему. И как легко! Как спокойно! Как
свободно! Как радостно! [13]

Всё дано нам. Только ищи своего блага там, где оно есть, в согласии своей души с
волей Бога, – и у тебя будет всё, чего ты можешь желать.

Все наши беды только от нас самих, когда мы делаем не то, что нам назначено.
[14]

Не делай только того, что противно Его воле и воле твоего настоящего «я», и ты
будешь делать то самое нужное и хорошее, что ты можешь сделать. [15]

Чтобы узнать волю Отца, надо узнать истинную, основную свою волю – она, сыновняя
воля, всегда совпадает с отцовской. [16]

Помоги, Господи, исполнять твою волю. Не для того, чтобы что-то сделать, а
только для того, чтобы делать, что должно. [17]

Готов на страдания, на унижения, только бы знать сам с собой, что делаю то, что
должно. Какое лёгкое или страшно трудное слово: что должно. [18]

Главный вопрос жизни нашей только в том, то ли мы делаем в этот короткий, данный
нам срок жизни, чего хочет от нас Тот, Кто послал нас в жизнь. То ли мы делаем?
[19]

– 2 –

Не надо желать жить потому, что хочешь сделать что-либо, а надо делать потому,
что живёшь. [20]

...Жить надо, чтобы делать дело, но, делая дело, надо постоянно отлеплять его от
себя, чтобы не прилипнуть к нему, не слиться с ним, а быть готовым всегда с
спокойным духом оставить его, если так угодно Хозяину, а то не успеешь
оглянуться, как слипнешься с ним. А, главное дело, и самое дело делается
нехорошо, когда не стоишь от него на должном расстоянии. [21]

Участие наше в делах определяется (...) не важностью самих дел, даже не близостью
их к нам, а сознанием призвания к этому делу и того, что участие твоё требуется
от тебя твоею совестью, богом. [22]

Мне думается, что большая доля наших страданий происходит оттого, что мы
забываем своё преходящее положение, что вся жизнь наша не есть нечто стоячее, а
постоянное движение от рождения до смерти, и что поэтому нам не только не надо
цепляться за какое-нибудь положение, а напротив, сколько возможно отцепляться,
уменьшать трение для того, чтобы в нашем шествии через жизнь быть в силах
наилучшим образом исполнять обязанности, возложенные на нас пославшим. [23]

Вы говорите: как идти, куда? Вопрос этот может быть только тогда, когда думаешь,
что знаешь, куда надо идти. А думать этого не надо. Хороший работник не думает о
том, что выйдет из его работы, а только о том, чтобы всякий час сделать то, чего
хочет хозяин. Стоит только забыть про себя и помнить про свои обязанности перед
пославшим и указывающим нам наше дело в нашей душе – совести, и нет сомнений и
вопросов. [24]

...Что мне лучше делать (...) – ужасно трудно разрешить. Разрешение одно – жить
всякую минуту своей жизни с Богом, делая его, но не свою волю – тогда вопросов

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
этих не будет. [25]

...Как только в чём-либо сомнение: сказать – не сказать, пойти – не пойти, большей частью для похоти или славы людской, или пожалеешь о чём, – скажешь себе: а тебе что за дело? жизнь только для Бога в себе и вне себя, и сейчас уничтожается сомнение, и спокойно, хорошо, радостно. [26]

...Жить надо не для того, чтобы делать свои дела, которых никогда не доделаешь и не сделаешь так, как хочется, а дело того, кто послал нас сюда. [27]

Человек, пока жив, должен работать, действовать. Это не его сила. А сила, действующая через него. Его же дело – делать хорошо то дело, которое заставляет его делать влекущая его сила. Он должен питаться. Это не его сила, а действующая через него. Его же дело питаться хорошо, не уничтожая жизнью и не заставляя других кормить себя. Он стремится к половому общению. Опять это не его сила, а действующая через него. Его дело быть верным супругом и заботливым родителем. Также неизбежно, не от него зависит отношения с людьми. Его дело отношения эти сделать добрыми. Также не от него зависит думать или не думать, но его дело останавливаться на мыслях добрых и отгонять злые. [28]

Бог дал дух свой, любовь, разум, чтобы служить ему; а мы этот дух употребляем на служение себе, – употребляем топор на то, чтобы строгать топорнице. [29]

...Главная ошибка людей в жизни – самая обычная и вредная – в том, что мы хотим что-то совершить в жизни, подвиг или хоть дело какое бы то ни было. Этого нельзя. Это совсем неправильно, всё равно, как если бы человек, которого приставили пахать, стал бы на своей сохе возить – да неверно и это – или человека приставили запрягать, на станции, а он хотел бы свести. Дело наше здесь только в том, чтобы делать как должно то, что потребуется, т. е. любовно. Вроде того, что запрягать – делать всё то, что соединяет людей, а сделать что-нибудь, совершить нам не дано, потому что жизнь наша не есть что-либо цельное, законченное, а есть часть чего-то несоизмеримо огромного, есть конечная частица бесконечного. Дело всё только, чтобы часть прилаживалась как должно к целому. Если же хочешь совершить что-нибудь, то всё-таки совершить ты можешь не сочинение, не ряд сочинений, не просвещение народа, не объединение Германии и т. п., а только одно – свою всю жизнь, до последнего издыхания, так что всё-таки ты не знаешь, что ты совершил; и жизнь твоя вся в целом видна будет не тебе, а другим. Крез (Крез (595–546 до н. э.) – последний царь Лидии из рода Мермнадов, правивший в 560–546 гг. до н. э.) и Солон (Солон (между 640 и 635 – около 559 до н. э.) – афинский политик, законодатель и поэт). Это радостно и полезно думать. Как ни стар, как ни болен, как ни много, как ни мало сделал, всё твоё дело жизни не только не кончено, но не получило ещё своего окончательного, решающего значения до последнего издыхания. [30]

При мысли о предстоящих поступках и, если можешь, при совершении самых поступков спрашивай себя: для чего ты делаешь то, что делаешь: для себя ли, для Бога, для своей совести или для людей, для их одобрения. Спрашивай себя: будешь ли делать то же, что делаешь, если бы ты не только знал, что никто никогда не узнает про это, но что это доброе для оценки твоей совести дело останется для людей поводом осуждения тебя. [31]

Если хочешь быть спокоен, угождай Богу, а не людям. Разные люди хотят разного; нынче хотят одного, завтра другого. Никогда не угодишь людям. Бог же хочет одного и того же, и ты в своём сердце знаешь, чего Он хочет. [32]

Любить – значит желать того, чего желает любимый предмет. Желают предметы любви противоположного, и потому любить можно то, что желает одного и того же. Желает же одного и того же Бог. [33]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Перед людьми жить очень хлопотно – всем потрафить, от всех заслужить доброе мнение, скрыть от них свои гадости. Очень трудно. А как покойно и легко перед богом. Перед ним трудиться, скрывать и рисоваться нечего. Он знает, каков я и чего я стою. Это одно и большое преимущество служения богу, а не людям. [34]

...Иметь в виду только бога, а не людей. Поступайте так, как будто вы одни в мире и люди никогда не узнают о вашем поступке. И не загадывайте вперёд, а поступите, как сказано в евангелии: когда поведут вас, не думайте, что будете говорить, дух, который в вас, скажет что должно. Человек бывает слаб и бывает очень силен, когда он соединяет свою волю с волей бога. [35]

Спокоен, всегда радостен может быть только тот, для кого главное и даже одно дело жизни – дело соблюдения, просветления своей души перед Богом и для Бога. Но как трудно приучить себя к равнодушию о мнении людском, особенно когда оно осуждает то, что делаешь для Бога.

Да, надо иметь дело только с Богом и перед Богом. Трудно это. Но стоит поработать для этого, приучить себя к этому. Стоит потому, что только так легко и жить, и умирать. [36]

Надо приучать себя жить, совершенно не думая о людском мнении, не желая даже любви людской, а жить только для исполнения закона своей жизни, воли Бога. При такой одинокой, с одним Богом жизни, правда, теряется побуждающее иногда к добрым поступкам желание славы людской, но приобретает такая свобода, такое спокойствие, такое постоянство и твёрдое сознание верности пути, которых не испытывает никогда тот, кто живёт для славы людской. [37]

То, что делаешь для себя или для людей с определённой целью, всегда слабо, и результаты гадательны. То же, что делаешь для Бога без видимой и желательной цели, всегда непреодолимо могущественно и ведёт прямо к своей цели. Точно за тобой со всей своей силой стоит сам Бог. [38]

Ах, если бы привыкнуть жить перед судом Бога – чувствовать Его всегда судящим меня, так же, как живёшь перед судом людским, заботишься о нём. Ах, если бы только всякий час, всякую минуту жить перед Ним! Какое бы счастье. [39]

..Делай всё, что тебе хочется, что вложено в тебя, но делай не для добра (добра нет, как и зла), а для того, что этого хочет Бог. Делай не доброе, а законное. Это одно удовлетворяет. Это одно нужно и важно, и радостно. [40]

...Как молитва настоящая только уединённая – один с Богом, так и деятельность настоящая только та, где мотив её известен одному Богу, т. е. никому. [41]

– 3 –

Что нами хочет делать бог, мы не можем знать, как не может знать лошадь запряжённая, куда, зачем и что она везёт, но если она кротка и смирна и везёт, то она знает, что она работает хозяину, и ей хорошо. Иго моё благо и бремя моё легко. [42]

Дело наше здесь только в том, чтобы держать себя, как орудие, которым делается хозяином непостижимое мне дело – держать себя в наилучшем порядке, – чтобы, если я соха, чтобы сошники были остры, чтобы, если я светильник, чтоб ничего не мешало ему гореть. [43]

Хочешь, думаешь действиями, словами влиять на людей, послужить Богу для осуществления Его царства, а когда вдумаешься в своё положение, то видишь, что всё лучшее служение – это себя сделать лучшим. А уже Он мною сделает, что Ему нужно и как Ему нужно. [44]

...Я только одного этого желаю, живу только тем, что надеюсь сделать это – передать свою веру другим. Но знаю, что если я это буду делать для себя, я ничего не сделаю, а сделаю только тогда, когда я буду покорным и не имеющим своей личной цели орудием воли Божьей. [45]

...Я есмь орудие, орган бога, и (...) я желаю одного – исполнять своё назначение без небрежности и без напряжения, постоянно сознавая, что через меня действует сила божия... [46]

Каждый из нас есть сила, сознающая себя – летящий камень, который знает, куда и зачем он летит, и радуется тому, что он летит, и знает, что сам он ничто – камень, а что всё его значение в этом полёте, в той силе, которая бросила его... [47]

Всякий разумный человек должен понимать себя в этом мире так же, как понимает себя работник, который пришёл бы на большой завод и увидал бы, что для него готово помещение, постель, пища и орудия работы. Всякий разумный рабочий поймёт, что для того, чтобы пользоваться всем тем, что для него приготовлено, ему надо работать. То же должен понять и человек. Мир – это большой завод, на который пришёл человек. Бог это хозяин этого завода, а работа, которую должен делать работник, это то, чего хочет бог от человека, послав его в мир. [48]

Могу сказать (...), что в моей жизни дало мне спокойствие, уверенность и благо. Дало мне спокойствие, уверенность и благо признание того, что я не христианин, не русский, не дворянин, не член своего семейства, не Лев Николаевич Толстой, а работник божий, посланный в мир для исполнения в нём, в тот короткий срок жизни, который предназначен мне, дела пославшего меня. [49]

Я живу затем, чтобы исполнить волю того, кто послал меня в жизнь. Воля же его в том, чтобы я довёл свою душу до высшей степени совершенства в любви и этим самым содействовал установлению единения между людьми и всеми существами в мире. [50]

...Все гайки, винты, колёса, поршни большой машины сделаны не для них, а для служения общей цели машины. То же и с нами: мы орудия той высшей воли, которая через нас творит своё, нужное ей дело. Различие только в том, что мы сознаём себя живыми и можем, не признавая себя орудиями высшей воли, страдать от своего положения, и можем, сознавая себя нужными орудиями жизни, чувствовать радость участия в бесконечно великом деле, совершаемом жизнью мира. [51]

...Каждый может быть участником общего движения человечества более или менее ясным сознанием или благой целью и может быть противником этого движения. Каждому предстоит выбор: идти против воли бога, устраивая на песке разрушающийся дом своей скоропреходящей лживой жизни, или примкнуть к вечному, не умирающему движению истинной жизни по воле бога. [52]

Да, ты должен радоваться, не переставая должен радоваться тому, что ты можешь быть орудием Бога, т. е. орудием, органом вечного, бесконечного, благого существа, и можешь, не переставая никогда, ни в этой жизни, ни в какой бы то ни было другой, делать Его дело с Ним вместе и испытывать это счастье всегда, когда ты в чистоте, в смирении и любви отдаёшься Его воле. [53]

Только бы не унывать и помнить, что здешняя жизнь есть только малая частица вечной жизни, которая предназначена нам, и что жизнь может быть тяжела только тогда, когда мы хотим прожить её по своей воле; если же мы считаем, что дело жизни есть исполнение воли бога, то всякая жизнь становится не только лёгкой, но радостной. [54]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Бросил щепку в водоворот ручья и смотрю, как она крутится. Пароход – только побольше немного – такая же щепка, земля – пылинка, 1000 лет, минута – всё ничто, всё материальное ничто, одно реальное, несомненное, закон, по которому всё совершается, и малое, и большое – воля Божия. И потому, хочешь жить не мечтательно, а реально, живи в воле Божией. [55]

...Я готов на всё и буду делать (...) Твоё дело, как я делал его прежде бессознательно, теперь сознательно, и не только в этой жизни, но всегда, везде, и во время моей смерти, и после неё. Я от Тебя не уйду, и Ты от меня не уйдёшь, потому что я часть Тебя. И нет разделения между Тобою, и нет смерти... [56]

Лучшая жизнь та, когда (...) она сливается с вечной жизнью, и смерть уничтожается. В этом стремлении сущность жизни человека. Зачем это? Не знаю. Знает тот, кто владыко жизни, кто – сама жизнь. [57]

Не только избавление от бед, не только спокойствие даются слиянием своей воли с волей бога, но этим только путём получается познание бога и вера в бессмертие. [58]

– 4 –

Какая радость узнавать в себе Бога! А в этом, только в этом жизнь. Узнаёшь в себе свободное, разумное, любящее и потому блаженное существо. [59]

Человек может найти своё благо в слиянии своего сознания с волей Бога и вместе с тем, когда слияние это совершилось в нём, не может не чувствовать, что это его слияние действует не на него одного, но имеет, как Божество, бесконечное действие, чувствует себя Богом. (Вы Боги.) (...) Я хочу сказать, что человек, для себя соединивший свою волю с волей Бога, помогает этим всем существам мира. [60]

Всегда страшно поражает меня – внутренняя законная гордость всякого человека, уверенность его в своей правоте. В этом гордом сознании своей правоты есть законность. Человек, как существо, носящее в себе Бога, должен быть прав. Горе в том, что посланник великого Царя свои полномочия употребляет не на порученное ему дело, а на прихоти, забавы, пустяки личные.

(...)

...Он переносит права своей божественной природы на свою животную личность. [61]

Я дожил до того сознания, что я не живу, но живёт через меня Бог. Это звучит безумной гордостью, а между тем это, насколько это искренно чувствуется, есть самое настоящее смирение. Все мои гадости я не считаю собою, своей жизнью, я считаю своей жизнью только то, что в ней хорошо. Как ни мало этого, оно есть. И это малое не моё, а это Бог. [62]

Как я люблю так часто встречающееся в Евангелии слово «посланник»! Действительно, мы все посланники. И, как послы, мы должны дорожить своим достоинством. [63]

Помни, что ты посланник, представитель Бога – не унижай его. [64]

– 5 –

Не знаю, доживу ли до завтрашнего дня, будут ли жить или нынче-завтра, прежде меня, помрут все, кого я люблю и кто меня любит; не знаю, буду ли я здоров или болен, буду ли сыт или голоден, уважаем или осуждаем людьми. Знаю одно то, что всё, что будет со мною и со всеми, кого я люблю, будет по воле того, кто живёт во всём мире и в моей душе. А всё, что бывает по воле его, всё добро. И потому не буду думать о том, что будет со мною и со всеми теми, кого я люблю. Буду стараться только об одном: о том, чтобы быть всегда с ним, с тем, кого я в себе знаю любовью. [65]

Всё яснее и яснее сознаю последнее время, что жизнь не счастливая, а блаженная, как это верно подразделяет Фихте (Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) – немецкий философ), достигается только заменой своей воли волей бога, предоставлением ему жить через тебя. (...)

Только держите себя открытым и пустым для прохождения через вас бога, и вы перестанете быть недовольным собой... [66]

Помоги мне, Господи, уничтожить себя так, чтобы ты мог жить во мне, проходить через меня – чтоб я мог быть только твоим проявлением. [67]

То, что связано со мной, мои мысли, мои книги прошли через меня, и что в них дурное, то моё, а что есть хорошего, то не моё, а божие. [68]

...Надо как можно больше молчать. А если говорить, то только тогда, когда чувствуешь, что говорит в тебе он. [69]

Прислушиваться (...) к своему значению есть соблазн из соблазнов, величайший и вреднейший соблазн. Избави меня от него, Отец. [70]

Только бы помогал бог служить только ему – поступить солдатом без рассуждения в его войско. Тогда уже нечего оглядываться на успехи своего дела, тогда успех уже наверно обеспечен. И при таких условиях – как весело, бодро служить в всегда победоносном войске. [71]

Соедини свою волю с волей бога, и, что бы ни случилось с тобою, ты найдёшь то благо, какого желало твоё сердце. [72]

Если бы только люди поняли, что их счастье зависит только от них самих и если бы они творили волю своего благодетеля, они наслаждались бы таким счастьем, больше которого они не могут себе и представить. [73]

Живо вспомнил радостное состояние в детстве, когда знаешь, что любимые старшие тобой довольны. Как бы сделать так, чтобы испытывать то же чувство, вместо любимых старших, перед Богом... [74]

Всё трудно, когда живёшь и желаешь врозь с волей бога, и всё легко и радостно, когда соединяешься с волей бога и говоришь себе: хочу того самого, чего он хочет, хочу того самого положения, в которое он поставил меня. [75]

...Для того, чтобы иметь всё, что ему нужно, человеку надо прежде всего смириться и дать в своей душе простор Богу. [76]

Нет ничего сильнее смиренного человека, потому что смиренный человек, отказываясь от себя, соединяется с Богом. [77]

Чем больше слил человек свою волю с волей бога, тем твёрже человек в своих поступках. [78]

Человек, который поставит себе за правило делать то, что ему хочется, недолго будет хотеть делать то, что делает. [79]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то человек должен быть рабом. Выбор для него только в том, чьим: если своих страстей, то непременно и людей; если же своего духовного начала, то только бога.

Всякому лестно иметь высшего хозяина. [80]

Только отрешиться хорошенько от славы человеческой, установить твёрдые, всегда чувствуемые отношения с богом, с хозяином моей жизни, хорошенько, вполне отказаться от осуществления каких бы то ни было желаний, хорошенько проникнуться великим словом: (...) «человек ходит, бог водит», и не будет заботы о том, Закхей (Закхей – начальник мытарей (сборщик налогов), богатый человек, удостоившийся особого внимания от Иисуса Христа (Лук. 19:1-10)) я или Будда. Я – Толстой или Наживин (Иван Фёдорович Наживин (1874–1940) – русский писатель, адресат Толстого) – хочу только одного, истинно хочу делать его волю, а что выйдет из моего хотенья, это не моё дело. Всё это ясно, когда есть полная искренность. (...) Не представляйте себе никакого своего внешнего положения, а только как можно чаще, особенно при сношениях с людьми, от жены и до генерал-губернатора и нищего, вспоминайте, кто вы, что вы обязаны, не обязаны, а что вам истинно хорошо для вашего блага делать, и вы будете совершенно спокойны: может быть, вырежете своё мясо для тигрицы, а может быть, будете сажать яблони и есть яблоки в своём саду. [81]

Понимай жизнь как свою собственность, и вся жизнь – непрерывающаяся тревога, разочарование, горести, бедствия; понимай её как условие служения Хозяину, и вся она спокойствие, удовлетворение, радость и благо.

В каком бы месте, придя в сознание, я ни застал себя, это то самое место, куда меня назначил Хозяин. И какие бы ни были те силы, большие или малые, и духовные, и телесные, которые я чувствую в себе, эти силы суть те самые орудия, которые мне даны Хозяином для исполнения порученного дела, будь это локомотив или топор, или метла. Дело же, приказанное Хозяином, мы всегда узнаем, как только перестанем заботиться о своих, выдуманных нами, личных делах – дело одно: проявление любви, слияние со всеми. А это можно делать всегда, везде, при каких бы то ни было силах. [82]

Если я смотрю на свою жизнь как на свою собственность, данную мне для моего счастья, то никакие ухищрения и обманы не сделают того, чтобы я мог покойно жить в виду смерти. Только тогда можно быть совершенно равнодушным к телесной смерти, когда жизнь представляется только обязанностью – исполнению воли Отца. Тогда интерес жизни не в том, хорошо ли или дурно мне, а в том, хорошо ли я исполняю то, что мне велено... [83]

Счастье достигается попутно. Не надо искать своего счастья – плохо будет. Но надо хотеть исполнять волю того, кто меня послал, надо хотеть быть полезным. Устроить себе счастливую жизнь – этого я не понимаю. [84]

Вообрази себе, что цель жизни – твоё счастье, – и жизнь жестокая бессмыслица. [85]

...Будет легче, если мы сумеем забыть себя (личность) в работе Божьей, как мы забываемся в работах мирских. Тут только забыть себя надо на всю жизнь. [86]

Помоги мне, Господи, жить не по воле Льва Николаевича, а для Того, по воле кого живёт Лев Николаевич. [87]

...Ничего не желаю, ничего знать не хочу, кроме того, чтобы жить только перед ним, только чтобы исполнить то, чего Он хочет от меня, хотя я и не знаю и не могу, да и не хочу знать, зачем. [88]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Благодарю тебя, Господи, за то, что открыл мне то, что можно жить Тобою. И не
хочу, и не могу жить другой жизнью. [89]

У меня были времена, когда я чувствовал, что становился проводником воли Божьей...
Это были счастливейшие минуты моей жизни. [90]

Иллюзия личности. Я и не – я.

Тайна сознания

– 1 –

Человека иногда томит, радует живо сознавая им страшная противоположность между
чем-то бесконечно великим и всемогущим, которое он сознаёт в себе, и чем-то
узким и слабым, которое он чувствует в себе же. [1]

Человек вступает в жизнь с сознанием двух «я». (...) Первое подобно облакам,
скрывающим временами небо, второе – небу с своим солнцем, звёздами, которое
видно сквозь облака и позади, дальше которого мы уже ничего не можем видеть. [2]

Счастье есть удовлетворение требований существа человека, живущего от рождения и
до смерти только в этом мире; благо же есть удовлетворение требований вечной
сущности, живущей в человеке. [3]

Бессмертная душа не может удовлетвориться смертным, конечным делом; ей нужно
дело бесконечное и бессмертное, как она сама. [4]

Человеку только по недомыслию кажется, что он желает блага себе. Это только
кажется: желание блага – это голос живущего в человеке Бога, а Бог желает блага
всеми; человеку же кажется, что он только себе, своему телу желает блага. [5]

Нет меня, есть только то, что во мне. [6]

Жизнь индивидуальная, личная есть иллюзия, такой жизни нет, есть только функция,
орудие чего-то. [7]

Жизнь для себя – мука (...) потому, что хочешь жить для иллюзий, для того, чего
нет и что не может быть не только счастливо, но не может быть. Всё равно, как
одевать и кормить тень. [8]

Оттого нам жизнь представляется нелепостью, что мы принимаем иллюзию я за нечто
реальное. [9]

Заблуждение, в котором мы находимся, считая собой своё отдельное существо, то
же, в каком бы был путник, считая одну станцию всем путём, или человек один день
всею жизнью. [10]

...Признание собою своего отдельного, телесного существа тогда, когда пробудился в
человеке разум, есть заблуждение, подобное тому, в котором находилась бы
бабочка, выведшаяся из куколки, продолжая признавать собою свою куколку, от
которой она уже отделилась. [11]

Люди надевают на себя ярмо, не по ним сделанное, и впрягаются в воз не по их
силам. Ярмо не по себе и воз не по силам – это жизнь для блага своего тела или
для телесного блага других людей. [12]

Всё, что люди считают несчастьем, злом, происходит оттого, что человек считает
действительно существующей свою телесную личность (...), тогда как телесная

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то личность есть только пределы, в которых существует настоящее, действительно существующее, вечное всё. Это – обман вроде тех картинок, в которых фигура образуется из пустоты, ограниченной ветвями дерева. Человек может сознать собою то, что ограничено телом, и может сознать собою то всё, что в нём ограничено. В первом случае он – раб, бессилён и подвержен всяким бедствиям; во втором случае он свободен, всемогущ и не знает зла. [13]

...Спокойствие, твёрдость и радость жизни (...) предназначены человеку, если он не ищет того, что ему несвойственно. [14]

Совершенствование человека измеряется степенью его освобождения от личности. [15]

Жизнь человека как личности, стремящейся только к своему благу, среди бесконечного числа таких же личностей, уничтожающих друг друга и самих уничтожающихся, есть зло и бессмыслица, и жизнь истинная не может быть такою. [16]

Многим кажется, что если исключить из жизни личность и любовь к ней, то ничего не останется. Им кажется, что без личности нет жизни. Но это только кажется людям, которые не испытывали радости самоотвержения. Откинь от жизни личность, отрекись от неё, и останется то, что составляет сущность жизни – любовь и благо. [17]

Какая удивительная вещь – работа! Ведь мы думаем, что работаем, чтоб есть, чтоб одеться, чтоб услужить людям, чтоб похвалили; неправда: все мы работаем для того, чтобы уйти из себя в работу. И уходить из себя – счастье – благо. [18]

Говорят: то только настоящее бессмертие, при котором удержится моя личность. Да личность моя-то и есть то, что меня мучает, что мне более всего отвратительно в этом мире. Остаться навеки со своей личностью это действительно мучение Агасфера (Агасфер или Вечный жид – легендарный персонаж, по преданию обреченный скитаться из века в век по земле до Второго пришествия Христа). [19]

Если есть бессмертие, то оно только в безличности. Истинное Я есть божественная бессмертная сущность, которая смотрит в мир через ограниченные моей личностью пределы. И потому никак не могут остаться пределы, а только то, что находится в них: Божественная сущность души. Умирая, эта сущность уходит из личности и остаётся чем была и есть. Божеское начало опять проявится в личности, но это не будет уж та личность. [20]

Все наши горести и страдания – только от признания собою своего телесного я, которого нет и никогда не было. Есть только Начало всего – Бог, и я – Его проявление, и чем больше я сознаю это (а вся жизнь неудержимо ведёт к этому сознанию), тем жизнь моя становится мне понятнее и радостнее. [21]

Если бы человек из всех голосов, говорящих в его душе, мог бы безошибочно узнавать голос своего истинного, вечного я, он никогда бы не ошибался, не делал зла. Для этого-то и нужно знать самого себя. [22]

Когда люди говорят, что мысль, деятельность духовная вообще есть произведение деятельности мозговых клеток, потому что деятельность мысли всегда обусловлена деятельностью мозга, и деятельность эта прекращается, как скоро уничтожен мозг или часть его, они говорят то же, что говорил бы человек, утверждающий, что музыкальное творчество всегда обусловлено деятельностью фортепьяно или оркестра, и деятельность эта прекращается, как скоро уничтожено фортепьяно, оркестр или часть их.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то Те, которые говорят так, не знают истинно духовной (высшей) деятельности человека, которая не происходит от телесных условий, а пользуется телесными условиями, пока она связана с телесными условиями. [23]

Человеку кажется, что его животное – это самоё его существо, а духовная жизнь есть произведение этого животного, так же как человеку, плывущему на лодке, кажется, что он стоит, а бежит берег со всей землёю. [24]

Жизнь есть только сознание. То, что физиологи называют жизнью, есть только признаки, предшествующие, сопровождающие сознание и следующие за ним. [25]

Я – не только не я, плотский Иван, Пётр, от рождения и до смерти, но я по телу – только передаточное звено между моими предками и потомками; я, моё телесное я, – только мгновенная вспышка чего-то. Если есть во мне что-нибудь действительно существующее, то очевидно, что это не телесное я. [26]

Самое большое нравственное усилие и единственное, которое может сделать человек, это то, чтобы вспомнить, кто он. «кто Я». Стоит мне в самые дурные минуты вспомнить это, и всё уясняется, всё тяжёлое, неприятное уничтожается. Кто я? Я – духовное существо, то, которое есть прежде, чем был Авраам (Авраам – библейский персонаж, прародитель еврейского народа. Родился, по традиционной библейской хронологии, в 1812 году до н. э. (XIX век до н. э.), прожил 175 лет и умер в 1637 году до н. э. (XVII век до н. э.)). И для этого существа всё равно, что о нём думают, всё равно, теперь умереть или после... [27]

Испытываю совершенно новое состояние сознания, когда признаю себя не Львом Толстым, а проявлением духовного беспредельного, единого существа: равнодушие к мнению людей, к состоянию тела, даже к своей производительности; испытываю кроткое, любовное бесстрашие всемогущества. – Прекрасная русская пословица: «как перед Богом». Жить перед Богом. [28]

Как хорошо, нужно, пользительно при сознании всех появляющихся желаний спрашивать себя: чьё это желание: Толстого или моё. Толстой хочет осудить, думать недоброе об NN, а я не хочу. И если только я вспомнил это, вспомнил, что Толстой не я, то вопрос решается бесповоротно. Толстой боится болезни, осуждения и сотни и тысячи мелочей, которые так или иначе действуют на него. Только стоит спросить себя: а я что? И всё кончено, и Толстой молчит. Тебе, Толстому, хочется или не хочется того или этого – это твоё дело. Исполнить же то, чего ты хочешь, признать справедливость, законность твоих желаний, это – моё дело. И ты ведь знаешь, что ты и должен, и не можешь не слушаться меня, и что в послушании мне твоё благо.

(...)

я, я, только и есть я, а он, Толстой, мечта, и гадкая, и глупая. [29]

...Стал думать кое о чём тяжёлом, и вдруг мне ясно стало, что то, что тяжело, может быть тяжело для Толстого, но для меня нет и не может быть ничего тяжёлого, трудного, для меня, для моего настоящего Я, всё легко, всё благо.

...Это всё разрешает... (...) ...Спроси только у Него, у Я. Он бесповоротно решает, и решения его всегда таковы, что от исполнения их всегда хорошо, радостно. Радостное состояние это ясного раздвоения на два существа: одного жалкого, гадкого, подлого, и другого всемогущего, чистого, святого сделалось со мною (...). Если что представляется запутанным, трудным (...), стоит только ясно разделить эти два, живущие в одном, существа, и всё сейчас же станет легко и просто. [30]

Мне помогает одно: отделение, в (...) минуты упадка, своего истинного, вечного, духовного я от ложного, временного, животного. Я физически трясусь головой, чтоб разделить этих слипшихся я и не только не дать животному властвовать над духовным, но, напротив, покорить его под ноги. [31]

...То, что поддерживает в трудные минуты жизни – вера в жизнь вечную, крошечную часть которой составляет эта жизнь, важная только тем, чтобы в ней не изменить познанной нами воле божьей. [32]

Всё чаще и чаще наступают времена, когда ничего не хочется в этом мире для себя и когда совсем ясно видишь (чувствуешь), что ты не то сложное телесное существо со всеми своими воспоминаниями, привычками, страстями, а что ты та духовная сущность, которая заперта в этот со всех сторон окрашенный твоими наклонностями, привычками, страстями фонарь; и что ты не можешь ничего видеть, понимать иначе, как через этот фонарь, и что ты и фонарь – две вещи разные; и что скучно смотреть через этот, тобой же разрисованный, всё тот же фонарь и хочется смотреть в себя, или подняться выше и смотреть через окрашенные стенки туда, где нет преград и лишений. Хочется только помнить бога, быть с ним, и не хочется действовать.

(...)

Если нет энергии внешней деятельности, то есть большое, давно, да и никогда не испытанное прежде спокойствие, отсутствие осуждения и раздражения против людей.

Если не смотришь на мир через надоевшие свои рисунки стёкол, то больше занят разжиганием огня, света, который горит в фонаре. А то смотреть через стёкла на мир – это сновидения действительности, а смотреть на одни стёкла – это сновидения во сне.

Как бы хорошо было для всех, если бы все не думали о последствиях своих дел перед людьми в этом мире, а только о последствиях их перед богом в том. Как бы всем хорошо было. [33]

...Одно из главных, если не главное, сознание, из которого вытекают высшие нравственные состояния, это – сознание своей духовности, божественности, вследствие которой в той мере, в которой сознаешь её, нельзя ни хитрить, ни скрывать, ни бояться, ни – главное – нельзя не любить кого бы то ни было. – Как практическое правило я применяю его к себе так: как только чего-нибудь страшно, на что-нибудь досадуешь, чего-нибудь хочется, кого-нибудь не любишь, главное, чего-нибудь боишься, вспомни, кто ты, пойми, что ты – свободное всемогущее существо, и всё проходит. Становится ясно, что если чего боишься, желаешь и не можешь, то препятствие в тебе. И как только поймёшь это – сейчас свобода и всемогущество. Всякое неудовлетворение это – только сошествие с истинного пути: бьёшься о стены, прёшь туда, куда не надо. Опомнись, станешь на путь, и опять со всеми, со Всем, с Богом. – Хорошо. [34]

Если ты чего-нибудь желаешь, чего-нибудь боишься, то это значит, что ты не веруешь в того Бога любви, который есть в тебе. Если бы ты верил в него, то ничего не мог бы желать или бояться, потому что все желания того Бога, который живёт в тебе, всегда исполнятся, потому что Бог всемогущ, и ничего не боялся бы, потому что для Бога ничто не страшно. [35]

...Если бы мы были тем, чем мы хотим быть – христианами, исполняющими главный закон Его, отречения от себя, кто же бы сердился и раздражался в нас. Его нельзя в нас обидеть. Он сам стоял и постоит за себя. [36]

Сущность религиозного сознания в том, что человек перестаёт сознавать себя царём, купцом, отцом, мужем, а сознаёт себя той математической точкой в пространстве и времени, которая имеет смысл только в этой точке, в нематериальном сознании, цель, задача которой одна: исполнить то, что должно. [37]

Еду верхом в глуши и вижу в чаще какие-то созревшие ягоды. И подумал. Никто не увидит этих ягод, никому они не нужны, и им никто не нужен, а они неукоснительно, всю делают не своё дело, а то, какое им предназначено,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
исполняя волю Того «Я», которое в виде отдельного существа живёт в этом
растении. [38]

Сущность учения Христа в том, чтобы человек узнал, кто он, чтобы он, как птица, не пользующаяся своими крыльями, бедствующая по зиме, понял, что он не смертное животное, зависящее от условий мира, а как птица, понявшая, что у неё есть крылья и поверившая в них, понял бы, что он, сам он, никогда не рождался и не умирал, а всегда есть и проходит в этом мире только одну из бесчисленных форм жизни для исполнения воли того, кто послал его в эту жизнь. [39]

Если мы сравним свои телесные силы с вещественными силами мира, то мы – ничто. Но если мы посмотрим на свою душу, на своё духовное «я», в котором живёт дух Божий, то мы поймём, что мы не ничто, а то, выше чего мы ничего не можем себе представить. [40]

Как только ты видишь в себе материальное явление, так ты ничто, потому что ты часть бесконечной материи в бесконечном пространстве и времени. Для того, чтобы ты был что-нибудь, тебе надо быть чем-нибудь нематериальным: духовным существом. Но и духовное существо твоё ограничено и составляет как бы ничто в сравнении с ∞, бесконечностью разума, бесконечной любовью. Чтобы быть чем-нибудь, тебе надо быть орудием, органом Сущего, его дифференциалом. [41]

Сначала кажется, что я – материальное (я принимаю свои пределы за себя), потом кажется, что я – что-то духовное, т. е. что-то, как материалисты говорят, что-то из тонкой материи, отдельное. Потом сознаёшь, что ни материального, ни духовного нет, а есть только прохождение через пределы вечного, бесконечного, которое есть всё само в себе и ничто (Нирвана) в сравнении с личностью.

(...) Живя с сознанием телесности, человек – эгоист, борец за свои радости; живя с сознанием духовного существа, он – гордец, славолюбец; живя в сознании своего участия в Божестве, он делает то, чего хочет и что делает Бог – блага всем. [42]

Как огонь уничтожает свечу, так добро уничтожает личную жизнь.

Как тает воск от лица огня, так сознание личной жизни уничтожается участием в добре. [43]

Личность – моё «я» должно быть орудием служения. И это можно. Когда же употребляешь это орудие, то является вопрос, кто тот, кто употребляет его? Это тот, кто не есть орудие, кто не материален, кто вне пределов – Бог во мне. Только начни заниматься орудием: чистить, украшать, беречь его, и нет жизни, и подвержен всем мучениям. Только кто употребляет его, живёт и растёт.

(...)

Признание работника, работающего орудием, есть признание Бога. [44]

То, что делаешь для себя или для людей с определённой целью, всегда слабо, и результаты гадательны. То же, что делаешь для души без видимой желательной цели, всегда непреодолимо могущественно и ведёт прямо к своей цели, потому что то, что ты делаешь для души, делаешь уже не ты, а дух, живущий в тебе. [45]

Человек, отрекающийся от своей личности, могуществен, потому что личность скрывала в нём бога. Как скоро он откинул личность, действует в нём уже не он, а бог. [46]

Понять иллюзию своего «я» и вечность я – одно и то же. [47]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Стоит вспомнить о себе в середине речи – и теряешь нить своей мысли. Только
когда мы совершенно забываемся, выходим из себя, только тогда мы плодотворно
общаемся с другими и можем служить им и влиять на них. [48]

я убеждён, что в человека вложена бесконечная не только моральная, но даже
физическая бесконечная сила, но вместе с тем на эту силу положен ужасный тормоз
– любовь к себе или, скорее, память о себе, которая производит бессилие. Но как
только человек вырвется из этого тормоза, он получает всемогущество. [49]

Когда мы узнаем новую мысль и признаем её верною, нам кажется, что мы уже давно
знали её и теперь только вспомнили то, что знали. Всякая истина уже лежит в душе
всякого человека. Только не заглашай её ложью, и рано или поздно она откроется
тебе. [50]

Я делаю то, что есть. Это значит то, что жизнь, не только моя вся от рождения до
смерти, т. е. я, какой я стал во всю жизнь, но и жизнь всего мира, всё это есть,
но мне не видно по моей ограниченности; это открывается мне по мере моего
движения в жизни. Это есть, а я делаю это. В этом жизнь.

(...) Жизнь моя открывает мне меня самого. В этом открытии себя и есть жизнь. [51]

На известной степени углубления в себя человек сознаёт в себе нечто
сверхчеловеческое. [52]

Душа человеческая однородна с божеством. [53]

Весь смысл и вся радость жизни заключается во всё большем и большем сознании
божественности своей природы. [54]

Человек может перенести своё я из области подчинённой, непостоянной и
бедственной в то, что свободно, неизменно и радостно: в сознание своей духовной,
божественной сущности. [55]

Материальный мир подлежит закону борьбы за существование, ему подлежим и мы, как
материальные существа. Но, кроме нашего материального существования, мы сознаём
в себе ещё и другое, не только независимое от закона борьбы начало, но
противоположное ему начало любви. Проявление в нас этого начала есть то, что мы
называем свободой воли. [56]

Если перенёс своё я в духовное существо своё, то почувствуешь такую же боль,
нарушая любовь, как чувствуешь боль физическую, когда нарушаешь благо тела. [57]

Величайший акт жизни это сознание своего я, и последствия его благодетельнейшие
или ужаснейшие, смотря по тому, на что – на тело или дух будет направлено это
сознание. [58]

– 2 –

Высшее религиозное состояние есть духовный эгоизм. Всё – для себя, истинного
себя – Бога в себе. [59]

Себялюбие – или великое заблуждение и источник зла, или великая истина и
источник блага. Оно источник зла, когда относится к личности, и источник блага,
когда относится к тому духовному началу, проявление которого составляет жизнь
человека. [60]

Заблуждение всех нас, не воспитанных религиозно людей, одно и то же: сначала

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то жизнь для себя, для своих похотей, своего тела, потом, как поправка к этому, жизнь для блага (опять телесного блага) людей, и потом обращение к внешнему (вне себя) богу, и опять неудовлетворение и разочарование. А между тем теперь мне дело жизни представляется столь очевидным, простым, что удивляешься (теперь), как мог так долго ходить около, не видя его. Жить – значит: желая блага, двигаться вперёд куда-то (невольное представление времени). Сначала естественно блага этого (дети) желать себе, своему телу и вытекающим из него похотям, потом, когда видишь тщету, неудовлетворённость и неизбежность конца – смерть, ищешь спасения в расширении предмета, которому желаешь блага (любовь подсказывает), и является служение людям. Потом ясно, что если земное счастье одного Льва Николаевича гроша не стоит, то так же мало стоит счастье миллиардов Львов Николаевичей, и тогда пробуешь, нельзя ли любить того, кто источник, начало всех этих существ. Но любить того, кого не знаешь и к кому не чувствуешь влечения, нельзя. И выходит, что жить незачем, а надо доживать, пока живётся. А между прочим, как просто. На первой же ступени, когда понял, что любить своё тело и улучшать его, и удовлетворять его желания – тщетно и глупо, надо было не бросать себя, а только понять себя, – кто настоящее я. И, поняв это, перенести всю ту любовь, какую испытывал к телесному я, на это – духовное, и весь труд, все усилия, которые клал на улучшение этого я и на удовлетворение его желаний, положить на улучшение духовного я – освобождения его от всего скрывающего его, на удовлетворение его желаний, и вместо разочарования получается всё большее и большее очарование, и не очарование, а спокойствие, твёрдость и радость. [61]

Самоотречение не есть отречение от себя, а только перенесение своего я из животного существа в духовное. [62]

Самоотречение! Разве можно отречься от себя, когда я – только я. Самоотречение есть отречение от того, что я ошибочно считаю собою. – Самоотречение есть только признание своей божественности, вечности. [63]

...Забота о себе, всё внимание, направленное на себя, очень дурное, ужасное состояние, когда я, на которое направлены забота и внимание, – я телесное со своими чувственными и умственными радостями. Но совсем не то, когда вся забота, всё внимание направлены на я духовное, на я общее всему живому, когда вся забота и внимание направлены на то, чтобы совершенствовать это я, т. е. расширить его, слиться им с Богом и со всем живущим. [64]

Есть одно средство любить Бога: оно состоит в том, чтобы любить себя, своё божественное «я», так же, как мы любим своё телесное «я», т. е. жить для этого «я», руководиться в жизни его требованиями и потому ничем не огорчаться, ничего не бояться и всё считать для себя (этого «я») возможным. [65]

Любовь к своему плотскому «я» есть извращение любви к богу.

любить в себе того, кто один во всех, значит любить бога. [66]

Чем разумнее и добрее человек, тем больше он узнаёт себя в другом. [67]

...Разумное существо не вмещается в жизни личности, и как скоро оно разумно, так стремится выйти из неё... [68]

Подходят к двери шаги. Я спрашиваю: Кто там? Отвечают: Я. – Кто я? – Да я, – с удивлением, что можно об этом спрашивать. Это мальчик крестьянский. Он знает, что на свете есть только его я. То я, которое во всём. Я же спрашиваю о том окошке, через которое смотрит я. [69]

Дети мудрей людей мира. Ребёнок чувствует, что в каждом человеке живёт то, что и в нём, и ценит не звание людей, а то единое, что живёт в каждом человеке. [70]

Если человек хочет отличиться от других богатством, почётом, чинами, то сколько бы он ни возвеличивался, ему никогда не будет довольно, и он никогда не будет спокоен и радостен. Пойми он, что в нём живёт то, что живёт во всех людях, – и все люди станут ему братья, и он будет спокоен и радостен в своём положении, потому что будет понимать, что в нём есть то, что выше всего на свете. [71]

Для того, чтобы отношения с людьми были всегда радостные, надо, когда сходишься с людьми, помнить, что нужно и важно не то, что мне нужно, не то, что нужно тому человеку, с которым вступаю в отношения, а то, что от нас обоих нужно тому Богу, который живёт в нас обоих. [72]

Смирение нужно не только для жизни, но нужно и для смерти. Надо сделаться малым перед людьми, перед собою, чтобы войти в дом бога. Отрекись от себя, и ты сольёшься с ним. Чем больше отречения, тем ближе к нему, тем легче смерть. [73]

Человек, совершенствующийся в смирении, подобен человеку, выходящему из подземелья. Чем выше он поднимается, тем больше света вокруг него. [74]

Самоуверенность – свойство животного; смирение – человека. [75]

Всё хорошее, что я делаю или говорю, не из меня исходит, а только проходит через меня. Делает и говорит через меня высшая сила. А я воображаю, что так как через меня проходит хорошее, то это значит, что я хорош. [76]

Всякая истина имеет своим началом бога. Когда она проявляется в человеке, то это не показывает того, чтобы она исходила из человека, но только то, что человек имеет свойство такой прозрачности, что может проявлять её. [77]

Сила та, которой мы побеждаем (...), не наша, а сила отца, и чем больше мы себя устраним, тем действительнее эта сила. [78]

Какое заблуждение и какое обычное: думать и говорить: я живу. Не я живу, а Бог живёт во мне. А я только прохожу через жизнь или, скорее, появляюсь в одном отличном от других виде. [79]

Хорошо напоминать себе и друг другу, что как леса только затем, чтобы можно было построить здание, так и тело наше только затем, чтобы выросла жизнь духовная. [80]

– 3 –

Животная личность, в которой застаёт себя человек и которую он призван подчинять своему разумному сознанию, есть не преграда, но средство, которым он достигает цели своего блага: животная личность для человека есть то орудие, которым он работает. Животная личность для человека – это лопата, которая дана разумному существу для того, чтобы ею копать... [81]

Нельзя и не нужно отречься от личности, как и от всех тех условий, в которых существует человек, но можно и должно не признавать эти условия самой жизнью. Можно и должно пользоваться данными условиями жизни, но нельзя и не должно смотреть на эти условия как на цель жизни. Не отречься от личности, а отречься от блага личности и перестать признавать личность жизнью: вот что должно сделать человеку для того, чтобы возвратиться к единству и для того, чтобы то благо, стремление к которому составляет его жизнь, было доступно ему. [82]

..Личность есть орудие совершенствования души. Только через личность и работу ею может душа совершенствоваться и приближаться к Богу. И только через мир может

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то душа общаться с другими душами и, соединяясь с ними, подвигать их и самой подвигаться к совершенству. [83]

Я чувствую себя вечным, одним истинно существующим. И я же, когда сужу о себе, вижу себя ничем, бесконечно малой частицей чего-то бесконечно великого. Что же правда: первое или второе? Если второе, то сознание своего первого, вечного «я» – обман. Но этого не может быть, потому что без этого обмана (первого «я») нет жизни, нет ничего, нет, главное, и второго «я».

Если же правда – первое, то второе: вся телесная жизнь есть обман. Но этого тоже не может быть, потому что без телесной жизни я не мог бы делать этих рассуждений. И потому есть и то, и другое: я – духовное, непространственное, невременное существо в телесных, пространственных и временных условиях. [84]

Если бы было одно тело без требований духа, не было бы сознания тела, не было бы его, а если бы был один дух, то точно так же не было бы сознания его, не было бы духа. [85]

Иногда возникает глупый вопрос: зачем всё это? А между тем, если бы я знал, зачем всё это, всего этого не было бы. [86]

Тело – проявление духа. Движение и тело суть необходимые условия сознания. Без тела и движения не могло бы быть сознания. Без сознания не было бы ни тела, ни движения, пространства и времени тоже. [87]

Мы не имеем никакого права говорить о духе и о теле отдельно. Мы не знаем и не можем знать ни того, ни другого в разделении, но мы не можем понимать нашу жизнь без этого разделения, так как знаем, что вся наша жизнь есть непрерывающее уничтожение тела и уяснение духа. [88]

Наше постоянное стремление к будущему не есть ли признак того, что жизнь есть расширение сознания. Да, жизнь есть расширение сознания.

(...)

Для того, чтобы могло быть расширение сознания (благо), нужно, чтоб оно было ограничено. Оно и ограничено пространством и временем. [89]

Сознание есть условие отделённости, неполноты, ограниченности. То, что ограничено в человеке, само в себе, не ограниченное, не нуждается в сознании. [90]

Источник того, что мы называем сознанием, есть противоречие требований нашего духа с требованиями тела – сознание нашего несовершенства. У совершенного существа не может быть сознания. [91]

Основа всякому рассуждению о мире, о Боге одна: сознание человеком своего единства с началом всего, своей божественности, и вместе с тем сознание своей отделённости, своей ничтожности. «Я царь, я Бог, я раб, я червь». (...) ...Я – и всё, и ничто. В соединении этих двух есть то, что мы называем и сознаём жизнью. Я – всё, я един, и я отделён. [92]

Человек – всё и ничто, а он думает, что он – что-то. В этом вся ошибка – грех. От этого суеверие личности. [93]

По мере старения всё менее и менее чувствуешь реальность людей. В детстве все люди, которых я знал, были, казалось, неизменны, такие, какие были, но по мере

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то движения жизни они всё более и более изменяющиеся духовные проявления. И теперь для меня маленькая Танечка (внучка Толстого) есть уже не определённое существо, а изменяющаяся форма проявления духа. [94]

Хорошо бы всегда помнить, что жизнь, плотская жизнь отдельного существа не есть состояние, а есть непрерывное движение. Жизнь есть состояние только для сознания духа того самого, по отношению которого жизнь телесная есть постоянное движение. [95]

Я был уже многим. И всё, чем я был, всё это во мне, всё это моё я. И жизнь моя здесь и после смерти будет только приобретением нового содержания моего я. И как бы я ни увеличивался, я никогда не перестану быть ограниченным, ничтожным, потому что всё бесконечно. [96]

Я есмь вне причины, вне времени и вне вещества, и вне пространства. То, что моё я представляется мне во времени в зависимости от причины и в пространстве, связанным с веществом, происходит оттого, что я живу, то есть постепенно всё больше и больше открываюсь сам себе как невещественное, внепространственное (вездешное), беспричинное, вневременное (вечное) Я. Не будь этого Я или не будь того, что скрывает его, не могло бы быть того, что мы называем жизнью.

Жизнь есть проявление невещественного вечного во временном и вещественном. [97]

Жить этой временной, отдельной жизнью по закону вечной, всеобщей. [98]

Разница от Всего во мне та, что я *im werden* (совершающийся (нем.)), что я делаюсь. А делаться можно только в пространстве и времени (...). При делании человек не всё и свободен.

(...)

Я делаюсь, но то, что делается – есть одно, есть без пространства и времени. Оно есть Я. И оно творит жизнь. Если представлять себе Бога, то Он разъединён на бесчисленные существа и остался один, и живёт во мне и в ∞ существ. [99]

Вся загадка, вся трудность, весь узел определения жизни в том, что жизнь есть сознание только настоящего мгновения, и вместе с тем моя жизнь есть жизнь всего мира и в пространстве, и во времени... [100]

Движение во времени и вещество в пространстве ограничивают дух – жизнь – Бога в человеке, но они же – движение во времени и вещество в пространстве – дают возможность в своей ограниченности быть свободным СВОБОДНЫМ. [101]

Сознание ограничено пространством и временем, но независимо от них. Оно искра божия. [102]

– 4 –

В сознании своего я есть нечто основное, без чего ничего существовать не может. Я могу допустить, что уничтожится тот мир, который я знаю, но не могу допустить своего уничтожения. [103]

Сознание есть во всяком случае причина и вещества, и движения. [104]

Мы удивляемся на величину зданий, гор, небесных тел, высчитываем в них миллионы кубических футов, пудов, а все эти, кажущиеся столь великими, вещи – ничто в сравнении с тем, что знает про всё это. Самое могущественное в мире то, что не видно, не слышно и чего нельзя ощупать. [105]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Нельзя нарочно заснуть, но можно нарочно проснуться. Нельзя нарочно полюбить что-либо – увлечься, но можно удержаться от увлечения. Главное, нельзя заснуть. Что это значит? А то, что жизнь неистребимая, одна реальная, есть только та, которая открывается в сознании, всё же остальное есть только то, что скрывает эту жизнь.

(...) Жизнь есть только то, что открывается в сознании, посредством сознания. И эта жизнь невременна и непространственна.

(...) Наше заблуждение в том, что мы то, что скрывает жизнь, принимаем за жизнь. [106]

Главная, основная мысль моя та, что жизнь – только в сознании. Без сознания мы не имеем права говорить о жизни. [107]

Всё живое имеет сознание. [108]

..Мир наверное не такой, каким мы его познаём: буду другие орудия познания, и будет другой мир. Но как бы ни изменилось то, что мы считаем миром, наше отношение к миру, одно несомненно, такое, каким мы познаём его и всегда неизменное: это то, что познаёт; и познаёт не только во мне, но и во всём, что познаёт. Это познающее одно везде и во всём, и в самом себе. Это Бог и та почему-то ограниченная частица Бога, которая составляет наше действительное я. [109]

Я шёл дорогой и думал, глядя на лес, на землю, на траву, какое смешное заблуждение: думать, что мир такой, каким он представляется мне. Думать, что мир такой, каким он представляется мне, значит: думать, что не может быть другого познающего существа, кроме меня с моими 6-ю чувствами. Я остановился и записывал это. Подошёл Сергей Иванович. Я сказал ему, что я думал. Он сказал: да, одно верно, что мир не такой, каким мы его видим, и мы ничего не знаем так, как оно есть. Я сказал: нет, мы знаем нечто именно таким, какое оно есть. «Что же?» – То, что познаёт. Оно именно такое, каким мы его знаем. [110]

..Всё то, что вещественно в этом мире, не может быть вполне известно нам. Вполне известно нам только то, что духовно в нас самих, то, что наверное везде, всегда одно и то же для всех существ. [111]

Сознание, т. е. взгляд на себя. (Есть кто-то, кто может видеть меня.) Подняться на ту высоту, с которой видишь себя, как постороннего – очень полезно, нужно. Это высший акт человеческой души. Удивительное дело, сознание сразу останавливает всякую деятельность, но только на время. Надо посредством сознания остановиться, а потом уже продолжать деятельность пропущенную сквозь сознание. [112]

Временное отрешение от всего мирского и созерцание в самом себе своей духовной сущности есть такое же необходимое для жизни питание души, как пища для тела. [113]

Если есть движение, – а мы сознаём движение жизни, – то движение может быть только относительно чего-нибудь неподвижного. Это-то неподвижное и есть то духовное я, которое созерцает движущуюся жизнь. [114]

Наше сознание есть нечто неизменное, невременное и внепространственное. Оно стоит, явления же временные и пространственные проходят через него, а человеку кажется, что он с своим сознанием движется в пространстве и времени. [115]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Личность есть только воспоминание о прошедшем и желания в будущем. Как только
нет ни того, ни другого, нет времени – жизнь в безвременном моменте настоящего –
нет личности, а есть только основа жизни – любовь, Бог. Так это было бы, если бы
человек мог вполне отрешиться от воспоминаний и желаний; в жизни же возможно
только приближение: чем меньше воспоминаний и желаний, т. е. чем больше
уничтожена, ослаблена личность, тем больше проявляется в жизни любовь – Бог, тем
больше живёшь вне времени и сознаёшь, что движешься не ты, а мир для того, чтобы
ты мог познавать его. [116]

Да, сначала кажется, что мир движется во времени, и я иду вместе с ним, но чем
дальше живёшь и чем больше духовной жизнью, тем яснее становится, что мир
движется, а ты стоишь. Иногда ясно сознаёшь, иногда опять впадаешь в
заблуждение, что ты движешься со временем. Когда же понимаешь свою неподвижность
– независимость от времени, понимаешь и то, что не только мир движется, а ты
стоишь, но с миром вместе движется твоё тело: ты седеешь, беззубеешь, слабеешь,
болеешь, но это всё делается с твоим телом, с тем, что не ты. А ты всё тот же –
один и тот же всегда: 8-летний и 82-летний. И чем больше сознаёшь это, тем
больше сама собой переносится жизнь вне себя, в души других людей. Но не это
одно убеждает тебя в твоей неподвижности, независимости от времени – есть более
твёрдое сознание того, что я, то, что составляет моё я независимо от времени,
одно, всегда одно и несомненно есть: это сознание своего единства со Всем, с
БОГОМ.

Хорошо, я неподвижно, но оно освобождается, т. е. совершается процесс
освобождения, а процесс непременно совершается во времени. Да, то снятие
покровов, которое составляет освобождение, совершается во времени, но я всё-таки
неподвижно. Освобождение сознания совершается во времени: было больше, стало
меньше, или было меньше – стало больше сознания. Но само сознание одно –
неподвижно, оно одно есть. [117]

...Нам кажется, что по небу бежит луна промеж туч. Бежит же туча, а луна стоит. То
же и с духовным существом, которое мы сознаём. Оно неподвижно и всегда равно
само себе; изменяется только его область, сознаваемая нами. [118]

Истинная жизнь есть сознание себя, она же есть нравственная жизнь. Я сознаю
себя. Кто же этот я, который сознаёт себя? Это – божественное, вечное, всемирное
начало, которому я могу быть причастным. Свобода воли только в том, что мы можем
переходить из низшего сознания в высшее. [119]

Жизнь есть сознание. Сознаний два: одно – низшее сознание: сознание своей
отделённости от Всего; и высшее сознание: сознание своей причастности ко Всему,
сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание
всемирности. Первое сознание – своей отделённости – я называю низшим потому, что
оно сознаётся высшим духовным сознанием (я могу понять, сознать себя
отделённым). Второе же сознание – духовное – я не могу сознать. Я сознаю только,
что я сознаю, и сознаю, что я сознаю, что я сознаю, что сознаю, и так до бесконечности. Первое
сознание (низшее) даёт, вследствие своей отделённости, понятие телесности,
материи (и движения, и потому пространства и времени); второе же сознание не
знает ни телесности, ни движения, ни пространства, ни времени, ничем не
ограничено и всегда равно само себе. Вся задача жизни состоит в перенесении
своего я из отделённого в всемирное, духовное сознание.

Это-то перенесение своего я из отделённого в нераздельное, всемирное и есть то,
что нам представляется жизнью. [120]

Я сознаю тело, сознаю душу, но не сознаю того, что сознаёт и то, и другое. А
это-то и есть то божественное, духовное начало, которое живёт во мне. Для того,
чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить о способности каждого человека
судить о своём душевном состоянии, рассматривать его как нечто внешнее. Всякий
человек, рассматривая себя, сознаёт то, что он сейчас раздражён или умилен, но
не может сознать этого сознания, не может рассматривать это сознание как нечто
внешнее. Я могу сказать, что сознаю, что я сознаю (и даже что сознаю, что
сознаю, что сознаю), но это сознание не будет иметь никакого содержания, а будет

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то только всё то же сознание высшего предела своей духовности. [121]

Удивительная слепота материалистов. У меня есть чувство – пять: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Хорошо. Весь мир обусловлен этим, общим всем людям и общим всем существам основным чувством осязания. Хорошо. Я, человек, испытываю чувство зрения, слуха... но это не всё: я могу спросить себя, что я испытываю сейчас зрением, или слухом, или осязанием, или обонянием, или вкусом? И испытывать самое чувство и сознание этого чувства, т. е. могу перенести своё сознание на то или другое чувство. Мало того: я думаю, я могу спросить себя: о чём я думаю? Что же это то, что сознаёт и спрашивает? Это не чувство и не мысль – это сознание жизни. Но могу ли я спросить себя, что такое это сознание? и сознать сознание? Нет. Стало быть, это главная основа того, что мы называем жизнью. А что это такое? То, что мы называем жизнью и которое, хотя и связано с тем, что представляется нам телом, никак уж не может быть объяснено телесно. [122]

Был очень не в духе 3-го дня и знал это, и держался, и не верил себе. Кто же этот тот, кто не верил и удерживал другого? Если бы не было другого доказательства духовности человека, это было бы достаточным доказательством. [123]

Когда меня мучила моя слабость, я искал средств спасения, и одно такое я нашёл в мысли о том, что нет ничего стоячего, что всё течёт, изменяется, что всё это пока и надо только потерпеть... [124]

Сознание есть сличение, сравнение своего «я» телесного, своей личности, с «я» божественным, духовным, всеобщим, которое во мне же. Поэтому сознание – основа всякой нравственности.

Есть люди, лишённые или почти лишённые этого свойства – сознания. У этих людей часто рядом с огромным знанием, утончённостью – нет нравственных требований (...).

(...)

Да, сознание есть признание в себе Бога и суждение Бога во мне о своей личности и о всём открывающемся мне с точки зрения личности. [125]

Ich fühle mich (я чувствую себя (нем.)). Кто этот я и кто тот себя, которого он чувствует? Очевидно, что истинный я – духовное существо чувствует своё воображаемое я, свои пределы, как человек видит своё отражение, свою тень. [126]

Жизнь не в теле и не в душе, а в духе, в том духе, который живёт во всём. Только этот дух сознаёт и тело, и душу. Его же, того, кто сознаёт, ничто не сознаёт. [127]

Божественное я есть то я, которое сознаёт себя. Рука, нога, нос, живот, мозг не сознают себя. Не сознаёт себя и соединение всего, как оно в мёртвом теле. Сознаёт себя нечто неопределимое, свободное, всемогущее в своей духовной области. [128]

Мысль кажется свободною, но в человеке есть нечто могущественнее её, могущее управлять ею. [129]

Всему есть причина, только не сознанию: я сознаю потому, что сознаю. [130]

Сознание есть созерцание созерцателя. Созерцатель в зависимости, созерцание свободно. [131]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Сознание есть воспоминание без содержания. [132]

Человек уходит из времени, когда сознаёт своё сознание. [133]

Человек есть всё, но во времени; Бог есть всё вне времени. [134]

Я – неполное сознание Всего. [135]

Тайна в том, что я каждую минуту другой и всё тот же.

То, что я всё тот же, делает моё сознание; то, что я всякую минуту другой, делает пространство и время. [136]

..Сознание жизни во времени и пространстве есть не полное сознание жизни, а только приближение, приготовление к нему. Настоящая жизнь начинается только тогда, когда человек сознаёт своё духовное, внепространственное и вневременное начало. Только тогда жизнь получает настоящее значение...

(...) Так что люди знают две жизни и приписывают два различных значения слову «жизнь». Одно значение есть понятие движущейся, отделённой от всего остального материи, признаваемой человеком собой, и второе – неподвижное, всегда равное себе, духовное существо, которое человек признаёт собою.

(...) Понятия эти кажутся различными, но, в сущности, тут не два, а только одно понятие: понятие сознания себя духовным существом, заключённым в пределы. Признание жизнью пространственное и временное существование отделённого существа есть только недодуманность. Сознание себя отделённым от Всего существом возможно только для духовного существа. Духовное же существо не может быть ни пространственно, ни временно. И потому признание всею жизнью материальное временное существование человека есть только ошибка мысли, – есть признание части за целое, – последствия за причину, есть такая же ошибка мысли, как признание силою, движущую колесом мельницы, падающую струю воды, а не реку. [137]

Мы знаем жизнь только как нечто отделённое от всего мира. Как отделённые от всего существа мы не можем мыслить иначе, как в пространстве и времени. Но пространственные и временные соображения нужны нам только для руководства нашего отдельного существа в этом мире. Для познания же своего истинного «я» пространственные и временные соображения не только не помогают, но служат главным препятствием к пониманию, потому что, рассуждая об этом «я» в условиях пространства и времени, они неизбежно приводят к бесконечности – малой или большой, при которой уже всё становится непонятным. [138]

Стоит человеку взглянуть на себя как на телесное только существо, и он становится неразгадываемой загадкой, нераспутываемым противоречием. [139]

Жизнь ограниченного сознания: наша жизнь и жизнь всех отдельных существ сознаётся нами движением и материей во времени и пространстве. Для жизни же неограниченного сознания нет ни времени, ни пространства, ни движения, ни материи. Такая жизнь непонятна нам; но она есть. Одна она есть. Наша же жизнь и всех отдельных существ есть только проявление её. – Такая неограниченная жизнь невыразима словом, непонятна рассудку, но мы знаем её; знаем потому, что она есть мы, и мы – это она. Мы знаем её помимо рассудка, соединяемся с ней вне области рассудка. Для рассудка мы можем объяснить себе существование такой неограниченной жизни тем, что она соединяет в одно всё существующее так же, как мы воспоминанием соединяем в одно всю свою прошедшую жизнь и воображением соединяем в одно жизнь других существ. Мы соединяем так только ограниченное число событий и существ, Бог же соединяет в себе всё. [140]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Как соединить то, что разделено временем?

Мы соединяем это сознанием в себе. Я – то, что был 70 и 65, и 60..... лет тому назад. – Я всё это вместе. Для высшего существа не только я разных времён одно существо, но одно существо я и мои дети, и мои предки. [141]

Удивительно, как мы привыкли к иллюзии своей особенности, отделённости от мира. Мы видим, чувствуем – жизнь заставляет нас всякую минуту чувствовать нашу связь и зависимость от мира, чувствовать свою нецельность, и мы всё-таки верим, что мы, наше я – что-то такое, во имя чего можно жить. А между тем, когда ясно поймёшь эту иллюзию, то удивляешься, как можешь не видеть того, что ты – не часть целого, – а временное и пространственное проявление чего-то невременного и непространственного. [142]

...Деятельность мысли, духовное начало, само по себе безвременно, но только проявляется во времени, когда оно проявляется в телесной жизни, оно всегда было, есть и будет одно и то же, но только раскрывается чем-то таким, что мы называем телом. Всё большее и большее раскрытие этого духовного начала в том, что мы называем телом, и есть наша жизнь. Духовное начало это безвременно и неподвижно: движутся только телесные, вещественные условия, которые более или менее скрывают неподвижное, безвременное, невещественное, внепространственное «я». (...)

...Телесные мирские условия в моём теле и вне его исчезают перед всё большим и большим раскрытием моего духовного «я». Вот это-то освобождение духовного начала от телесных условий, совершающееся в жизни человека, проявляется в нас работой мысли. И эта работа мысли освобождает от затемнения иллюзией тела. Телом человек не может быть свободен. Духом же не может быть несвободен. Работа мысли есть сознание своей духовной свободы. И это сознание побеждает тело. [143]

...Жизнь изменяется и направляется вследствие изменения сознания. [144]

Мне вполне ясно, близко стало то, что жизнь есть просветление, снятие покровов с сущего. [145]

Жизнь есть сознание своего единства с Богом. [146]

Помоги, Отец. Приди и вселися в меня. Ты уже вселён, Ты уже я. Моё дело только сознать Тебя. [147]

Есть одно вневременное существо, которое и есть моё «я». Оно более или менее затемняется, как солнце тучами и атмосферой, моей ограниченностью, но оно всегда едино и неременно. [148]

Нравственная деятельность всегда независима от пользы, т. е. находится вне времени и пространства. Это есть то расширение пределов, в котором заключается истинная, не временная и не пространственная жизнь. [149]

...Совершенствоваться не значит готовиться к будущей жизни (...), а совершенствоваться значит приближаться к той основе жизни, для которой нет времени, а потому и нет смерти, т. е. всё более и более переносить своё я из жизни телесной в жизнь духовную. [150]

...Моё я началось не в утробе матери и не по выходе из неё, когда отрезали пуповину, и не тогда, когда отняли от груди, и не тогда, когда я начал говорить. Я знаю, что это я началось когда-то, и вместе с тем я знаю, что это я всегда было. Так что я во времени не могу найти своего настоящего я, буду ли я искать его совсем близко или бесконечно далеко. Я как будто никогда не появлялся, а всегда был и есть, и только забыл свою прежнюю жизнь. [151]

Человек сознаёт свою жизнь как нечто такое, что всегда есть и всегда было, и даже не всегда, потому что «всегда» указывает на время, а что есть и есть, и одно только и есть. Тело моё дано из утробы матери, но я совсем другой, я есмь. [152]

Если спросишь людей, тебе скажут, когда, в каком году ты родился и сколько тебе лет. Но сам про себя ты не можешь сказать, когда ты начался: ты знаешь про себя, что ты всегда был; что если бы тебя не было, ничего бы не было. [153]

Если человек считает собой своё животное существо, то и Бога он будет себе представлять телесным, властвующим над миром. [154]

Величайшее знание есть знание самого себя: кто себя познаёт, тот познаёт и бога. [155]

Я, существо духовное, следовательно, неограниченное, будучи отделённым от Всего, стремлюсь разорвать отделяющие меня от Всего пределы. От этого движение.

(...) Всякое движение есть стремление расширить своё я, захватить в себя другие существа, сделать другие существа собою... [156]

Основа жизни – сознание своего существования не того, каким я себя застаю, а того, что я есмь, что только одно это я действительно есть. Всё остальное кажется. Только такое же я в других существах сознаётся мною существующим тогда, когда я освобождаю своё я от того, что заслоняет его, – и я сознаю, через любовь, других людей собою. [157]

Я пришёл откуда-то и уйду куда-то. Есть требования этой временной, промежуточной жизни, и требования той, из которой я ушёл и в которую уйду – всей жизни. Надо жить для всей – по её требованиям и законам. [158]

Человек, изменяющееся отдельное существо, стремится к неизменности и цельности. И то, и другое достигается любовью. Чем больше любви, тем меньше изменения и тем более расширяется область жизни, т. е. приближается человек к цельности. [159]

..Отделённое существо рвётся из своих пределов, как сжатый газ; и в том жизнь, что оно, сознавая свою духовность, своё единство со Всем, стремится соединиться с ним. В этом стремлении, усилении сознания, в этом трепетании божеской жизни. Всякое существо, живя – добреет, т. е. сознаёт всё больше и больше своё единство с другими существами, с миром, со Всем. [160]

Я хочу жить Богом, а не своим телесным я, Львом Толстым. Что это значит? То, что я хочу сознание Льва Толстого заменить сознанием всего человечества, даже всего живого. [161]

..Духом бодр, когда помню о значении всей жизни, а не этой одной, которую я прожил Львом Николаевичем. [162]

Капля, сливаясь с большой каплей, лужей, перестаёт быть и начинает быть. [163]

Не людям, а Тебе и перед Тобою работаю, и не этой жизнью хочу жить, а всю – тою истинною, бессмертною. [164]

Самоотречение

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Если бы кто сомневался в неразделимости мудрости и самоотречения, тот пусть
посмотрит, как на другом конце всегда сходятся глупость и эгоизм. [1]

Считать свою жизнь центром жизни есть для человека безумие, сумасшествие,
абберация. [2]

У меня теория, что сумасшествие – эгоизм. Сумасшедшие – люди, занятые самими
собой; есть предел, за которым считается занятие самим собой сумасшествием. [3]

Эгоизм – сумасшествие. Сумасшествие – эгоизм. [4]

Эгоизм, вся жизнь эгоистическая, законен только до тех пор, пока не проснулся
разум; как скоро он проснулся, то эгоизм законен только в той мере, в которой он
нужен, чтобы поддержать себя как орудие, нужное для служения людям. Назначение
разума служить людям. В том весь ужас, что его употребляют на служение себе. [5]

Человек не может не быть эгоистом, не думать, не помнить, не заботиться о себе.
А между тем, благо человека возможно только тогда, когда он направляет свою
деятельность вне себя, на благо ближнего. Как быть? Одно средство: сделать
заботу о себе такую, чтобы она направлялась вне себя, на благо ближнего. Сделать
это можно тем, чтобы заботиться о себе, о своей душе... [6]

Мы только тогда истинно живём для себя, когда живём для других. Это кажется
странным, но испытай – и ты увидишь, что это так. [7]

При стремлении к личному благу не достигается ни личное благо, ни общее. При
стремлении к самоотречению достигается и личное, и общее. [8]

Живи для себя, чтобы улучшить свою животную жизнь, и жизнь твоя будет вредна и
для тебя, и для других; живи для души, старайся жить для исполнения закона своей
жизни, и твоя жизнь будет на благо и тебе, и другим людям. [9]

Всё хорошее, доброе делается только тогда, когда человек забывает себя. [10]

Я знаю в себе то состояние, которое ближе всего подходит к тому, в котором я
всегда желал бы быть: большая ясность мысли, способность переноситься в
состояние другого, понимать его, и лёгкость физическая, подвижность, отсутствие
сознания своего тела. [11]

...Учусь (...) тому, чтобы не желать себе ничего (...) затем, чтобы очистить то место,
которое должно наполниться любовью. [12]

...Вся энергия жизни должна быть направлена на то, чтобы устранить то, что мешает
ему [Богу] через меня любить людей... [13]

...Высшее доступное человеку благо жизни это то, когда его личное стремление
влечёт его к любовной деятельности, т. е. к такой, цель которой не я, а другие,
когда нет ни борьбы, ни напоминаний со стороны разума, ни малейшего остатка силы
жизни, не поглощённого деятельностью для других. [14]

...Одни чувствуют прежде других, а потом себя, а другие прежде себя, хотел
сказать: а потом других, но большей частью такие люди ограничиваются тем, что
чувствуют только себя. Это – ужасное различие. [15]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

чем больше себялюбие, тем труднее понять другого, перенестись в другого, а в этом всё. [16]

Самоотречение, только самоотречение решает вопрос: хорошо или дурно то, что я делаю или собираюсь делать. [17]

Предстоящая нам не только в старости, но всякую минуту смерть показывает нам, что нельзя жить для себя. Как же жить для себя? того себя, который всякую минуту понемногу уходит и всякую минуту может совсем уйти. (...) ..Жить для себя никак нельзя; можно жить только для людей, для всего мира или для Бога. А жить для всего мира и значит жить для Бога, а жить для Бога значит жить для мира. [18]

...Чем меньше мы живём личной жизнью, тем несомненнее мы уверены в бессмертии, и наоборот; так что, судя по аналогии, мы должны думать, что бессмертие должно совпадать с полным отречением от себя. [19]

Учись во всём у Бога. Учись делать доброе так, чтобы получающий его не видал твоей руки. Как Бог. Он это делает, до такой степени скрывая себя, что многие точно думают, что Его нет. [20]

...Чем большую долю жизни признаёшь в своей жизни, тем меньше жизни; и наоборот. [21]

Жить не для себя, а для других значит переносить своё «я» из жизни телесной в жизнь духовную, т. е. в то, для чего нет времени, нет смерти и нет зла. [22]

Человек может жертвовать благами жизни мирской только ради жизни вечной. Всякая жертва вне этой причины не есть жертва, а или подобие её, или ошибка, или расчёт. [23]

Всякое осмысливание личной жизни, если она не основывается на отречении от себя для служения людям, человечеству – сыну человеческому, есть призрак, разлетающийся при первом прикосновении разума. [24]

Почувствовал (...) возможность, как говорит Вивекананда (Свами Вивекананда (1863–1902) – индийский философ, общественный деятель. Ученик Рамакришны Парамахамсы (1836–1886) – индийского гуру, реформатора индуизма, мистика и проповедника.), чтобы всё вместо «я» сделалось «ты», – почувствовал возможность самоотречения не во имя чего-нибудь, а во имя здравого смысла. Трудно отвыкнуть от табаку, пьянице от вина, а труднее и вместе с тем нужнее всего отучиться от этого ужасного пьянства собою, своим «я». [25]

Жизнь, в которой нет сознания бесцельности личной жизни (...), не есть жизнь, а животное существование. Жизнь (...), в которой является разлад и отрицание личной жизни, – есть начало жизни – рождение её. Жизнь же настоящая есть та, в которой вся прежняя энергия, вся страстность существования переносится вне себя, на служение тому процессу единения, согласия, большей и большей разумности отношений существ, в котором и состоит жизнь мира. Жизнь истинная есть жизнь разума и любви. [26]

Величайшее благо, которое только знает человек, состояние полнейшей свободы и счастья, есть состояние самоотвержения и любви. Разум открывает человеку единственный возможный путь к счастью, и чувство устремляет человека по этому пути. [27]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
То, что мы называем самоотречением, есть только последствие перенесения сознания
из своего животного в своё духовное «я». Если это изменение сознания
совершилось, то то, что казалось отречением до этого изменения, представляется
уже не отречением, а только естественным удалением от ненужного. [28]

То, что люди называют великим, просто, естественно, незаметно для того, кого
называют великим. [29]

Как человеку, ещё находящемуся в обмане личной жизни, кажется невозможную жизнь
самоотречения, так человеку, живущему уже духовною жизнью, кажется невозможною
жизнь для одного себя. [30]

Поесть, когда голоден, выпить воды, когда хочется пить, большое удовольствие
телу, но отказаться от еды, питья, от всего, чего хочет тело, уже не
удовольствие, а радость души. Знает это только тот, кто испытал это. [31]

Как меняется взгляд на жизнь, когда живёшь не для себя, а для других! Жизнь
перестаёт быть целью и делается средством. [32]

Что больше отдаёшь телесного, то больше получаешь духовного, и наоборот. [33]

Всякое согревание одной капли передаётся всем остальным. Если же можно уберечь
тепло одной капли, не давая сообщаться другим каплям, и потому не остывать, то
это, значит, не настоящее тепло. [34]

Чем меньше человек доволен собою, тем нужнее он для других людей и тем больше
бывает полезен им. [35]

Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как исполнение долга,
служение. [36]

Сознание долга даёт нам сознание божественности нашей души, и, наоборот,
сознание божественности нашей души даёт нам сознание долга. [37]

Человек, служа другому, должен знать, что он не подчиняется, не
покровительствует, не благодетельствует, а исполняет свою обязанность – не перед
человеком, а перед вечным законом. [38]

...Я только тогда могу быть счастливым и удовлетворённым, когда я имею твёрдое
убеждение, что моя деятельность полезна другим. (...) Моё твёрдое убеждение в том,
что то, что я делаю, не есть нечто бесполезное и не есть зло, а есть благо для
других, является (...) главным условием моего счастья. [39]

Мне бы очень хотелось быть твёрдо уверенным в том, что я даю людям больше того,
что получаю от них. [40]

...Чувствуя всегда свою вину, непрестанно желая больше отдать, чем взять, в этом
полагая жизнь – только эта одна и есть форма жизни законная. [41]

...Люди предназначены не на то, чтобы им все служили, а чтобы они служили, и (...)
радость жизни не от того, что берёшь от людей, а от того, что даёшь им. Так
несомненно устроена наша жизнь, и тот очень туп, кто не видит этого. [42]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Главное несчастье наше – это то, что мы потребляем больше, чем работаем, и
потому путаемся в жизни. Работать больше, чем потреблять, не может быть вредно.
Это высший закон. [43]

Счастье своё человек находит только в служении ближним, и, благодаря этому
служению, он становится един с основой жизни мира. [44]

Истинная духовная жизнь освобождается в человеке тогда, когда он радуется не
своей радости, страдает не своим страданием, а сострадает и сорадуется другому –
сливается с ним в общую жизнь. [45]

Только бы себя не любить, себя, своего Л. Н., и будешь любить и Бога, и людей.
Ты зажжён и не можешь не гореть, а горя, будешь зажигать других и сливаться с
другим огнём. Себя любить значит жалеть свою свечу и тушить огонь. [46]

Как свеча горит только тогда, когда тратится воск, из которого она сделана, так
жизнь только тогда настоящая, когда она тратится не для себя. [47]

Истинное добро есть служение богу. Служение достигается всегда тратой своей
животной жизни, так же, как свет достигается только тратой горючего материала.
[48]

Человек в своей жизни то же, что дождевая туча, выливающаяся на луга, поля,
леса, сады, пруды, реки. Туча, выливаясь, освежила и дала жизнь миллионам
травинкам, колосьев, кустов, деревьев и теперь стала светлой, прозрачной и скоро
совсем исчезнет. Так же и жизнь доброго человека: многим и многим помог он,
облегчил жизнь, направил на путь, утешил и теперь изошёл весь и, умирая, уходит
туда, где живёт одно вечное, невидимое, духовное. [49]

Нет того особенного подвига, который бы мы могли совершить в этой жизни. Вся
жизнь наша должна быть этим подвигом. [50]

Тот, кто ничего не боится и готов всегда отдать свою жизнь за истину, гораздо
сильнее того, кого все боятся и кто держит в своей власти жизнь других людей.
[51]

Войско в 100 человек, непоколебимых и готовых умереть за своё дело, в тысячу раз
сильнее миллионного войска трусов и не верующих в то дело, за которое они
сражаются. [52]

Плохо, если у человека нет чего-нибудь такого, за что он готов умереть. [53]

...Человек становится человеком только жертвой. [54]

В частной и общей жизни один закон: хочешь улучшить жизнь, будь готов отдать её.
[55]

...Без готовности отдать свою жизнь ничто настоящее не совершается. [56]

Для того, чтобы быть услышанным людьми, надо говорить с голгофы, запечатлеть
истину страданием, ещё лучше – смертью. [57]

Без жертвы нет жизни. Вся жизнь есть жертва телесного духовному. [58]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Не мешать жизни

Я ничего не желаю. Если бы вы знали, какая это прелесть – ничего не желать внешнего. [1]

Так хорошо, покойно думать, что если бог хочет, чтобы я делал и что делал, то будет и охота, и силы, а не будет охоты и силы – значит, не нужно. Это мне легко, потому что я знаю верно, что мне ничего не хочется для себя. [2]

Как хорошо, покойно, когда удаётся не соображать о том, что предстоит или хочется сделать, и не приписывать никакого значения тому, что я могу или хочу сделать, а только думать о том, как бы не ошибиться и не сделать того, чего не хочет Пославший меня, и не помешать не своему, а Его делу. (...) Я так убеждён в том, что для того, чтобы сделать хорошо какое бы то ни было человеческое дело, надо все силы свои напрячь на то, чтобы не мешать делу Божью, а то само выйдет. [3]

...То дело божие, которое делается через нас, мы, зная его цель, общий характер (царства божия), мы никогда не знаем вполне, как оно делается. И потому, когда нам кажется, что совершается нечто, мешающее совершению этого дела, то это происходит оттого, что мы считаем делом Божиим то, что не есть дело божие, и не видим настоящего. Мальчик играет в стружки и думает, что столяр их делает, а столяр кончил работу и сжёг стружки. [4]

Как много есть людей, уверенных в том, что они помогают людям, а они не дошли ещё до того, чтобы не мешать людям. [5]

Только не делай того, чего не должно делать, и ты сделаешь всё то, что должно. [6]

...У меня нет и не может быть другой жизни, как та, которая совершается через меня Богом. Только бы знать, что я не противлюсь ей, что я ищу Бога, зову Его, что я ничем не заслоняю Его, и тогда мне спокойно и даже радостно. [7]

...Усилие, которое нужно для вступления в Царство Божие, или в новую форму жизни, есть усилие отрицательное, усилие неследования за потоком, неделания поступков, несогласных с внутренним сознанием. [8]

Усилие нужно только для того, чтобы открыть в свою душу доступ Богу. А вошёл Бог – он будет делать. [9]

Для изменения существующего дурного порядка на лучший надо не делать, но быть. [10]

Как определено свыше, пускай так и будет. Оно уже есть, только мне не дано видеть. [11]

Я ничего не решил и не хочу решать. Стараюсь делать только то, чего не могу не делать, и не делать того, чего мог бы не делать. [12]

Я очень люблю поговорку “Dans le doute abstiens toi” (Воздержись в сомнении (фр.)). Я считаю это мудрым христианским правилом. Это то же, что у Лао-дзы (Лао-дзы (Лао Цзы, Лао-Тсе) – легендарный китайский мудрец и философ, живший в VI в. до н. э. Основатель даосизма.), высшая добродетель “le non agir” (неделание (фр.)). Я понимаю это так, что все грехи наши – оттого, что мы делаем, делаем для себя то, что могли бы не делать. Только то, чего мы не можем

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то не сделать, только это божье дело, дело, сделанное через – посредством нас Богом. (...)

(...) Да, только при углублении в себя, при отрешении от своих личных желаний выясняется дело Божие, которое мы призваны делать. [13]

Великая истина Лао-Тсе – неделание: ничего не делать, не затевать, а только отдаваться тому, чему считаешь хорошим отдаваться, – отдаваться тому, в чём совпадаешь с потоком, с волей Бога. [14]

О Кутузове («Война и мир»):

«У него не будет ничего своего. Он ничего не придумает, ничего не предпримет, (...) но он всё выслушает, всё запомнит, всё поставит на своё место, ничему полезному не помешает и ничего вредного не позволит. Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий, и он умеет видеть их, умеет понимать их значение и, ввиду этого значения, умеет отречься от участия в этих событиях, от своей личной воли, направленной на другое». [15]

Чем затруднительнее кажется положение, тем меньше надо действовать. Действиями-то мы обыкновенно и портим начинающие складываться наилучшим для нас образом условия. [16]

...Все мои большие и малые ошибки, грехи в жизни происходят – я уверен, что и у всех тоже – оттого, что я не выдерживал, оттого, что вынимал удочку в то самое время, когда на червяка нацеливалась самая необыкновенная добыча. «Претерпевый до конца спасён будет». [17]

Часто для того, чтобы сделалось то, чего ты желаешь, нужно только перестать делать то, что ты делаешь. [18]

...Не надо срывать яблока, пока оно зелено. Оно само упадёт, когда будет зрело, а сорвёшь зелено, испортишь яблоко и дерево, и сам оскомину набьёшь. [19]

Чему быть, тому не миновать. Жизнь устраивает всё по-своему, а не по-нашему, и на это не надо сердиться и ждать терпеливо, умно и честно. Иногда думаешь, что жизнь устраивает противно твоим желаниям, а выходит, что она делает то же самое, только по-своему. [20]

Требовать от жизни, чтобы случилось то, что мне хочется, – самое низменное. [21]

Не надо искать радостей, готовить их себе – а, служа, брать те радости, которые встречаются на пути. [22]

Постарайся направить всю свою энергию не на то, чтобы было всё то, чего ты желаешь, (...) а на то, чтобы умиротворить себя, свою душу, и ты получишь, чего желаешь. [23]

Истинная сила человека не в порывах, а в ненарушимом спокойствии. [24]

...Нужно только не портить своего положения и живо помнить, что мне ничего, ничего не нужно. [25]

Судить о том, хорошо ли, дурно устроилось то, что устроилось, не надо и не нужно, надо только в том, что устроилось, поступать наилучшим образом. [26]

..Жду и радуюсь на течение жизни. Вы только поменьше предпринимайте, а живите, только бы без дурного, и выйдет прекрасно. [27]

Всё, что я могу делать, если понимаю своё положение в мире, это то, чтобы покоряться закону раскрытия себя, своей духовной сущности, – плыть по течению, не становиться поперёк течения, не цепляться ни за что, противясь течению. Какая же безумная гордость тех людей, которые хотят творить жизнь, хотят делать что-то для всей жизни! Всё, что может делать человек, это только то, чтобы самому для себя подчинять себя воле Бога, ЗАКОНУ. [28]

Жизнь есть освобождение духа. Жизнь – зло, когда сознательно живёшь противно тому, что совершается в жизни, и жизнь – благо, когда сознательно стремишься к её цели, течению, закону. [29]

Я не верю в вмешательство Божества в наши дела, не верю потому в возможность просительной молитвы, но верю в разумность и любовность всего, что совершается; верю, что для человека большое счастье понимать эту разумность и любовность. [30]

У китайцев есть слово «шу». Это значит – уважение. Уважение не к кому-нибудь, не за что-нибудь, а просто уважение, – уважение ко всему за всё. Уважение вот к этому лопуху у частокола за то, что он растёт, к облачку на небе, к этой грязной, с водою в колеях, дороге... Когда мы, наконец, научимся этому уважению к жизни? [31]

Жизнь та, которая в нас, такое великое, святое дело, что только не нарушать его святости, не мутить – быть как дети, – и жизнь будет плодотворна и удовлетворяющая. [32]

Не касаться вещей, которые тебя не касаются, которые далеко, а исполнять своё перед богом. [33]

Я говорю: жизнь раскрывается. Но что же я при этом? Могу ли я или не могу содействовать этому раскрытию? Можешь. Можешь не движением, а соблюдением своей неподвижности, перенесением себя в единое сущее, которое всегда неподвижно. [34]

Часто смотрю на жизнь совсем со стороны, как будто не участвуя в ней. И только при этом взгляде видишь её правильно. [35]

Жить в настоящем
– 1 –

..Всё растёт, уходит и приходит. Удивительно, как люди могут не понимать этого: переносят свои желания на будущее, не думая о том, что будущее не остановится и так же пройдёт, как всё прошедшее. [1]

...Цель жизни – никак не последствие, результат... Во имя цели трудиться – это ряд разочарований. [2]

Всегда обещают и ждут за добрые дела награду в будущем, в вечности. Она – награда – и есть в вечности, в настоящем, в вневременном моменте. [3]

..Не жди благодарности от того, кому делаешь добро. Тот, кто поступает как должно, имеет уже благодарность в своём сознании большую, чем та, которую он мог бы получить от людей, но не получает. [4]

Человек посеял зерно и всё тревожился о том, скоро ли оно пустит росток, и чтобы

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то узнать, начало ли оно прорасти, раскапывал зерно и оглядывал его. И, раскапывая землю вокруг зерна, он повредил росток, и зерно не дало плода.

То же бывает и с людьми, когда они, вместо того, чтобы работать, любят свою работу и хотят видеть плоды своих дел.

Трудись не переставая и не назначай себе срока. А плод будет в своё время. [5]

Чем больше думать о том, что выйдет из того, что делаешь, чем дальше заглядывать вперёд, тем положение (...) представляется тяжелее, а чем меньше заглядывать вперёд, делая только то, что сейчас надо, должно, чем больше вбирать в себя, в настоящее, растянутое на будущее предположение, тем легче. [6]

Источник всех бедствий, от которых страдают люди, в том, что они хотят предвидеть будущее: сначала для себя каждый, и для него работать, потом для семьи, потом для народа. Человек может только делать то, что должно, предоставляя жизни складываться так, как того хочет высшая воля, или судьба. Человек ходит, Бог водит. [7]

Хороший человек заботится больше о том, чтобы делать то, что должно, чем о том, что с ним случается. Делать то, что должно – моё дело, говорит такой человек, то, что случается – дело божье. И, что бы ни случилось, ничто не может помешать мне делать то, что я должен. [8]

То, что со мной будет, в смысле внешних событий хорошее или дурное, я не знаю и не могу знать; то же, что жить нравственно всегда хорошо и для меня, и для всех людей, я наверное знаю. И зная это, я буду жертвовать верным неверному? [9]

Что будет с каждым из нас, никто не знает и не может знать; но что должен делать каждый при всём том, что может случиться с ним, каждый знает и не может не знать, и в этом всё. [10]

Пускай считают меня лицемером, обманщиком – чем хотят, – буду делать то, что велит мне бог – моя совесть. Только перед ней быть бы правым, а люди пусть думают обо мне и судят, как хотят. [11]

Делать, что должно, и делать это любовно, не думая о последствиях – ничто не даст большего удовлетворения и большей твёрдости, как такое отношение к жизни. [12]

Ты не можешь действовать по тому, что было и что будет, а только по тому, что ты должен делать. [13]

Делай то, что можешь, для себя в той области, где ты властен, а последствия предоставь той силе, от которой они зависят. [14]

Проявляя божественность своей души, мы никак не можем знать, какое проявление её: доброе слово обидевшему глупому человеку или полная философская система будет иметь какие последствия. [15]

Делай добро, не разбирая, кому. Добро, которое ты сделал, не пропадёт, хотя бы ты и забыл про него.

В том, чтобы делать добро, единственно верное средство быть счастливым. [16]

...Ненадёжен для царствия божия взявшийся за плуг и оглядывающийся назад, то есть

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то (...), кто пашет (...), тот не может думать о последствиях, но твёрдо знает, что по мере его работы изменяется и самое дело, а как, в каких формах оно изменится, это надо предоставить богу. [17]

Служение богу и людям, любовь, это тот клубок, который в сказке волшебница даёт юноше, чтобы он шёл туда, куда, разматываясь, покатится клубок. Так и в жизни идти надо туда, куда поведёт разматывающийся клубок любви, а куда он приведёт, мы знать не можем, а если будем воображать, что знаем, то собьёмся с дороги. [18]

Нет ничего хуже оглядывания на своё приближение к совершенству. Попробуй идти и думать о том, сколько осталось. Сейчас покажется трудно. [19]

Скучать о том, что мысли мои не признаны сейчас, теперь, и не приведены в исполнение, может только тот человек, который не верит в истину своих мыслей; а если верить тому, что мои мысли думаны с богом, то и заботушки нет. Бог возьмёт своё и слуг себе найдёт, и время своё знает, а мне остаётся только радоваться тому, что довелось быть слугою дела божьего. [20]

Это не парадокс, это совершенная правда, что только то дело хорошо, о последствиях которого не думаешь. Потому что если не думать о последствиях, то это – дело общее, а если думать, то непременно личное. [21]

..Если думаешь о последствиях, то наверное занят личным делом, а если не думаешь, то общим. Вот так надо жить, делая общее дело. Так птичка живёт, травка... Их дело, несомненно, общее. [22]

Станешь смотреть на плоды добра – перестанешь его делать, мало того – тем, что смотришь, портишь его, тещлавишься, унываешь. Только тогда то, что ты сделал, будет истинным добром, когда тебя не будет, чтобы портить его. (...)

(...) Сей и сей, и Бог возрастит, и пожнёшь не ты, человек, – а то, что в тебе сеет. [23]

Каждый человеческий поступок тем почётнее, лучше и великолепнее, чем отдалённее его последствия.

Поступок же, совершённый без всяких соображений о каких бы то ни было последствиях, в виду только исполнения воли Бога, есть наилучший поступок, который может быть совершён человеком. [24]

Если работник и не увидит ни конца своей работы, ни приложения её, знает, что не получит награды за её исполнение, ни наказания за неисполнение, он, если он хороший работник, всё-таки будет делать её. Моя работа – это моя жизнь, и она всегда цельная с последней отделкой – смертью. Делай её хорошо. [25]

Моисей не увидел обетованной земли, в которую вёл народ. Я очень люблю эту аллегория. Мы часто жалуем, что не видим плодов своих трудов, но то, чтобы не видеть, делать без ожидания награды, есть необходимое, существеннейшее условие всякого истинно доброго дела. [26]

Я так твёрдо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина всех людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне неинтересен. Вчера я молот кофе и иногда глядел, как и когда попадает под зубцы замеченная мною кофеинка. Очевидно, что это праздное занятие и даже вредное, потому что, занявшись одной кофеинкой, я останавливался молотить и засовывал её туда. Все смеются, если мы будем молотить, а не молотить мы не можем, потому что не мы, а Бог через нас и весь духовный мир делает это. [27]

Конечно, нельзя не желать наибольшего распространения того, что считаешь истиной (...); но, как ни странно сказать это, ничто не препятствовало столько распространению истины, как слишком поспешное желание заставить других принять её. [28]

Если (...) вы у меня спросите, почему я не забочусь о том, чтобы как можно скорее распространить свои мысли, то я отвечу, что я об этом не могу заботиться и беспокоиться, так же, как не мог беспокоиться человек, написавший таблицу умножения, о том, чтобы она как можно скорее распространялась. (...) Кому понадобится таблица, тот обратится к ней. [29]

Действовать надо с полной уверенностью, что не увидишь плодов своей деятельности, и принимать каждый признак успеха как нечто неожиданное, тем не менее, твёрдо веря, что успех будет. [30]

Не жди совершения того божьего дела, которому ты служишь, но знай, что каждое твоё усилие не останется бесплодным и подвинет дело. [31]

Самые важные и нужные для самого и для других дела человека – это те, последствия которых он не увидит. [32]

Я огорчаюсь тем, что не увижу последствий своей деятельности при жизни. А это-то и есть самое выгодное условие для плодотворной деятельности. [33]

Если ты можешь видеть все последствия своей деятельности, то знай, что эта деятельность ничтожна. [34]

– 2 –

Мне очень полезно прикидывать своё душевное состояние к положению одиночного заключения или Робинзона, уверенного, что он умрёт в этом одиночестве. Та работа, которую будешь производить над собой, находя в ней смысл и радость, готовя себя к жизни вечной, истинной, вот эта-то работа настоящая, и её-то надо всегда в миру производить над собою. [35]

Боже мой, как трудно жить только перед Богом – жить, как жили люди, заваленные в шахте и знающие, что они оттуда не выйдут и что никто никогда не узнает о том, как они жили там. А надо, надо так жить, потому что только такая жизнь есть жизнь. [36]

Как молитва бывает настоящая только тогда, когда один с Богом, так и добрые дела только тогда настоящие, когда никто, кроме Бога, не знает, зачем ты делаешь то, что делаешь. [37]

Настоящее есть то состояние, в котором одним проявляется наша божественная сущность. Будем же благоговеть перед настоящим – в нём бог. [38]

Для того, чтобы быть с Богом, не нужно делать ничего большого, а нужно только то, что сейчас делаешь, делать вполне наисовершеннейшим образом.

(...)

Наибольшее сближение с Богом это наибольшее сосредоточение в настоящем. И наоборот. [39]

Ничто мне так не помогает в моих дурных к людям чувствах, как воспоминание о

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то том, что я должен быть подобен Богу. Тотчас же забывается всё прошедшее, устраняется всякая мысль о будущем и делается добро и спокойно. Так что для того, чтобы вызвать в себе Бога, сознать Его, жить Им, надо отрешиться от себя во времени, жить в одном настоящем. [40]

...Перенести свою жизнь в настоящий момент, т. е. в сознание Бога. И как только сделаешь это, так отпадает всё, что может тревожить, воспоминания прошедшего, раскаяние, ожидание или страх будущего, и является спокойствие, твёрдость, радость. (...) И не думай, что это уничтожает энергию жизни, приводит к аскетической умной молитве и глядению на кончик носа. Напротив, это даёт несравнимую с обычной жизнью энергию, бесстрашие, свободу и доброту. [41]

Если бы я не был отделён, для меня не было бы ни пространства, ни времени, как их нет для Бога. Но как только я – не всё, то я могу понимать себя и другие существа только через пространство и время. Но это не показывает того, что я должен жизнь свою полагать в условиях пространства и времени. Во мне есть живущее вне пространства и времени моё духовное «я», проявляющееся в настоящем. И в нём-то я и полагаю свою жизнь. [42]

Рассматривая нашу жизнь во времени как прошедшее и будущее, мы невольно связываем её в цепь причин и следствий, и с этой точки зрения мы, разумеется, не свободны. Но в настоящем, вневременном, внепричинном нет и не может быть этого вопроса. [43]

Только в области сознания человек свободен. Сознание же возможно только в моменте настоящего. [44]

Как только ушёл в прошедшее или будущее, так ушёл от бога, и от этого тотчас же одиноко, сиротливо, несвободно. [45]

Истинная жизнь, жизнь в настоящем, не может иметь цели в будущем: цель истинной жизни в исполнении воли бога, которая, вне времени, была, есть и будет. [46]

...Ничего не надо готовить, ни к чему готовиться, ничего ожидать, а надо только служить, по мере сил, богу. Яснее стало значение очень любимого мною стиха из Луки: «Отвергни себя, возьми крест свой на каждый день и следуй за мной». Боюсь потерять это настроение: оно так разрешает всё, даёт такую свободу и радость. Удивляешься только, почему всегда не жил так, почему все не живут так. [47]

...Уйти из себя, забыть себя... Я нашёл для этого полезный рецепт: забыть прошедшее, стало быть, всё, чем для себя недоволен, не думать о будущем, стало быть, о всём, что для тебя нужно, и жить только в настоящем, сейчас поступать как можно больше по-божески... [48]

Главное дело в жизни – любовь. А любить нельзя ни в прошедшем, ни в будущем. Любить можно только в настоящем, сейчас, сию минуту. [49]

Помня о том, что ты живёшь только сейчас, в настоящем, т. е. вне времени, нельзя ни печалиться, ни тем более злиться; можно только радоваться и любить. [50]

Дети тем особенно милы, что живут всегда в настоящем. Даже их мечты есть жизнь в настоящем и не нарушают её. [51]

...Как настоящий час есть единственный настоящий, так и тот, который тут передо мной, человек есть настоящий, главный брат. [52]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Помоги мне, Господи, жить вне времени в настоящем и вне пространства в других. [53]

Спросили у мудреца, какое время в жизни самое важное, какой человек самый важный и какое дело самое важное.

И мудрец ответил: «Время самое важное одно настоящее, потому что в нём одном человек властен над собою.

Человек самый важный тот, с кем в эту настоящую минуту ты имеешь дело, потому что никто не может знать, будет ли он ещё иметь дело с каким-либо другим человеком.

Дело же самое важное то, чтобы быть в любви с этим человеком, потому что только для того, чтобы быть в любви со всеми людьми, послан человек в жизнь». [54]

Мгновение – только мгновение: человеку кажется так неважно мгновение, что он пропускает его, а только в этом мгновении и вся его жизнь, только в этом мгновении он мог сделать то усилие, которым берётся царство Божие внутри и вне себя. [55]

Да, единственный смысл жизни, единственная истинная жизнь есть поступок в настоящем: решение вопроса, как направить свою волю сейчас. [56]

Тебе нехорошо, и тебе кажется, что это оттого, что ты не можешь жить так, как бы ты хотел, что ты бы легче сделал то, что считаешь должным, если бы жизнь твоя была другая. Это неправда. У тебя есть всё то, чего ты так желаешь. Во всякую минуту жизни и где бы ты ни был, ты можешь сделать то, что считаешь должным. [57]

Нельзя устраивать государства, нельзя свою семью, нельзя СЕБЯ. Что будет, предоставь Ему, а сам живи в том, что есть, стараясь делать то, что хотели всегда все люди и чему учили, и что одно ты можешь беспрепятственно делать, чего одного тебе истинно хочется и что одно даёт тебе истинное счастье: становиться лучше и лучше, любовнее и любовнее. [58]

Что будет, то будет. Только бы как можно меньше согрешить. [59]

Первый и самый обычный соблазн, который захватывает человека, есть соблазн приготовления к жизни вместо самой жизни. [60]

Мы представляем себе жизнь как прошедшее и будущее, а настоящего представить себе не можем, а между тем в этом-то настоящем, вневременном мы и живём. [61]

Много зла избегнет человек, если приучится к (...) перенесению интереса жизни в тот единый момент, в котором она действительно есть. [62]

Жизнь есть тот день и час, который ты живёшь. Волнение погубило этот час, и ты сделал невозвратимую величайшую потерю. [63]

..Живите в настоящем во всю нравственную силу, а события жизни предоставьте судьбе. Ничто не важно, кроме того, чтобы делать что должно. [64]

Всё неважно, кроме того, что мы делаем в настоящую минуту. [65]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

..Нужно работать всегда так, чтобы быть готовым завтра осуществить свою мысль, и не огорчаться тем, что она отложится, может быть, на столетие. [66]

«Жить до вечера и до веку» – значит жить так, как будто всякую минуту доживаешь последний час и можешь успеть сделать только самое важное. И вместе с тем так, как будто то дело, которое ты делаешь, ты будешь продолжать делать без конца. [67]

Работай, как будто будешь жить вечно, а поступай с людьми, как будто умрёшь сейчас. [68]

Помнишь ли ты, что ты сейчас жив и сейчас умер. Если помнишь (а это надо помнить, нельзя не помнить), то какое же может быть человеку дело, кроме как исполнять в настоящем то, что должно.

Только тогда «переходишь от смерти в жизнь». [69]

..Не мне судить то, что выйдет из моей работы, и не моё дело задавать себе работу, а моё дело проживать жизнь так, чтобы это была жизнь, а не смерть... [70]

..Всё дело в том, чтобы не думать о завтрашнем дне, но для того, чтобы не думать о нём, есть только одно средство: думать не переставая о том, так ли я исполняю дело настоящего. [71]

Не беспокойся о завтрашнем, потому что нет завтра. Есть только нынче; живи для него, и если твоё нынче хорошо, то оно добро навсегда. [72]

Мне очень было тяжело до тех пор, пока не сознал того, что это-то одно и нужно мне: нужно готовить не к будущей жизни себя, а, живя хорошо этой жизнью, готовить будущую жизнь. [73]

Мы только оттого мучаемся прошедшим и портим себе будущее, что мало заняты настоящим. [74]

Истинная жизнь есть та, когда есть связь прошедшего с будущим. [75]

Будущего нет. Оно делается нами. [76]

Время за нами, время перед нами, при нас его нет. [77]

Настоящее есть соприкосновение прошлого и будущего. Его нет. Вне времени же человек свободен. [78]

Насколько живёшь настоящим, настолько живёшь вечной жизнью, неподвижной жизнью. Жизнь, события, твоя старость, смерть бегут мимо тебя, а ты стоишь. [79]

Чем старше я становлюсь, тем воспоминания мои становятся живее. И удивительно, вспоминаю только радостное, доброе и наслаждаюсь воспоминанием не меньше, иногда больше, чем наслаждался действительностью. Что это значит? То, что ничто не проходит, ничто не будет, а всё есть. И чем больше открывается жизнь, тем резче выделяется доброе, истинное от дурного, ложного. [80]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
ничего не будет. Всё есть. [81]

Иллюзорность материи. Время и пространство. Бесконечность
Об одном писателе:

«Об *infini* (бесконечном (фр.)) он расписывает расстояния звёзд, быстроту, продолжительность времени и что-то в этом видит величественное. Меня никогда это не озадачивало, не пугало, я всегда видел в этом недоразумение и никогда не признавал реальности этих страстей величин пространства и времени». [1]

Астрономия – это наука, в которой очевиднее всего иллюзорность пространства и времени. Надо быть совершенным идиотом или учёным для того, чтобы не понимать, что если столько-то миллиардов вёрст до Сириуса, то должны, по этому рассуждению, быть и такие звёзды, для определения расстояния которых не достанет пространства от нас до Сириуса, чтобы выписать линейку, изображающую в цифрах это расстояние. И то будет только крошечная дробь цифры расстояния ещё дальнейших миров, и так без конца. А что если это так, то очевидно, что и миров этих совсем нет, а это есть только указание на иллюзорность нашего представления в формах времени и пространства. [2]

Бесконечность, как большая, так и малая, есть только признак нереальности всего материального и пространственного. [3]

Бесконечность вещества, как во времени, так и в пространстве, очевиднее всего показывает нам недействительность вещественного мира. То понятие бесконечности, которым так гордятся маломыслящие люди, в котором видят признак величия человеческой природы, есть только признак того, что самый тот материал вещественной природы, над которым мы думаем, в сущности, есть ничто, есть вопиющее противоречие. Если вещественный мир начался миллионы лет тому назад, и до начала этих миллионов лет прошли ещё миллионы, и до тех ещё миллионы, и так без начала (тогда как разум требует определения начала всякого явления), и так же не может не продолжаться бесконечно и не может иметь конца, т. е. цели (а разум требует цели всякого явления), и самое вещество не имеет составных частей, так как может быть бесконечно делимо, и никогда не может найти пределы, так как бесконечно велико: за планетами Солнце, за Солнцем Геркулес, за Геркулесом Млечный Путь, за звёздами Млечного Пути ещё звёзды, и так без начала и конца; если таков вещественный мир, то очевидно, что в нём нет ни малого, ни великого, ни долгого, ни короткого, что всё в нём – ничто, и что таков только наш вещественный мир, что таким мир кажется нам, но что он не такой, не может быть таким, и что мир вещественный есть наше противоречивое, неизбежно противоречивое представление, и потому никак не может быть действительно таким, каким он нам кажется. [4]

...Одно само собой прежде всего представляется человеку, когда он серьёзно подумает об объективном значении бесконечности времени и пространства. Мысль о том, что такое само в себе бесконечное наполненное веществом пространство и бесконечное время, в котором совершаются бесконечные изменения, сразу показывает человеку нереальность и пространства, и времени, показывает то, что пространство и время суть только необходимые условия нашего воспринимания впечатлений – мира. Познав же нереальность всего пространственного и временного и вместе с тем сознавая себя существующим, живущим, человек не может не перенести сущность своей жизни из материального в духовное, сознание своего духовного «я». [5]

Для того, чтобы понять какой бы то ни было вещественный предмет, надо знать его происхождение, причину его появления и отношение его к другим предметам. Происхождение же и причина появления всякого вещественного предмета скрываются в бесконечном времени. Также и отношение предмета к другим предметам неопределимо, так как все предметы распадаются на бесконечно малые и разрастаются до бесконечно великих. Так что ни происхождение, ни причина появления предметов, ни их отношение к другим предметам не могут нам быть ни известны, ни понятны.

Время существования, не только моего тела, 80 лет, но нашей планеты, земли, хотя бы миллиарды лет, суть только бесконечно малый момент бесконечного времени. И

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то потому причины происхождения и меня, и земли, и всего на свете не могут быть ни понятны, ни известны нам. А также и отношение к веществу в пространстве и моего тела, и земли, и чего хотите, есть, опять среди бесконечного мира, даже не песчинка, а ничто. Удивительна не эта бесконечность времени и вещества в пространстве, но удивительна, хочется сказать, бесконечная глупость людей, считающих материальные явления самыми понятными, такими, которые удовлетворительно, без необходимости признания чего-нибудь духовного, объясняют жизнь. [6]

Тело? Зачем тело? Зачем пространство, время, причинность? Но ведь вопрос: зачем? есть вопрос причинности. И тайна, зачем тело, остаётся тайной. [7]

Только признание духовности мира и иллюзорности материи и движения разрешает загадку бесконечности. [8]

Нас смущает понятие бесконечности времени и пространства. Это происходит оттого, что мы приписываем действительность явлениям недействительным, кажущимся, – явлениям временным и пространственным. Явления эти представляются нам бесконечными. В действительности же они не существуют и потому не могут быть ни конечны, ни бесконечны. Существует действительно только духовное – не то что бесконечное, а такое, к которому не может быть прилагается признак конечности или бесконечности. Мы в нашей жизни видим явления в известном ряду, во времени и в пространстве, и приписываем этому ряду продолжение вне нашей жизни. В этом заблуждение. Заблуждение в том, что мы считаем нашу жизнь преходящей, а неизменно существующим мир; тогда как неизменно существует наша духовная жизнь, к которой неприложимо понятие конечности или бесконечности; мир же с своим движением есть только явление преходящее, находящееся в зависимости от нашего представления. [9]

...Мне представляется всё растущим, расширяющимся, но это иллюзия: бесконечно растущего, расширяющегося не может быть. Для бесконечного нет ни большего, ни меньшего. Так что то, что мне кажется растущим, расширяющимся, есть движение, завершающееся кругом – змея, кусающая хвост. [10]

Гуляю, сижу на лавочке и смотрю на кусты и деревья, и мне кажется, что на дереве большие два как бы ярко-оранжевые платка; а это на вблизи стоящем кусте два листка. Я отношу их к отдалённым деревьям, и это два большие платка, и ярко-оранжевые они оттого, что я отношу цвет этот к удалённому предмету. И подумал: весь мир, какой мы знаем, ведь только произведение наших внешних чувств: зрения и осязания... и наших соображений. Как же верить в реальность, единую реальность мира, каким мы его представляем себе? Какой он для блох? Какой для Сириуса, для неизвестного мне существа, одарённого неизвестными мне чувствами? И пространство, и время – это всё мною построено. То, что я называю бесконечно малыми существами, нисколько не меньше меня. И то, что я называю моментом, нисколько не меньше того, что я называю вечностью. Одно, одно есть, то, что сознаёт, а никак не то, что оно познаёт и как. [11]

Сказать, что этот мир действительно такой, каким мы его видим, это всё равно, что сказать, что не может быть существ с иными, чем мы, внешними чувствами. [12]

Как нельзя установить постоянное отношение к ряду чисел: 1, 2, 3, 4... ∞, так невозможно установить постоянное отношение к материальному, т. е. пространственному и временному, миру. Для установления такого отношения нужно найти нечто не увеличивающееся, не уменьшающееся, – всегда равное самому себе; и такое существо есть только духовное существо, которого я чувствую, сознаю себя частью, проявлением. [13]

Действительно существует только духовное. Всё телесное есть только видимость. [14]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Вы думаете, что «то, что есть, – то есть настоящая действительность, настоящая жизнь, а то, чего нет – то выдуманно, то мистическое...»

Как раз наоборот: только то, чего нет и чего мы никогда не видали в этой жизни, только то и есть действительное, настоящее; так что если бы не было этого нами никогда не виденного, ничего бы остального не существовало. [15]

...Всё то, что телесно и занимает ограниченное пространство в пространстве бесконечном и происходит во времени, бесконечном в обе стороны, всё это не действительно есть. Есть то, что есть вне времени и пространства. А так сущее есть только то, что мы называем Богом. [16]

Самое могущественное в мире то, что не видно, не слышно и не осязаемо. [17]

Не время понимать как вечность и вечность как время, а понимать, что времени нет, и что то, что я называю временем, есть процесс духовного зрения, понимания себя в жизни.

Я, настоящий я – стою, и перед моим духовным взором раскрываюсь и я сам, и другие существа. То, что я называю свободой воли, это – моё сознание своей духовности, неподвижности. [18]

Кант сказал, что время и пространство – формы нашего познания. Будем вечно жить – нельзя сказать, потому что мы теперь живём вечно. [19]

...Мы ошибаемся, когда представляем себе жизнь души во времени, а она цельная вся уже есть. [20]

Я не живу, и не живёт весь мир во времени, а раскрывается неподвижный, но прежде недоступный мне мир во времени. [21]

...Жизнь есть непрестающее раскрытие того, что уже есть... [22]

Время есть снятие покровов с неподвижного, единого сущего духа Божия. [23]

Не солнце движется, а земля поворачивается к нему; так же не время идёт, а мир, скрытый временем, открывается сам себе. [24]

Жизнь, которую я сознаю, есть прохождение духовной неограниченной (божественной) сущности через ограниченное пределами вещество. [25]

Мы по слабости своих познавательных способностей не можем видеть мир, какой он есть, а видим его только раскрывающимся во времени, и нам кажется, что мы живём во времени. [26]

Наше представление о времени происходит от нашей неспособности познания сразу всего предмета: время есть та постепенность нашего познания мира, которая вытекает из ограниченности наших способов познания. [27]

Ехал наверху на конке, глядел на дома, вывески, лавки, извозчиков, проезжих, прохожих, и вдруг так ясно стало, что весь этот мир с моей жизнью в нём есть только одна из бесчисленного количества возможностей других миров и других жизней и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через которую мне кажется, что я прохожу во времени. [28]

Здесь жизнь не иллюзия и не вся жизнь, а одно из проявлений, вечных проявлений вечной жизни. [29]

Под ногами морозная твёрдая земля, кругом огромные деревья, над головой пасмурное небо, тело своё чувствую, чувствую боль головы, занят мыслями о «Воскресении», а между тем я знаю, чувствую всем существом, что и крепкая морозная земля, и деревья, и небо, и моё тело, и мои мысли – что всё это только произведение моих пяти чувств, моё представление – мир, построенный мной, потому что таково моё отделение от мира, какое есть. И что стоит мне умереть, и всё это не исчезнет, но видоизменится, как бывают превращения в театрах: из кустов, камней сделаются дворцы, башни и т. п. Смерть есть не что иное, как такое превращение, зависящее от другой отдельности от мира, другой личности: то я себя, своё тело с своими чувствами считаю собою, а то совсем иное выделится в меня. И тогда весь мир станет другим. Ведь мир такой, а не иной только потому, что я считаю собой то, а не другое. А делений мира может быть бесчисленное количество. [30]

Всё больше и больше не то что убеждаюсь, но всем существом чувствую нереальность этого мира, того, в котором мы живём. Не то что нереальность, что всё это мечта, что его нет, а то, что он есть только одно из бесчисленных (если уже считать) проявлений жизни, а не то, что мы все думаем в детстве и юности, а многие и до смерти – что это настоящий, единственный мир, и другого нет. Ужасно жить, думая так. Чтобы хорошо жить, радостно, спокойно в этом мире, надо чувствовать, что этот мир одна точка, как точка настоящего во времени или какого-нибудь места в пространстве. [31]

Если бы мы не знали жизни более действительной, чем сон, то мы сон считали бы вполне жизнью и никогда не усомнились бы в том, что это не настоящая жизнь. Теперь наша вся жизнь от рождения до смерти с своими снами не есть ли в свою очередь сон, который мы принимаем за действительную жизнь и в действительности которой мы не сомневаемся только потому, что мы не знаем другой, более действительной, жизни? Я не только думаю, но убеждён, что это так.

(...)

(...) Наша жизнь есть один из снов той, более настоящей жизни. Но и та, более настоящая жизнь, есть только один из снов другой, ещё более настоящей жизни, и т. д. до бесконечности, до одной последней настоящей жизни – жизни бога. [32]

Пространство, время, тело и форма происходят от моего бессилия познавать всё как оно есть. Я могу познавать только движущееся и разделённое. Как я не могу познать шара иначе, как когда он, вертясь, обращается ко мне всеми сторонами, так и не могу познать людей, животных и растения, и всё иначе, как движущимся и разделённым. [33]

...Я не могу обнять всё, и от этого мне кажется, что я во времени. Так что ясно, что понятие времени вытекает из ограничения, отделённости. Я – всё, но сознаю только часть, и оттого во времени. Смысл жизни, то, что мне представляется целью её (для меня), есть не что иное, как сознание своего божественного начала, вечности, бесконечности. И потому представляется, что цель жизни есть расширение. Но это не цель, а свойство сознания. Сознание не переставая работает, светит, не может перестать работать, светить. В жизни же его работа проявляется стремлением к единению со Всем. [34]

...Человек в одно и то же время и отделённость, и всё. Противоречие во всём, что мы думаем вне форм пространства и времени (...), т. е. нашего ума не хватает на мышление вне пространства и времени. Логично только то, что мы видим в пространстве и времени. Но самое пространство и время не логичны. [35]

Чем больше живёшь, тем меньше становится время жизни. Для бесконечной

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то продолжительности жизни – жизни совсем бы не было. [36]

Материя не нереальна, а реальна для меня, отделённого существа, но не сама в себе.

Непонятно, недоступно мне не материальное само в себе, но духовное само в себе. [37]

Пространство и время только для меня в этом теле. И то, и другое происходит от моей отделённости: пространство это пределы; время это последовательность соприкосновения пределов. Для Бога нет пределов и нет времени и пространства. Так и нет ни того, ни другого для моей духовной сущности. [38]

...Сознающий свою духовную сущность человек видит себя всегда в середине времени и пространства... [39]

Вся тайна в том, что есть нечто непреходящее, соединённое с временем и пространством; нечто это – сознание. (...) Нечто неподвижное, соединённое с подвижным – сознание. Сознание сознания есть любовь.

(...) Мне кажется, что сознание началось при рождении. Но это неверно: началось соединение неподвижного сознания с известным подвижным, отделённым пространством предметом, но сознание вне времени и потому не могло начаться, так же, как не началась река, когда на ней поставили мельницу, началась мельница. И потому дело жизни уйти в сознание, самое глубокое доступное человеку сознание. [40]

Мир состоит из отделённых частей божества. Отделённость даёт материальное движение. Только уничтожётся материя – и нет отделённости. Точно так же уничтожётся движение – и нет отделённости. И потому материя и движение существуют только для нас, для отделённых существ. Для Бога нет ни материи, ни движения, но есть бесчисленное количество отделённых существ, которые мы можем познавать только в пространстве, т. е. ограничено, и во времени, т. е. в настоящем и отчасти в прошедшем. Для него же, для Бога, они все, отделённые существа, существуют без пространства и времени.

Все отделённые существа по своему свойству стремятся расшириться и перейти в другую, высшую отделённость. В этом наша жизнь. Для Бога же они уже расширились и перешли в другую, и третью, и в бесконечное число форм жизни. Мы же всё это переживаем. И в этом жизнь и благо.

В сущности, для Бога всё стоит, всё неподвижно и бестелесно, но есть жизнь. Какая? Мы не можем понять и знать. Наша же жизнь состоит в переходах из одной жизни в другую, вечное движение, вечное воскресение, вечный рост.

Но хотя жизнь наша и духовна, и материя и движение – условия нашей отделённости, жизнь в этом мире – не только не призрак, но самая настоящая, единая жизнь, и цель нашей жизни – служение той общей жизни, которую мы знаем. [41]

...Для Бога, для той истинной жизни, начало которой я сознаю в себе, не может быть движения и потому не может быть цели, не может быть близкого и далёкого, большого и малого; не может быть хорошего и дурного; но для жизни нашей, для отделённого существа неизбежно существует движение и цель, и близкое, и далёкое, и худое, и доброе, и человек должен жить в этой иллюзии, как в иллюзии движения солнца; но знать он должен, что жизнь его не движется, и вся иллюзия движения – только для его блага. [42]

...Нет никакой величины времени или пространства, потому что всякая величина, год, миллион лет, вершок, миллиард километров – ничто, а/∞. Время и пространство только дают форму духовному началу, дают жизнь, – не жизнь, а возможность проявления духовного начала, в чём и состоит то, что мы называем жизнью. [43]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Что такое время? Нам говорят, мера движенья. Но что же движенье? Какое есть одно несомненное движенье? Такое есть одно, только одно: движенье нашей души и всего мира к совершенству. [44]

...Жизнь наша только в духе; тело же земля и в землю пойдёт. Дорого то, чтобы при прохождении через этот мир нам, сколько мы можем, приблизиться к божескому совершенству. [45]

...Сообщимся там, (...) вне земной жизни. Я верю в это общение, и тем больше, чем больше тот человек, об общении с которым думаю, вступает здесь уже в область духовной жизни. Сам в одну дверь уже вступаешь, или заглядываешь в эту область вневременного, внепространственного бытия и видишь, или чувствуешь, что и другой вступает или заглядывает в неё: как же не верить, что соединишься с ним? [46]

Только освободившись от обмана чувств, признающих действительно существующим и важным мир телесный, человек может понять своё истинное назначение и исполнять его. [47]

Для того, чтобы понимать истинное значение вещей, необходимо сводить всё видимое к невидимому, всё телесное к духовному. [48]

Да! Эпоха наша – эпоха поклонения не духу, а форме (...). Но настанет, настанет ещё время, когда станут снова поклоняться духу! [49]

Без веры в Бога в себе, в жизнь вневременную и внепространственную не может быть ни разумной, ни доброй, ни счастливой жизни. [50]

...В этом главное дело человека. Понимать, что всё временное и пространственное – сон, и что настоящее в этом сновидении только то, что вне пространства и времени: разум и любовь. [51]

...Борются и страдают, и мучают, и портят свою душу, свою вечную душу, для достижения благ, которым срок есть мгновенье. Мало того, что мы сами знаем это, – Христос, сын Бога, сошёл на землю и сказал нам, что эта жизнь есть мгновенная жизнь, испытание, а мы всё держимся за неё и думаем в ней найти счастье. [52]

Только тогда можно понять и почувствовать Бога, когда ясно понял нереальность всего материального. [53]

Наше заблуждение в том, что то, что закрывает от нас жизнь, мы признаём жизнью. [54]

Действительность, реальность это дым от огня и света истинной жизни. [55]

Железо твёрже камня, камень твёрже дерева, дерево твёрже воды, вода твёрже воздуха. То же, чего нельзя ощупать, чего не видно и не слышно, твёрже всего. Одно оно было, есть, будет и никогда не пропадает.

Что же это такое?

Это дух, живущий в человеке. [56]

...Начинаю в этой жизни выходить из неё, из главного условия её: времени. [57]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Да, одно утешенье, одно спасенье: жить в вечности, а не во времени. [58]

Смерть и бессмертие

– 1 –

..Удивительно хорошо бывает, когда ясно не то что поймёшь, а почувствуешь, что жизнь не ограничивается этой, а бесконечна. Так сейчас изменяется оценка всех вещей и чувств, точно из тесной тюрьмы выйдешь на свет Божий, на настоящий. [1]

Ничто так не расширяет взгляда, не даёт такой твёрдой точки опоры и такой ясной точки зрения, как сознание того, что эта жизнь, несмотря на то, что только в ней мы можем и обязаны проявить свою деятельность, есть всё-таки не вся жизнь, а только тот кусок её, который открыт нашему взору. [2]

Прежде, чем был Авраам, я емь – может, должен сказать каждый человек. Все сознаём свою жизнь без начала её. А если ей не было начала, то не будет и конца. [3]

Из «Воскресения» (о Набатове):

«О будущей жизни он тоже никогда не думал, в глубине души нося то унаследованное им от предков твёрдое, спокойное убеждение, общее всем земледельцам, что как в мире животных и растений ничто не кончается, а постоянно переделывается от одной формы в другую – навоз в зерно, зерно в курицу, головастик в лягушку, червяк в бабочку, жёлудь в дуб, так и человек не уничтожается, но только изменяется. Он верил в это и потому бодро и даже весело всегда смотрел в глаза смерти и твёрдо переносил страдания, которые ведут к ней...» [4]

Вы говорите, что не можете видеть царства добра и правды на земле. И я не видал его; и его нельзя видеть, ежели смотреть на нашу жизнь как на конец всего. На земле, именно на этой земле (...), нет правды – всё ложь и зло; но в мире, во всём мире, есть царство правды, и мы теперь дети земли, а вечно – дети всего мира. Разве я не чувствую в своей душе, что я составляю часть этого огромного, гармонического целого? Разве я не чувствую, что я в этом бесчисленном количестве существ, в которых проявляется божество, – высшая сила, – как хотите, – что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим? Ежели я вижу, ясно вижу эту лестницу, которая ведёт от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница, которой я не вижу конца внизу, она теряется в растениях. Отчего же я предположу, что эта лестница прерывается со мною, а не ведёт дальше и дальше до высших существ. Я чувствую, что я не только не могу исчезнуть, как ничто не исчезает в мире, но что я всегда буду и всегда был. Я чувствую, что, кроме меня, надо мной живут духи и что в этом мире есть правда. [5]

Мы говорим о жизни души после смерти. Но если душа будет жить после смерти, то она должна была жить и до жизни. Однобокая вечность есть бессмыслица. [6]

...Вот жизнь – и я нарисовал на доске овальную фигуру. – После жизни душа переходит в вечность; вот вечность – и я провёл с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего же с другой стороны нету такой же черты? Да и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны, мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание. [7]

И с горем, и без горя ужасна жизнь человека, который вообразит себе, что только света, что в окошке, что только и жизни, что та частица её, которую мы знаем здесь. [8]

Жизнь человеческая, всякую секунду могущая быть оборванной, для того, чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл такой, при котором значение жизни не зависело бы от её продолжительности или кратковременности. [9]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Человек познает, что он не умрёт, только тогда, когда он познает то, что он никогда не рождался, а всегда был, есть и будет.

Человек поверит в своё бессмертие только тогда, когда он поймёт, что его жизнь не есть волна, а есть то вечное движение, которое в этой жизни проявляется только волною. [10]

Не верит в бессмертие только тот, кто никогда серьёзно не думал о смерти. [11]

Считать свою одну жизнь жизнью есть безумие, сумасшествие. [12]

Человек, боящийся смерти, – человек больной, нарушивший закон своей жизни, не живущий жизнью разумной. [13]

– 2 –

Вся разница между человеком и животным та, что человек знает, что он умрёт, а животное не знает. Разница огромная. [14]

Жизнь с забвением смерти и жизнь с сознанием ежечасного приближения к смерти – два совершенно различные состояния. Одно близко к животному, другое – к божественному. [15]

Только в восемьдесят лет я вполне ясно понял, какое значение для жизни имеет *memento mori* (помни о смерти (лат.)). Если помнишь, что умираешь, то ясно, что цель жизни – не в личности. [16]

...Помнить о [смерти] значит помнить о своей истинной, не зависящей от смерти жизни... [17]

Говорят: не думай о смерти – и не будет смерти. Как раз наоборот: не переставая помни о смерти – и будет жизнь, для которой нет смерти. [18]

...Бояться смерти не надо. Надо о ней думать как можно чаще: это облагораживает человека и часто удерживает его от падения. [19]

Самые лучшие люди – дети, свежие оттуда, и старцы, готовые туда. [20]

Поразительна непредвиденность людей, когда мы едим из жадности вредное, зная, что будем страдать, поразительна и непредвиденность проматывающих именье, но так же удивительна непредвиденность людей, не думающих о смерти и потому не думающих о жизни. [21]

Смертей так много и так обыкновенно и естественно – смерть, что пора бы к ней привыкнуть и думать только о смерти, чтобы она застала нас за доброй жизнью. [22]

...О смерти стараюсь не забывать и готовлюсь к ней так, как иначе не умею готовиться: стараясь получше жить. [23]

Об одном знакомом:

«...Меня всегда удивляла в нём боязнь смерти. Я не мог понять, как он не боится бояться смерти». [24]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Талисман (...), претворяющий печаль в радость, для меня есть главное – память о смертном часе. [25]

Я живу прекрасно и могу смело рекомендовать всем следующий и единственный рецепт для этого: готовиться умереть. Чем более готов умереть, тем лучше жить, тем легче и расстаться с жизнью, и оставаться в ней. [26]

То, что срок нашей земной жизни не в нашей власти и всякую секунду может быть оборван, всегда забывается нами, и ничто больше этого забвения не извращает нашей жизни. [27]

...Сознание присущности смерти, возможности ежеминутного наступления её есть самое нужное условие жизни, (...) без этого сознания жизнь не может не быть бессмыслицей с постоянной возможностью отчаяния при воспоминании о смерти. [28]

Когда стар становишься, удивляешься, как это люди не думают о смерти. Следовало бы детям (...) внушать о ней, а её скрывают, как хождение на час. Если бы думали о ней, видели бы, что она неизбежна. Тогда смысл жизни другой становился бы, не жили бы одной телесной жизнью, которая кончается. Искали бы другого смысла, который со смертью не кончается. Жили бы нравственно. [29]

Тому, кто верит, что жизнь не началась с рождения и не кончится со смертью, легче жить доброй жизнью, чем тому, кто не понимает этого и не верит этому. [30]

Одни люди верят, что они – сыны Бога и что жизнь их не кончается смертью тела; другие же не верят ни в какую другую жизнь, кроме телесной.

Кто будет лучше работать в доме: сын ли хозяйский, который знает, что он навсегда останется в доме, или наёмный работник, который нынче здесь, а завтра расчёлся и ушёл?

Как хозяйский сын будет заботиться об отцовском деле, так и человек, если он верит в вечную жизнь, будет стараться делать дело Божие, а не одно своё, и будет служить благу общему, и найдёт своё благо; человек же, не верующий в жизнь вечную, будет служить только себе и потому будет разрушать и благо общее, и не найдёт и своего блага. [31]

Вспоминать о смерти значит жить без мысли о ней. О смерти нужно не вспоминать, а спокойно, радостно жить с сознанием её постоянного приближения. [32]

Какое бы ты ни делал дело, будь готов всегда бросить его. Так и примеривайся, – можешь ли отлепиться. Тогда только и делаешь хорошо то дело, которое делаешь.

Ожидание смерти учит этому. [33]

Думать о смерти нечего, но жить надо в виду её. Вся жизнь тогда становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна. В виду смерти мы не можем не работать усердно и потому, что она всякую минуту может прервать работу, и потому, что в виду смерти нельзя работать то, что не нужно для всей жизни, т. е. для бога. А когда так работаешь, жизнь становится радостной, и нет того пугала – страха смерти, которое отравляет жизнь не живущих в виду смерти людей. Страх смерти обратно пропорционален хорошей жизни. При святой жизни этот страх – ноль. [34]

Все наши поступки разделяются на такие, которые имеют цену перед лицом смерти, и такие, которые не имеют перед нею никакого значения. (...) Мы все находимся в положении пассажиров парохода, приставшего к какому-то острову. Мы сошли на

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то берег, гуляем, собираем ракушки, но должны всегда помнить, что когда раздастся свисток, все ракушки надо будет побросать и бежать поскорей на пароход. [35]

Человек, зная, что он умрёт через полчаса, не будет делать ни пустого, ни глупого, ни, главное, дурного в эти полчаса. Но полвека, которые, может быть, отделяют тебя от смерти, разве не то же, что полчаса? Перед смертью и перед настоящим времени нет. [36]

Как путешественник, подходя к цели путешествия, хотя и продолжает так же идти, как он шёл сначала, невольно думает только о том, что ожидает его, так и мы, подходя к той двери в другую жизнь, которой так пугали нас, называя её смертью, и которой мы так боялись, когда она была далека от нас, не можем не думать о ней, хотя и не перестаём делать то же, что делали и тогда, когда она была далека от нас. Мне эта близость теперь только приятна. Она отдаляет от меня всё пустое, не нужное и даёт особенную прелесть и значительность тому, что делается. [37]

...чувствую близость – не смерти (смерть скверное, испорченное слово, с которым соединено что-то страшное, а страшного ничего нет) – а чувствую близость перехода, важного и хорошего перехода, перемены. (...) Такое состояние близости к перемене очень, смело скажу, радостно. Так ясно видишь, что нужно делать, чего не нужно. [38]

Для того, чтобы не бояться смерти, надо бояться жизни, греха в жизни, бояться в жизни не сделать то, что должно. [39]

Сознание бессмертия свойственно душе человека. Только зло, которое мы делаем, и в той мере, в которой мы делаем его, лишает нас сознания нашего бессмертия. [40]

В смерти нет ничего страшного; смерть представляется страшной только в той мере, в какой мы отступаем в этой жизни от вечного закона. [41]

– 3 –

...Не надо никогда забывать, что жизнь есть постоянное умирание. И сказать, что я постоянно умираю, всё равно, что сказать – я живу. – Сознание постоянного умирания потому полезно, что сознание это нельзя иметь без сознания жизни. Сознание это вызывает на необходимость употребить на дело свою умирающую жизнь. [42]

Жизнь – постоянное умирание. (...) Надо жить так, чтобы легко было умереть.

(...)

То, что мы, живя, приближаемся к смерти, математически верно. Это не исключает радостей, они будут от такого сознания чистые, непреходящие... [43]

Начинаю привыкать смотреть на смерть, на умирание не как на конец дела, а как на самое дело. [44]

Жизнь будущая загробная мне так же ясна и несомненна, как и настоящая жизнь, не только ясна и несомненна, она есть та же самая одна жизнь. [45]

Ничто так не утверждает в неуничтожаемости, безвременности своей жизни, ничто так не способствует спокойному принятию смерти, как мысль о том, что, умирая, мы вступаем не в новое состояние, а только возвращаемся в то, в котором были до рождения. Нельзя даже сказать: были, а в то состояние, которое нам так же свойственно, как и то, в котором мы находимся здесь и теперь. [46]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Ты пришёл в эту жизнь, сам не зная как, но знаешь, что пришёл тем особенным я, которое ты есть, потом шёл, шёл, дошёл до половины и вдруг не то обрадовался, не то испугался, и упёрся, и не хочешь двинуться с места, идти дальше, потому что не видишь того, что там. Но ведь ты не видал тоже и того места, из которого ты пришёл, а ведь пришёл же ты. Ты вошёл во входные ворота и не хочешь выходить в выходные.

Вся жизнь твоя была шествие через плотское существование; ты шёл, торопился идти, и вдруг тебе жалко стало того, что совершается то самое, что ты не переставая делал. Тебе страшна большая перемена твоего положения при плотской смерти, но ведь такая большая перемена совершилась с тобою при твоём рождении, и из этого для тебя не только не вышло ничего плохого, но, напротив, вышло такое хорошее, что ты и расстаться с ним не хочешь. [47]

Мы смотрим на смерть как на что-то не только совсем особенное от жизни, но как на что-то прекращающее жизнь, а она такое же будущее, как следующий год, и так и надо уметь смотреть на неё. [48]

Смерть вернее, чем завтрашний день, чем ночь после дня, зима после лета. Отчего же мы готовимся к завтрашнему дню, к ночи, к зиме, а не готовимся к смерти? [49]

Что было мне радостно и хорошо во время болезни, это то, что, умирая, я живу точно так же, как всегда. Нижнее глубокое течение истинной жизни не прерывается смертью. И что я чувствовал или, скорее: не чувствовал перерыва. [50]

Верить в будущую жизнь нельзя, можно не только верить, но знать, что жизнь настоящего неуничтожима. [51]

Если жизнь в настоящем, то какая же смерть? Умирая, я в том же положении, как и в продолжение всей жизни. [52]

Жизнь истинная есть только та, которая продолжает жизнь прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей. [53]

[Я признаю] жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения к новой жизни, и верю, что всякий добрый поступок увеличивает истинное благо моей вечной жизни, а всякий злой поступок уменьшает его. [54]

Нехорошо не желать умереть, бояться смерти, как бывало в молодости, нехорошо желать умереть, как бывало и, каюсь, бывает в минуты слабости, но поставить коромысло весов так, чтобы стрелка стояла прямо и ни одна чаша весов не перевешивала, это – лучшее условие жизни. [55]

...Моё приближение к плотской смерти, которое я всё более и более чувствую, укрепляет меня в этой жизни и иногда прямо радуется, не потому, что я уйду от этой жизни, а потому, что чувствую большую твёрдость в этой жизни. [56]

Всё в жизни очень просто, связно, одного порядка и объясняется одно другим, но только не смерть. Смерть совсем вне этого всего, нарушает всё это, и обыкновенно её игнорируют. Это большая ошибка. Напротив, надо так свести жизнь с смертью, чтобы жизнь имела часть торжественности и непонятности смерти, и смерть – часть ясности, простоты и понятности жизни. [57]

...Готовиться к смерти надо жизнью – не готовиться к смерти, а жить так, чтобы смерть составляла условие жизни. [58]

Хорошо обращаться с людьми так, как будто ты прощаешься с ними перед смертью. И тут не будет ошибки. Разве не всё равно, что тебя отделяет от смерти – полчаса или полвека. [59]

В виду смерти как-то особенно хорошо, нежно и спокойно любишь людей, чувствуя, что люди проходят, но не проходит та связь любви, которая соединяет с ними. [60]

..Опять чудный вечер. Я ехал и думал: как хорошо! И, бывало, когда подумаешь: как хорошо, сделается грустно от мысли, что скоро кончится, а теперь я думаю, как хорошо, и только ещё начинается, и будет ещё лучше, – и в этой жизни, и, главное, вне этой жизни. [61]

Если люди не понимают, в чём настоящая жизнь, то таким людям нельзя понять и того, что такое смерть. [62]

Чем глубже сознаёшь свою жизнь, тем меньше веришь уничтожению в смерти. [63]

Люди, боящиеся смерти, боятся её оттого, что она представляется им пустотой и мраком; но пустоту и мрак они видят потому, что не видят жизни. [64]

Жизнь есть непрерывающееся приближение к смерти, и потому жизнь может быть благом только тогда, когда смерть не представляется злом. [65]

– 4 –

Жизнь есть смерть. Если любишь жизнь, люби смерть. Если любишь плотскую любовь, люби детей. Как плотская любовь ведёт к детям, так жизнь ведёт к смерти. Смерть есть плод жизни. Как же не любить её, бояться её? [66]

Смерть, как и рождение, – неперемное условие жизни. Если жизнь – благо, то и смерть должна быть благом. [67]

То (...), что по воле бога случается с нами, никак не может быть злом. А так как смерть случается с нами по воле бога, то она может казаться нам злом, но никак не может быть им. [68]

Если верить в бога, то в смерти нет ничего более страшного, чем в жизни. [69]

Сапожник был сегодня (...), ужасно оборванный, висят лохмотья. Я спросил его: «Смерти ты боишься?» – «Как же от Него отступить, бояться?» – «От кого?» – «От кого мы взяли?» – Эта покорность высшему закону человечества, которым мы живём, в котором есть смерть, есть любовь к ближнему, это внутреннее сознание подчинения, это просвещение – дороже всего... [70]

Христос, умирая, сказал: «Отец, в руки Твои отдаю дух мой». Если кто говорит эти слова не одним языком, а всем сердцем, то такому человеку ничего больше не нужно. [71]

..Бог есть любовь, и (...) поэтому и смерть – такое же благо, как и жизнь... [72]

Если эта жизнь благо, то и всякая другая тоже. И наоборот. И потому, чтобы не бояться смерти, нужно уметь видеть только благо этой жизни. [73]

– 5 –

Когда я думаю о смерти, мне радостно думать о том, как я проснусь к той жизни

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то так же точно, как я просыпался к этой в раннем детстве. [74]

Можно только то сказать, что новая жизнь начнётся так же, как эта, уяснением своего положения в новых условиях. [75]

Мы не имеем никакого основания думать, что после смерти мы соединимся с Богом (...). Жизнь, которую мы знаем, есть постоянное увеличение любви. Это – не только основное свойство жизни, но сама жизнь. И потому, если мы предполагаем жизнь за гробом, то эта жизнь должна быть в основе такая же, как и та, которую мы знаем, хотя и в формах, теперь непостижимых для нас. [76]

...Смерть есть только перемена должности. [77]

Человек не может быть совершенным и безгрешным, он может только более или менее приближаться, и в этом приближении весь смысл его жизни. В этом жизнь. Я даже думаю, что жизнь после смерти будет состоять, хотя и в совершенно другом виде, но опять только в приближении к совершенству. [78]

Я думаю, что как в этой жизни дело наше только в том, чтобы проявлять и разжигать в себе искру божью, так и после смерти дело будет то же, хотя и в другой форме, о которой мы здесь понятия иметь не можем, и потому смерть не изменяет нашего дела, а только ставит нас в новые (...) условия. [79]

– 6 –

Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждёт вас. Жизнь ваша совершается в виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя в будущем, то вы сами знаете, что в будущем для вас одно: смерть. И эта смерть разрушает всё то, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не может иметь никакого смысла. Если есть жизнь разумная, то она должна быть такая, цель которой не в жизни для себя в будущем. Чтобы жить разумно, надо жить так, чтобы смерть не могла разрушить жизни. Со дня рождения положение человека таково, что его ждёт неизбежная гибель, т. е. бессмысленная жизнь и бессмысленная смерть, если он не найдёт такой жизни, которая не разрушалась бы смертью. И такую истинную жизнь Христос открывает людям. Он показывает людям, что вместе с той личной жизнью, которая есть несомненный обман, есть другая, истинная, жизнь, дающая благо человеку, жизнь, которую знает всякий человек в своём сердце. Это – жизнь любви. Учение Христа есть учение о призрачности личной жизни, об отречении от неё и о перенесении смысла и цели жизни в жизнь всего человечества... [80]

Желать удержать свою личность – это значит лишиться себя всей прелести новой жизни. [81]

Ты боишься смерти, но подумай о том, что бы было с тобою, если бы ты должен был вечно жить таким, каков ты есть. [82]

Наша иллюзия, что при смерти жизнь кончается, происходит оттого, что мы форму жизни считаем за жизнь: как если бы человек считал, что не вода в пруду, а самая форма пруда есть предмет. Тогда, как только бы ушла вода из пруда, он думал бы, что уничтожилось то, что было пруд. [83]

...Мы не говорим, что гусеница умерла, когда она засохла сверху; так же мы и не име[ем] основания говорить, что человек умер, когда организм его перестал существовать. [84]

Вся мудрость мира в том, чтобы перенести свою жизнь из формы в содержимое и не направлять свои силы на сохранение формы, а на то, чтобы течь. [85]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Мы всегда желаем идти вперёд: из дитяти стать юношей, из юноши – мужем; я желал
и старости, и желаю смерти, потому что это всё ближе и ближе к благу. [86]

Всё на свете начинается, продолжается и проходит. Так плоды земли и времена
года. Мудрые люди, приближаясь к смерти, видят в смерти то же самое, что
делается с плодами земли и временами года. [87]

Всё на свете растёт, продолжительно изменяется, делая спиральные круги. Так, по
крайней мере, нам кажется; и жизнь людей – круг спирали завершается в этой
жизни, – так и животные, и растения, и планеты. [88]

Как молодости радостно сознание роста, так старости должно быть радостно
сознание распада ограничивающих пределов. [89]

...Смерти нет, а есть ряд изменений, совершающихся со всеми нами, в числе которых
одно из самых значительных есть смерть... [90]

То, что мы называем земной жизнью, всей нашей жизнью, есть только одна из
обязанностей, должностей всей жизни – земная жизнь есть одна из форм –
теперешняя – служения и роста и относится ко всей жизни, как одно из исполнений
обязанности слуги относится ко всей его жизни. И что мне за дело, если те, с
которыми я имею по этой должности дело теперь, будут недовольны мной. Только бы
хозяин был доволен. [91]

Одна из главных причин наших ошибок в жизни в том, что мы забываем, что мы здесь
не пребываем, а путешествуем... [92]

Видел во сне, что мне говорит кто-то: «Помни, что ты едешь, а не стоишь. В этом
всё». [93]

Необходимое условие хорошей, разумной жизни есть понимание этой жизни как
неперестающего движения к прекращению её (этой жизни) и изменению её. Надо
остерегаться привыкать к этой жизни, как привыкать к экипажу, в котором едешь до
места. [94]

...Ясно, ярко представилось мне такое понимание жизни, при котором мы бы
чувствовали себя путниками. Перед нами одна станция в знакомых, одних и тех же
условиях. Как же можно пройти эту станцию иначе, как бодро, весело, дружелюбно,
совокупно деятельно, не огорчаясь тому, что сам уходишь или другие прежде тебя
уходят туда, где опять будем все, ещё больше вместе. [95]

Здоровье моё очень слабо: очевидно, приготавливаюсь к большому путешествию.
Когда мне, как обыкновенно, говорят на это, что это неправда, поживёте ещё, и
тому подобное, то это мне так же странно, как если бы человеку, который
собирается ехать за границу, говорили, что это неправда, поживёте ещё здесь, и
т. п. [96]

...Жизнь земная кончилась. Точно читал, читал книгу, которая становилась всё
интереснее и интереснее, и вдруг на самом интересном месте кончилась книга, и
оказывается, что это только первый том неизвестно сколь многотомного сочинения,
и достать продолжения здесь нельзя. Только за границей на иностранном языке
можно будет прочесть его. А наверно прочтёшь. [97]

Боюсь ли я смерти? Нет. Но при приближении её или мысли о ней не могу не
испытывать волнения вроде того, что должен бы испытывать путешественник,
подъезжающий к тому месту, где его поезд с огромной высоты падает в море или

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
поднимается на огромную высоту вверх на баллоне. Путешественник знает, что с ним
ничего не случится, что с ним будет то, что было с миллионами существ, что он
только переменит способ путешествия, но он не может не испытывать волнения,
подъезжая к месту. Такое же и моё чувство к смерти. [98]

...В этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека. Желание не в
смерти, не в самой смерти, а в том движении жизни, которое ведёт к смерти.
Движение же это есть освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала,
которое живёт в каждом человеке. Я чувствую это теперь, освободившись от большей
части того, что скрывало от меня сущность моей души, её единство с Богом,
скрывало от меня Бога. [99]

– 7 –

Страх смерти или, скорее, какое-то недоумение перед смертью происходит оттого,
что мы приписываем реальность времени (и пространству), приписываем реальность
иллюзии, форме. Приписываем же реальность времени потому, что не сознаём в себе
вневременного. [100]

Веру в бессмертие нельзя принять от кого-нибудь, нельзя себя убедить в
бессмертии. Чтобы была вера в бессмертие, надо, чтобы оно было, а чтобы оно
было, надо понимать свою жизнь в том, в чём она бессмертна. [101]

И рождаются, и живут люди только как некоторые подробности бога, которые поэтому
уничтожиться не могут, – скрыться из глаз наших могут, но не уничтожиться. [102]

Если будет жизнь – где бы и какая бы она ни была, или иначе, если есть жизнь, то
есть и я. Жизнь это – я. Без меня нет жизни. Это очень важно. Это ответ на
вопрос: кончается ли жизнь со смертью? Если бы с уничтожением я, т. е. сознания,
уничтожалась жизнь, то я бы сказал и знал, что уничтожается и я. Но жизнь
продолжается, поэтому должно продолжаться и я. Жизни нет без я. Когда я вижу,
что человек умирает, и мне перестают быть видимы проявления его сознания, то это
не доказывает того, чтобы уничтожилось то, что создаёт. [103]

Смерть есть перемена или исчезновение предмета сознания. Само же сознание так же
мало может быть уничтожено смертью, как перемена зрелища может уничтожить
зрителя. [104]

Никто не доказал – и не может доказать, что жизнь только в теле и не может быть
без тела. Утверждать это всё равно, что утверждать, что солнце зашло, что
кончилось солнце.

Надо прежде решить, что такое жизнь? То ли, что я вижу в других, как она
начинается и прекращается, или то, что я знаю в себе. Если она то, что я знаю в
себе, она только и есть, и потому она не может уничтожиться. То же, что в телах
передо мной кончаются процессы, соединённые с жизнью во мне и других существах,
показывает мне только то, что жизнь куда-то уходит из моих чувственных глаз.
Уйти же, уничтожиться она никак не может, потому что, кроме неё, ничего нет в
мире. [105]

...То, что представляется человеку смертью, есть только для тех людей, которые
полагают свою жизнь во времени. Для людей же, понимающих жизнь в том, в чём она
действительно заключается, в усилии, совершаемом человеком в настоящем для
освобождения себя от всего того, что препятствует его соединению с богом и
другими существами, нет и не может быть смерти. [106]

Есть в этой жизни такое состояние, при котором не видишь смерти, а видишь и
сознаёшь только жизнь вечную. Как бы в туннеле есть такое положение, в котором
видишь свет, – это положение по направлению туннеля. И в жизни то же, если
стоишь по направлению воли бога, то видишь жизнь вечную, станешь к ней боком – и
видишь мрак. Вера в бессмертие даётся не рассуждением, а жизнью. [107]

Я люблю свой сад, люблю читать книжки, ласкать детей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мне не хочется умереть, и я боюсь смерти. Может случиться, что вся моя жизнь составлена из таких временных мирских желаний и их удовлетворений. Если так, то мне нельзя не бояться того, что прекратит эти желания. Но если эти желания и их удовлетворение заменялись во мне и заменились другим желанием исполнять волю Бога, отдаться ему в том виде, в котором я теперь, и во всех возможных видах, в которых я буду или есмь, – то чем больше они заменились, тем меньше не столько мне страшна смерть, – но тем меньше существует для меня смерть. А если они заменились совсем, то и нет ничего, кроме жизни, и нет смерти. Заменять мирское, временное вечным, это – путь жизни, и по нём-то надо идти нам. А как – это в своей душе знает каждый из нас. И вы знаете, когда пощете у себя в глубине сердца. [108]

Истинная цель жизни в том, чтобы узнать жизнь бесконечную. [109]

Живущий жизнью истинной так уверен в неистребимости его жизни, что не может жалеть этой жизни, как не может жалеть тратить воду тот, кто стоит у неиссякаемого источника её. [110]

Чем меньше страха смерти, тем больше свобода, спокойствие, сознание могущества духа и радость жизни. При полном освобождении от этого страха, при полном сознании единства жизни этой с бесконечной, истинной жизнью должно быть полное, ничем ненарушимое спокойствие, сознание своего всемогущества и блаженства. [111]

Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится её, тому принадлежит всё. [112]

Голос, который говорит нам, что мы бессмертны, есть голос живущего в нас Бога. [113]

Если (...) мы будем утверждать, что смерть уничтожает всё то, что составляет наше «я», это будет (...) произвольно и прямо противоречивое разуму, потому что в нашем «я», как и во всём существующем, есть нечто истинное и непреходящее; если же я признаю своим «я» это непреходящее, то очевидно, что я не уничтожусь. [114]

Человек, сознавая своё духовное существо, не может уничтожиться. [115]

Любовь к добру и вера в бессмертие – нераздельны. [116]

Я совершенно основательно боялся уничтожения в смерти, когда во мне не было истинной жизни (в молодости) – теперь, имея эту жизнь, не могу себе представить уничтожения. Мне удивительно хорошо. [117]

Вся жизнь была только увеличение и укрепление своего божественного сознания. Как же может оно уничтожиться? Мы не сомневаемся в том, что в материальном мире ничто не исчезает, ни материя, ни энергия. Как же думать, что уничтожится духовное существование? [118]

...Почувствовал верность, близость, радость смерти, т. е. перехода в другую жизнь. В будущую жизнь можно смотреть через два окна: одно внизу, на уровне животного: в окно это виден один ужасный мрак, и страшно; другое окно выше, на уровне духовной жизни, и через него открывается свет и радость. [119]

Обычно мы начало жизни определяем рождением, а смерть – прекращением

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то физиологических процессов. Но мы можем определять пределы её и иначе: не физиологически, но психологически: можем называть жизнью только то, что совершается при сознании личности, и тогда жизнь начнётся не с рождения и кончится не физической смертью. [120]

Человек, живущий одной животной жизнью, не может не верить в полное уничтожение всего со смертью, не может не думать, не верить так, пока живёт животную жизнью; и потому не может не бояться смерти. [121]

Ta twam asi (Tat twam asi (санскр.) – то ты есть). Ты это я. Смерть есть распадение известных соединений. Дух не соединение, а простое. И потому не подлежит смерти и также рождению. [122]

Кто видит смысл жизни в усовершенствовании, не может верить в смерть, – в то, чтобы усовершенствование обрывалось. То, что совершенствуется, только изменяет форму. [123]

Не верят в бессмертие, т. е. в неуничтожаемость высшей, самой драгоценной сущности нашей жизни, только те, которые ещё не познали этой сущности вроде того, как слепые кроты не верят в солнце.

И доказывать им существование солнца так же невозможно, как совершенно бесполезно доказывать существование его зрячим. [124]

...Бояться смерти мы можем только тогда, когда забываем о том духовном начале в нас, которое произошло от бога, а полагаем свою жизнь в том телесном существе, которое неизбежно умирает и приближается к смерти всякую минуту нашей жизни. Когда же мы делаем то, что свойственно разумному существу: полагаем свою жизнь в том духовном начале, которое произошло от бога, то страха смерти не может быть. Я знаю, что я исшёл от бога и, умирая, иду к нему. Бог же есть любовь, мы иначе не можем себе представить его, и потому, возвращаясь к богу, кроме блага, от этого возвращения ничего ждать не можем. [125]

Нынче (...) испытал без всякой внешней причины особенно сильное и мало сказать: приятное, а серьёзное, радостное чувство совершенного отпадения не страха даже, а несогласия со смертью. (...) Чувство это подобно тому, что бы испытал человек, узнав неожиданно для себя, что там, где он считал себя вдали от дома, он подле него, и что то, что он считал чем-то странным и чуждым, есть самый дом его. [126]

Живи той частью твоей души, которая сознаёт себя бессмертной, которая не боится смерти. Эта часть души есть любовь. [127]

Только тогда легко умирать и радостно, когда устанешь от своей отделённости от мира, когда почувствуешь весь ужас отделённости и радость соединения, если не со всем, то хотя бы выход из тюрьмы здешней отделённости, где никто не понимает, не знает, не хочет понимать и знать тебя (хотел сказать: ни тебя, ни Бога), когда только изредка общаешься, как перелетающими электрическими искрами любви. Так хочется сказать: довольно этой клетки. Дай другого, более нужного мне общения. [128]

...что ближе к смерти, то радостнее жизнь. Как будто по мере количественного уменьшения она в несоразмерно большей степени увеличивается качественно. [129]

Помогай вам бог (...) всё больше жить истинной жизнью и, приближаясь к смерти, всё больше и больше уходить от неё. [130]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Чувствую себя всё более и более близким к смерти, и потому часто чувствую себя
более живым. – Как-то все явления мира всё более и более теряют свою реальность,
и не в мыслях, не вследствие философствования, а прямо непосредственно
изменилась как будто декорация, и я вижу, что за ней. А за ней истинная
реальность, такая же, как и та, которую я чувствую в себе. [131]

...Мне надо бы сделать большое усилие, чтобы бояться перехода. Как прежде, когда я
считал своим я – своё животное, я не мог представить себе жизни после смерти,
так теперь я не могу представить себе прекращения жизни при смерти. [132]

...Смерть всё больше и больше, и в последнее время так стала мне близка, не
страшна, естественна, нужна, так не противоположна жизни, а связана с ней как
продолжение её, что бороться с ней свойственно только животному инстинкту, а не
разуму. [133]

Вот кабы дожить до этого, чтобы, как в детстве, живёшь весело и бодро, с
всегдашним ожиданием ещё лучшего воскресенья, праздника, когда не будешь
учиться, а будут разные новые удовольствия. Кабы так смотреть на смерть! А
можно, и даже должно. Если мы сыны божи и живём духовной жизнью, то смерть
должна быть не пугало, а радостная надежда и поощрение. [134]

– 8 –

Смерть и рождение два предела. За этими пределами одинаковое что-то. [135]

Когда люди умирают, куда они уходят? А туда, наверное, откуда приходят те люди,
которые рождаются. (...)

Человек выходит из дома и работает, и отдыхает, и ест, и веселится, и опять
работает, и, когда устанет, возвращается домой. [136]

Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти.
Какое счастье, что этого нет! Какое бы было мучение, если бы я в этой жизни
помнил всё дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей
жизни. А если помнить хорошее, то надо помнить и всё дурное. Какое счастье, что
воспоминание исчезает со смертью и остаётся одно сознание, – сознание, которое
представляет как бы общий вывод из хорошего и дурного, как бы сложное уравнение,
сведённое к самому простому его выражению: $x =$ равно положительной или
отрицательной, большой или малой величине. Да, великое счастье уничтожение
воспоминания, с ним нельзя бы жить радостно. Теперь же, с уничтожением
воспоминания, мы вступаем в жизнь с чистой, белой страницей, на которой можно
писать вновь хорошее и дурное. [137]

Есть люди, одарённые в сильной степени нравственным и художественным чувством, и
есть люди, почти лишённые его. Первые как бы сразу берут и знают интеграл. А
вторые делают сложные вычисления, не приводящие их к окончательным выводам.
Точно как будто первые проделали все вычисления где-то прежде, а теперь
пользуются результатами. [138]

– 9 –

...Как ни важно хорошо жить, едва ли не важнее всего хорошо умереть. Дурная,
непокорная смерть ослабляет влияние хорошей жизни; хорошая, покорная, твёрдая
смерть искупляет дурную жизнь. [139]

...Самая кажущаяся хорошей и значительной жизнь может сделаться ничтожной
последними годами или часами, и наоборот. [140]

Равновесие

Надо жить, проходя между двумя одинаково опасными утёсами Харибды и Сциллы:
желания умереть и желания продолжать жить. Хотеть умереть – не будешь работать,
не хотеть умереть – значит, что работаешь для себя, а не для Бога. [1]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

...Работа (...) не только не есть сама в себе добродетель (...), а может быть если не пороком, то причиною его; человек, увлекаясь работой, как пьянством, пренебрегает своей духовной жизнью, ставит обязанности перед делом впереди обязанности перед людьми... [2]

Как человек, живущий для славы людской, жертвует своей животной личностью для славы, но не может пренебрегать ею вполне, потому что она, его животная личность, есть необходимое условие его деятельности для приобретения славы, так же точно и человек, живущий для исполнения воли Бога, жертвуя и личностью, и славой людской для исполнения воли Бога, не может вполне пренебрегать ни телом, ни славой людской, потому что и то, и другое суть орудия исполнения воли Бога, может соблюдать их в той мере, в которой они нужны для исполнения воли Бога. Трудно найти эту середину – лезвие (...), и аскетизм для аскетизма, и юродство для юродства – грех. [3]

В мечте есть сторона, которая лучше действительности; в действительности есть сторона, которая лучше мечты. Полное счастье было бы соединением того и другого. [4]

Я могу временами жить для Бога, помня смерть, думать только о своей душе, об улучшении её таком, какое нужно не только здесь, но и там. Могу и жить для этой жизни, отдаваясь своим стремлениям. Но того, чтобы соединить и то, и другое, этого я не могу. А это одно и нужно. [5]

Нет успокоения ни тому, который живёт для мирских целей среди людей, ни тому, который живёт для духовной цели один. Успокоение только тогда, когда человек живёт для служения Богу среди людей. [6]

Живя с людьми, не забывай того, что ты узнал в уединении. И в уединении обдумывай то, что узнал из общения с людьми. [7]

Совершенствоваться нельзя, живя постоянно в суете мирской, и ещё меньше возможно, живя постоянно в уединении. Самое выгодное условие для совершенствования это – то, чтобы в уединении вырабатывать и утверждать своё мировоззрение и потом, живя в мире, применять его к делу. [8]

Действительно существует только «я» – моё сознание. Скажут: «если так, то ничего нет; нет жизни или смысла её». Это неправда. Жизнь в уяснении, а это уяснение может происходить только в мире временном и пространственном, который сам в себе не имеет значения, но необходим для работы уяснения сознания. [9]

Ничто духовное не приобретается духовным путём: ни религиозность, ни любовь, ничто. Духовное всё творится материальной жизнью, в пространстве и времени. Духовное творится делом. [10]

...Для чего Бог, существо духовное, единое и нераздельное, заключил себя в отдельные тела существ и в тело отдельного человека? Для чего существо духовное и единое как бы разделилось само в себе? Для чего божественная сущность заключила себя в условия отдельности и телесности? Для чего бессмертное заключено в смертное, связано с ним?

И ответ может быть только один: тот, что сделалось это для того или потому, что только при этой отдельности существ есть стремление к благу и осуществление его. [11]

Не будь нераздельного духовного существа, заключённого в пределы, не было бы жизни. Жизнь есть единство в разделённости, или разделённость в единстве. [12]

...Только во времени и пространстве, т. е. в состоянии отделения себя от Всего, может быть жизнь, т. е. движение, т. е. стремление к расширению, просветлению. Если бы не было отделения частей, не было бы движения, не было бы жизни. Бог, говоря общепринятым языком, был бы неподвижный, один; теперь же Он живёт с нами, нами – всеми существами мира...

(...) Без ограничения пространства и времени не было бы нас, не было бы блага нашей жизни, состоящей в расширении, просветлении. Так что не жаловаться надо на наше ограничение, а радоваться, благодарить за него. [13]

Только благодаря времени, движению, возможно осуждение себя, раскаяние и, вследствие этого, радость духовного роста.

Только благодаря пространству, отделённости, возможна любовь и радость её.

Для не движущегося и не отделённого существа – для Бога – нет ни радости духовного роста, ни блага любви. [14]

Временная жизнь в пространстве даёт мне возможность сознавать свою безвременность и духовность, т. е. независимость от времени и пространства.

(...) Если бы не было движения во времени и вещества в пространстве, я бы не мог сознавать свою бестелесность и вневременность: не было бы сознания.

(...) Только сознание своего неизменяющегося, бестелесного «я» даёт мне возможность постигать тело, движение, время, пространство. И только движение вещества во времени и пространстве даёт мне возможность сознавать себя. Одно определяет другое. [15]

Если бы вещество, через которое проходит божественная сущность, было не ограничено пределами, божественная сущность была бы во всём, и не было бы вещества, и не было бы движения, была бы нирвана; если бы через вещество не проходила божественная сущность, то не было бы ни вещества, ни движения. [16]

Великая задача соединить жизнь в Боге – вечную с жизнью мирской – здесь. [17]

Духовное и материальное – коромысло весов. [18]

Идеал. Движение к цели

Идеал – это путеводная звезда. Без него нет твёрдого направления, а нет направления – нет движения, нет жизни. [1]

Вера есть необходимое условие жизни. То, во что надо верить – тайна – есть условие всякой жизни – движения. Без тайны не было бы возможности движения вперёд к неизвестному. Если бы я был там, куда я иду, я не шёл бы. Движение к этому неизвестному и есть жизнь. Любовь к этому неизвестному есть вера. [2]

Избави Бог жить только для этого мира. Чтобы жизнь имела смысл, надо, чтобы цель её выходила за пределы этого мира, за пределы постижимого умом человеческим. [3]

Только отрешившись от знания близкой, понятной цели и признав, что конечная цель нам недоступна, мы увидим последовательность и целесообразность... [4]

Пчела, сидевшая на цветке, ужалила ребёнка. И ребёнок боится пчёл и говорит, что цель пчелы состоит в том, чтобы жалить людей. Поэт любит пчелой, впивающейся в чашечку цветка, и говорит, что цель пчелы состоит во впивании в себя аромата цветов. Пчеловод, замечая, что пчела собирает цветочную пыль и сладкий сок и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то приносит их в улей, говорит, что цель пчелы состоит в собирании мёда. Другой пчеловод, ближе изучив жизнь роя, говорит, что пчела собирает пыль и сок для выкармливания молодых пчёл и выведения матки, что цель её состоит в продолжении рода. Ботаник замечает, что, перелетая с пылью двудомного цветка на пестик, пчела оплодотворяет его, и ботаник в этом видит цель пчелы. Другой, наблюдая переселение растений, видит, что пчела содействует этому переселению, и этот новый наблюдатель может сказать, что в этом состоит цель пчелы. Но конечная цель пчелы не исчерпывается ни тою, ни другою, ни третьею целью, которые в состоянии открыть ум человеческий. Чем выше поднимается ум человеческий в открытии этих целей, тем очевиднее для него недоступность конечной цели. [5]

Идеал только тогда идеал, когда осуществление его возможно только в идее, в мысли, когда он представляется достижимым только в бесконечности и когда поэтому возможность приближения к нему бесконечна. [6]

...Действительная истина есть та, которую мы знаем достоверно, – это есть то, что никогда не существовало. Идеал есть единственная вещь, которую мы с уверенностью признаём. Только благодаря ему мы что-то знаем, и в силу этого только идеал может нами руководить... [7]

Истинная жизнь состоит в том, чтобы в этой жизни достигать цели, которая вне её. [8]

Когда ставят себе цель видимую, определённую, идеал, который надо достигнуть, так это опасно. А следует знать, что есть путь, по которому надо идти, а куда приведёт, не знаю... (...)

(...) Такое состояние представлять себе, что я рождаюсь, двигаюсь. [9]

...Разве может быть цель для жизни мира и жизни людей (когда они сливают свою жизнь с жизнью мира). Понятие цель есть понятие ограниченности человеческого разума, вроде понятий награды и наказания, и потому понятие, неприложимое к жизни мира. Если есть цель, то она должна быть достигнута, и тогда конец. Для мира вообще есть только жизнь, для участников в жизни мира есть и может быть только направление, путь. (...)

(...) Чтоб перековать копыта на орала и чтоб ягнёнок лежал со львом. Вот цель, подобная этой, мерещится мне, но я не дорожу ею, знаю, что она далеко не исчерпывает всего. Мне дорога только верность направления пути. [10]

Нехорошо, (...) когда из-за ближайшей конечной цели забывается бесконечная, т. е. направление... [11]

Самая обыкновенная ошибка (...) в том, чтобы думать, что, узнав путь к идеалу, вы можете достигнуть его. Если бы идеал был достижим, он бы не был идеал, и если бы люди достигли его, жизнь бы кончилась. Идеал всегда недостижим, но из этого не следует то, что надо махнуть на него рукой и не следовать идеалу, а только то, что надо все силы свои полагать на всё большее и большее приближение к нему. В этом приближении и жизнь, и её благо. [12]

Никто из живых людей никогда не исполнит волю бога вполне. Но из того, что мы будем видеть и знать, что вполне воля бога не исполняется, не следует то, что надо вперёд задаваться мыслью исполнять волю бога не вполне, а отчасти (это самый и обычный, и ужасный грех людской), а, напротив, постоянно и всегда стремиться к тому, чтобы исполнить её вполне. Ищите царствия божия и правды его, а остальное приложится. [13]

Цель – вся последняя цель, скрыта от нас, как и не может быть иначе для того ограниченного разума, которым мы обладаем. Но вполне ясно для нас то, чего хочет от нас хозяин: та ближайшая цель, к которой мы стремимся. Цель эта, – как

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
говорит нам высшая мудрость людская, наш разум и опыт, и наше чувство, есть
приближение всё к большему и большему совершенству всего существующего. Средства
для этого есть единение всех существ, достигаемое для каждого отдельного лица
устранением всего того, что мешает единению и увеличению в себе любви. [14]

...Два различных мировоззрения: одни люди считают, что нужно действовать в виду
указываемой нам нашим рассудком и разумом видимой цели наибольшего блага людей,
и средствами, тоже указанными нам нашим рассудком и разумом; другие, – мы, –
считаем, что нужно действовать для не видимой нам цели, приближение к которой
достигается исполнением указанной нам в нравственном законе воли божьей,
отступление от которой ради близоруких указаний наших рассудка и разума всегда
составляло главный соблазн, породивший и поддерживающий зло в мире.

Разница в том, что первые верят в свой разум, в то, что цель, указываемая им их
разумом, есть действительная, настоящая цель жизни; вторые же верят в то, что
исполнение воли бога – нравственного закона, как бы оно ни странно казалось
нашему разуму, самым сильным, действительным и быстрым способом ведёт к
достижению того самого царства божия на земле, которое мы предугадываем и
предчувствуем... [15]

..Вопрос зачем? есть условие нашей отделённости, есть признак нашей слабости. Для
Бога нет: зачем? Зачем есть только для нас, для существ отделённых, частичных,
смутно сознающих то, что жизнь их есть служение. И потому при каждом поступке
возникает вопрос, который, собственно, значит: то ли я делаю, что мне велено.
Цель есть такое же показывающее неполноту человека и его разума условие, как
пространство и время. [16]

Мы, люди (...) – орудия высшей силы. То, что делает нашими жизнями эта Высшая
Сила, мы не знаем и не можем знать, как не знает клеточка моего тела, что я
делаю и для чего. И потому всякая мною поставленная себе цель, не совпадая с
недоступной мне целью Высшей Силы, нарушает исполнение этой цели. Не настолько,
чтобы цель эта не достигалась – цель эта тем или иным способом всегда
достигается – но настолько, что я лишён блага чувствовать – сознавать единство
своей жизни с Высшей Силой. Так что цель, к достижению которой свойственно
стремиться человеку, не может быть целью, доступная человеку, а может быть только
одна: слияние с волей Бога. Слияние это достигается любовью. [17]

Для того, чтобы найти благо своё, надо стремиться к благу других. Лучшее,
единственное средство служить себе, это служить людям (...). Для того, чтобы
содействовать благу людей, для того, чтобы служить людям, надо служить Богу, т.
е. не иметь целью благо людей, а только исполнение воли Бога (...), и достигнешь и
блага людей, и своего. – Это непреложный закон. [18]

..Ни одна цель не достигается прямым стремлением к ней, а всегда попутно при
стремлении к высшей цели. (...) Сознание своей participation (причастность (фр.))
с Божеством неизбежно ведёт к нравственной жизни; к поступкам нравственным и к
воздержанию от безнравственных. [19]

«Человек слаб, надо дать задачу по силам», – говорят люди. Это всё равно, что
сказать: руки мои слабы, и я не могу провести линию, которая была бы кратчайшая
между двумя точками; поэтому я, чтобы облегчить себя, желая проводить прямую,
возьму за образец кривую или ломаную.

Чем слабее моя рука, тем совершеннее мне нужен образец. [20]

..Идеал – только тогда идеал, когда он СОВЕРШЕНСТВО. Направление только тогда
может быть указано, когда оно указывается математически, не существующей в
действительности, прямой. [21]

..В действительной жизни всякий поступок лучшего человека и вся его жизнь всегда

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то будут только практическим компромиссом – взаимодействующей между его слабостью и его стремлением к достижению совершенства. И такой компромисс на практике – не есть грех, но необходимое условие всякой христианской жизни.

Великий грех же есть компромисс в теории, намерение понизить идеал Христа с целью сделать его осуществимым. (...)

(...)

(...) Чем больше мы будем хранить в памяти идеал прямой линии как кратчайшего расстояния между двумя точками, тем ближе мы подойдем к проведению прямой линии в действительности. Чем чище мы сохраним идеал совершенства Христа в его недостижимости, тем ближе подойдем к нему в действительности. [22]

Отступление в приложении к действительности от закона (идеала) не преступно, но неизбежно и не есть сделка (компромисс) в смысле нехорошего чего-то. Сделка есть признание вперёд того, что всего закона (...) я сейчас исполнить не могу, и только такая сделка дурна. (...) Положим, я знаю и верю, что собственности никогда нигде никакой я не могу иметь (...), и живу. Живу и, судя по прошедшему и по наблюдению других, могу предположить, что я не осилю всего, но что я согрешу; но надеюсь, прошу Бога и решаюсь идти прямо. Хочу идти прямо, и грешу, является и грех, который я таким и знаю, в котором каюсь, но не делаю сделки, обмана перед Богом. – А обман этот много хуже греха, это хула на Святого Духа. [23]

...Истину, или, скорее, сознание её, нельзя урезывать по действительности. Уж пускай действительность устраивается, как она знает и умеет, по истине. Ведь пугаться тем, что действительность не сходится с истиной, это всё равно, что в математике испугаться иррациональной величины. [24]

Если мы всеми силами души будем стремиться к тому, чтобы не отступить от идеального руководящего принципа, мы по слабости своей всё-таки невольно сделаем уступку. Если же мы вперёд решим, что мы должны сделать компромисс, мы не только уступим гораздо больше, чем в первом случае, но потеряем руководящую нить и рискуем совершенно заблудиться. [25]

Я иду, давлу муравьёв, я не могу предотвратить этого. Но не нужно умышленно убивать, а если неумышленно, то ничего не сделаешь. Главное, помнить, что жизнь в стремлении к идеалу, а воплотить его нельзя. [26]

...Говорит, что не нужно милосердие, любовь, нужно только justice (справедливость (фр.)). Это справедливо, но для того, чтобы в действительности была justice, нужно, чтобы в стремлении, в идеале было самоотречение, любовь. Для того, чтобы был честный брак, нужно стремление к полному целомудрию. Для того, чтобы было истинное знание, нужно стремиться к познанию духовного мира. (Тогда будет знание материального. А иначе будет невежество.) Для того, чтобы было справедливое распределение услуг, надо стремиться отдать всё, ничего не беря себе. (А иначе будет грабёж чужого труда.) Для того, чтобы попасть в цель, надо целить выше и дальше её. Для того, чтобы подняться высоко на исполинских шагах, надо бежать прочь от столба. [27]

Николаю Рериху (Николай Константинович Рерих (1874–1947) – русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, общественный деятель.) о его картине «Гонец»:

«Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесёт. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь всё снесёт. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывёт». [28]

Пока человек в этой жизни, он не может ни всего отдать, ни всего понять. И всё-таки он должен стараться отдать и понять как можно больше. И чем больше

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то отдашь и поймёшь, тем больше блага. [29]

Если бы не было (...) несогласия идеала с действительностью, не было бы постоянного движения всего живущего к идеалу, к всё большему совершенству – не было бы никакой жизни. Только в этом и жизнь. [30]

Если бы могло осуществиться всё то, чего хочет ваша душа и что мы знаем, что должно быть, не было бы жизни. (...)

..Жизнь наша никогда не бывает идеальна и не может быть таковой, потому что в ограниченном теле живёт безграничное духовное начало, и вся жизнь наша есть только непрестанное освобождение духовного начала от тела, всё большее и большее подчинение тела духовному началу... (...)

..Мы не боги, а люди, т. е. соединение бога с животным. Вы скажете: зачем это соединение? Так говорят многие. – Затем, чтобы иметь истинное благо жизни, потому что если бы люди были боги без тела, не было бы истинного блага жизни. Точно так же не было бы его, если бы они были только животные.

Так что на вопрос, зачем это соединение бога с животным, мой ответ: затем, чтобы люди имели благо жизни – всегдашнего, ничем ненарушимого, сознательного, произвольного приближения к совершенству – богу.

Если же вы спросите ещё: зачем же такое живое представление идеала, такая неудержимая потребность достигнуть его, и сознание невозможности этого, я отвечу, что это затем, чтобы поставить человека в такие условия, при которых он мог бы не переставая стремиться и достигать. [31]

Положение человека, идущего вперёд к благу, которое всё отодвигается от него, подобно тому, что, как говорили мне, делают с упрямыми лошадьми. К оглоблям впереди их утверждают кусок хлеба с солью так, что лошадь чует его, но не может достать. И она тянется и движется, желая достать хлеб, но это самое движение отодвигает хлеб, и так до бесконечности. То же и с людьми: благо никогда не достигается, потому что при достижении одного блага сейчас же представляется новое. А благо – совершенство бесконечное, как Бог.

Какой же из этого вывод?

А только тот, что человек может и должен знать, что благо его жизни не в достижении стоящей перед ним цели, а в движении для цели высшей, недоступной ему. [32]

Лучше верить в самое отдалённое и невозможное добро, чем верить в то, что хотя бы самое малое зло свойственно людям. [33]

Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живёт нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству. [34]

Для того, чтобы делать добрые дела, быть радостным, надо не вспоминать свои дела, считая их добрыми, а, напротив, не переставая видеть перед собой высший идеал свой – совершенство, и все совершённые дела считать ничтожными, а важным и доставляющим радость считать только всё дальнейшее движение на пути к идеалу – совершенству. [35]

Для исповедующего христианское учение достижение всякой ступени совершенства вызывает потребность вступления на высшую ступень, с которой открывается ещё высшая, и так без конца. Разумный человек всегда чувствует себя несовершенным, не видя позади себя пути, который он прошёл, а видя всегда впереди себя тот путь, по которому ещё надо идти и который он не прошёл ещё.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
Беда, если он удовольствуется тем положением, в котором находится. Он не только
остановится, но пойдёт назад. [36]

В том, что в жизни своей не соответствуешь тому идеалу, который ставишь себе,
нет ничего дурного и потому мучительного; дурно то, когда, оглянувшись назад, не
видишь ни малейшего приближения к идеалу, когда перестаёшь примеривать свою
жизнь к идеалу. Когда идеал самый становится неподвижным, а не отдаляется ещё и
ещё по мере приближения к нему, представляя новые и новые черты. Вот этого
бойтесь... [37]

Не унывайте о том, что жизнь наша не такая, какую бы вы желали её видеть. Это
участь всех тех, кто стремится к христианскому совершенству. Страшно не то,
чтобы не достигнуть того, чего для себя, для своей души хочешь, а страшно то,
чтобы, не достигнув этого, перестать хотеть этого. [38]

Если человек говорит: не стоит бороться с грехами, потому что сколько ни бейся с
ними, никогда не будешь совсем чист от них, – то он говорит то же, что сказал бы
человек про пищу: не стоит меня кормить, всё равно опять буду голоден. С грехами
надо бороться не для того, чтобы совсем освободиться от них, а для того, что
только в этой борьбе жизнь человеческая. [39]

Не было бы грехов, не было жизни. Не было бы освобождения от грехов, тоже не
было бы жизни. [40]

Говорят, существующее разумно; напротив, всё, что есть, всегда неразумно.
Разумно только то, чего нет, что рассудители называют фантазией. Если бы то, что
есть, было бы разумно, не было бы жизни; и точно так же её не было бы, если бы
не было разумно то, чего нет (т. е. идеала).

Жизнь есть только вечное движение от неразумного к разумному. (...)

...Если есть жизнь, то есть дело жизни, которое должно быть сделано. И живущие
делают это дело. И если в мире есть дело, которое нужно сделать, то, очевидно,
мир несовершенен, а есть представление и возможность его большего совершенства.
[41]

Ошибка ужасная представлять себе мир сотворённым. Мир не сотворён, а он
творится. И жизнь есть ничто иное, как творение. И мы, люди, орудия творчества.
Мы творим мир по воле Бога. [42]

Препятствиями растём. Польза страданий. Зла нет
– 1 –

Плохо, что камень крепок, когда хочешь рубить его, а если нужен камень, чтоб
точить на нём, – тогда чем он жёстче и крепче, тем лучше. Так и с тем, что мы
называем горестями. [1]

...Спорил сам с собой. Слабый, дрянной, телесный, эгоистический человек говорит:
всё скверно, а духовный говорит: врешь, прекрасно. То, что ты называешь
скверным, это то самое точило, без которого затупилось, заржавило бы самое
дорогое, что есть во мне. [2]

Бедствия – это оселок для человеческой жизни. Только страданием можно наточить
душу. [3]

Если у тебя есть враг, отравляющий твою жизнь, надо ли тебе желать избавиться от
него? Нет. Если ты сумеешь воспользоваться своим врагом так, чтобы выучиться на
нём: прощать, любить врагов, то то, что приобретаешь этим, гораздо больше благо,
чем то, которое ты бы имел, избавившись от врага. И не только больше; но то было
благо временное, а это – вечное, не для одной только этой жизни. [4]

Наши враги могут для нас быть полезнее наших друзей, ибо друзья часто прощают нам наши слабости, тогда как враги обыкновенно отмечают их и привлекают к ним наше внимание.

Не пренебрегай суждениями врагов. [5]

...Чем тяжелее были страдания – если только удавалось в христианском духе принимать их (...) – тем полнее, сильнее, радостнее, значительнее становилась жизнь. – Так часто повторяется не искренно, что страдания нужны нам и посылаются богом, что мы перестали верить в это. А это самая простая, ясная и несомненная истина. Страдания, то, что называется страданиями, есть условие духовного роста. Без страданий невозможен рост, невозможно увеличение жизни (...). Если бы у человека не было страданий, плохо бы ему было. От этого и говорят в народе, что того бог любит, кого посещают бедствия. (...) Я понимаю, что человеку может сделаться грустно и страшно, когда долго его не посещают страдания. Нет движений роста жизни. Страдание есть страдание только для язычника, для непросвещённого истиной (...). Но страдание перестаёт быть им для христианина – оно становится муками рождения... [6]

Человек никогда не бывает ближе к богу, как когда он бывает в беде. [7]

Есть рассказ о том, что человек за грехи был наказан тем, что не мог умереть. Можно смело сказать, что если бы человек был наказан тем, что он не мог бы страдать, то наказание это было бы такое же тяжёлое. [8]

...Вспоминая всю мою жизнь, я вижу ясно, что всё и очень многое, что мучило меня, было для меня истинным благом, сбивая меня с пути искания материального и натывая на приобретение истинного духовного блага. Недаром мудрость народная говорит о болезнях, пожарах и всём том, что не от воли людской, – бог посетил. Нет хуже положения для достижения истинного блага, как то самое, чего люди желают себе и другим: здоровья, богатства, славы. [9]

Только при тех положениях, которые мы называем бедствиями и при которых начинается борьба души с телом, только при этих положениях начинается возможность истинной жизни и самая жизнь... [10]

Только в страдании мы начинаем жить душою. [11]

Человек, не сознающий благодетельности страданий, ещё не начинал жить разумной, то есть истинной жизнью. [12]

Самое меня укрепляющее в тяжёлые минуты это сознание того, что это самое, то, что мучает, это-то и есть тот материал, над которым ты призван работать, и материал тем более ценный, чем труднее минуты. [13]

Трудные минуты тем должны быть дороги нам, что для них-то, для того, чтобы мы как должно перенесли их, для них-то мы и жили и набирались силы всю предшествующую жизнь. Претерпевый до конца спасён будет. [14]

Очень часто всё спасено именно тогда, когда думается, что всё потеряно. [15]

Жизнь есть подвиг. А главное то, что то самое, что огорчает нас и кажется нам, что мешает нам исполнить наше дело жизни, и есть наше дело жизни. [16]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
...Главное, что меня всегда утешает и поддерживает в минуты слабости, это мысль о том, что это-то самое, что меня тревожит, что я хотел бы уничтожить, это-то самое мне нужнее всего, мне послано для моего укрепления, улучшения, что это-то самое и есть случай мне проявить себя, то лучшее, что есть во мне. [17]

Ничто так не ослабляет, как сознание возможности уйти от тех трудных условий, в которые поставила жизнь. «Не на этот ли час я пришёл?» Меня всегда очень поддерживает мысль о том, что то, что мне трудно, и есть та ступень, до которой я дошёл и на которую мне надо поставить ногу, чтобы подняться. [18]

...Не знаю, как благодарить Бога, что рядом с увеличивающейся тяжестью увеличивается и сила для перенесения. Вместе с бременем и силы. А от сознания сил несравненно больше радости, чем тяжести от бремени. [19]

Знаешь ли ты вот такое состояние и чувство: тревожит, неприятно, мучает что-нибудь, боишься чего-нибудь, даже физически больно (...), и возмущаешься – думаешь: зачем? когда это кончится? Как хорошо было без этого, и злишься. И вдруг вспомнишь, что всё то, чего тебе хочется, чего тебе недостаёт, это всё твои фантазии, тобой выдуманные требования (...), а что ты здесь совсем не для своей потехи, а для исполнения самых кажущихся тебе странными и ни к чему (по-твоему) не ведущими приказаний, которые передаются тебе, то в виде тяжёлых для тебя поступков людей, то в виде тифа и т. п., и что хорошо тебе может быть только тогда, когда ты, оставив свои дела, исполняешь приказания. И как только так посмотришь, сейчас же кончается всё неприятное, всякое беспокойство, страх, только физическая боль остаётся, и то много слабее. И, сверх того, получается очень определённое чувство не только спокойствия, но довольства и даже радости, когда видишь, что все эти тебе под ноги подсовываемые камни, о которые ты спотыкался, только средства тебе подниматься выше и выше и там, наверху, дышать чистым воздухом и видеть то, чего прежде не видал. [20]

...Растут люди только испытаниями. Хорошо знать это и так принимать выпадающие на нашу долю горести. Это очень облегчает, обращая тяжёлое и кажущееся бесполезным в полезное, нужное душевное дело. Облегчать свой крест тем, чтобы охотно подставлять под него спину. [21]

И то, что мы называем счастьем, и то, что мы называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и на другое как на испытание. [22]

Если бы моряк решил бы, что цель его миновать подъёмы волн, – куда бы он заехал? Цель жизни вне наслаждений и страданий. Она достигается, проходя через них.

Наслаждения, страдания это дыхание жизни: вдыхание и выдыхание, пища и отдача её. Положить свою цель в наслаждении и избегании страданий, это значит потерять путь, пересекающий их. [23]

Или внешние условия дают нам радость удовлетворения, или представляют из себя препятствия, вызывающие усиленную работу. И то, и другое хорошо. Надо только быть уверенным, что всякие условия могут быть побеждены внутренней работой. [24]

Да, всё на свете или радость, или испытание, готовящее радость. [25]

– 2 –

Страдания полезны именно потому, что человек в обыкновенной мирской жизни забывает ту неразрывную связь, которая существует между всем живущим, страдания же, которые он несёт и которых он был причиной для других людей, напоминают ему про эту связь. Связь эта духовная, так как сын божий один во всех людях; страдания же физические невольно загоняют человека в область духовную, в которой он чувствует себя в единении с богом и миром и в которой он (...) несёт страдания, произведённые другими людьми, как бы произведённые им самим, и даже с радостью принимает на себя тяжесть страданий, снимая её с других людей. [26]

Когда мы говорим про какое-либо материальное лишение или страдание, что оно зло, мы только говорим то, что мы близоруки или слепы и не видим того добра, которое есть в том, что мы называем злом, как не видит ребёнок добра в том, что его не пускают к огню или дают лекарство. Лишения, горести, страдания (...) загоняют из области низшей, исполненной лишений и препятствий материальной жизни, в область духовной жизни – радостной и свободной. Из этого не следует, чтобы надо было искать страданий, но то, что они, как и всё в мире, для человека благо. Страдания регулируют нашу жизнь. Ацетиленовые фонари устроены так, что карбид, прикасаясь к воде, развивает газ. Когда же газа слишком много, он поднимает карбид, и образование газа прекращается. Так же и материальная жизнь: когда она слишком наполнится страданиями (свойство её в том, чтобы производить страдания), сознание и внимание поднимается, переходит в область духовную, и страдания прекращаются. [27]

Я молюсь Богу о том, чтобы он избавил меня от того страдания, которое меня мучает. А страдание это послано мне Богом для того, чтобы избавить меня от зла. Хозяин стегает кнутом скотину, чтобы выгнать её из горящего двора и спасти её, а скотина молит о том, чтобы её не стегали. [28]

Как ощущение боли есть необходимое условие сохранения нашего тела, так и страдания суть необходимые условия нашей жизни от рождения и до смерти. [29]

Только знай и верь, что всё, что случается с тобой, ведёт тебя к твоему истинному, духовному благу, и ты будешь встречать болезни, бедность, позор, всё то, что считается людьми бедствиями, не как бедствия, а как то, что нужно для твоего блага, как земледелец принимает нужный для его поля дождь, измочивший его, как больной принимает горькое лекарство. [30]

...Все (...) страдания (...) суть только уяснители, помощники установления того жизнепонимания, при котором есть ненарушимая свобода и всегдашняя, перевешивающая все телесные личные страдания, радость приближения к единой цели жизни. [31]

Всё благо. Все бедствия только открывают то божественное, бессмертное, самодовлеющее, которое составляет основу нашу. [32]

Степень страдания внешнего в мирском смысле показывает степень нашего следования Христу, как трение показывает степень напряжения всякой работы. (...) ...Страдания суть только то благое иго, которое, хочет ли, не хочет он того, берёт на себя всякий, кто идёт за Христом. Желать уничтожить эти страдания – всё равно, что желать облегчить напряжение тяги пашущего плуга. [33]

– 3 –

Вы говорите, что страдания от жизни среди мира бывают бесполезны. Да, они бесполезны, если человек не пользуется ими как благом, как теми муками, которые сопутствуют всякому рождению, как телесному, так и духовному. [34]

Нет горя, которого нельзя бы было перенести и которое бы не было благодетельно для души. [35]

...Что не прямо добро в виде радости для нас, то добро в виде поучения, если только мы сумеем воспользоваться им. [36]

Мне хорошо в своей внутренней жизни и всё становится лучше и лучше, всё больше и больше научаешься не осуждать людей и во всём, что случается, видеть для себя урок испытания и приготовления. [37]

..всякое положение – на пользу. Волшебная палочка дана. Только умей ей пользоваться. [38]

– 4 –

Задача жизни в том, чтобы прожить её как можно лучше, чтобы сделать себя как можно лучше. *Cela n'est pas plus fin que ça* (в этом вся мудрость (фр.)). И никакие внешние события, несчастья не могут помешать этому; напротив, ничто так не содействует этому, как то, что мы называем несчастьями. Это всё самые удобные случаи для того, чтобы подняться, или подвинуться, как ветер для парусного судна. А плакаться на свои несчастья это значит прорвать парус и сидеть сложа руки. [39]

Всё то самое тяжёлое, что случается с нами, (...) всё это, как ни странно сказать, благо, «иго моё благо», если только мы поставим главным делом жизни приближение к Нему, к высшему совершенству. [40]

..Для христианина не может быть нехорошо от внешних причин. И (...) поэтому всякое страдание, горе, неудовольствие есть только указание на своё несовершенство, на свои ошибки, заблуждения. Как в области физической, если сел на гвоздь или обжёг руку (...), то надо встать с гвоздя, принять руку (...), а не осуждать гвоздь, огонь (...), так и во всяком нравственном страдании надо никак не сердиться на причину этого страдания вне себя, на людей, а только самому встать с гвоздя, отстраниться от огня (...), и в нравственных страданиях средство избавления всегда ещё ближе и доступнее, чем в материальных. Главное, надо признать себя виноватым и тогда искать. И сейчас найдёшь. И как легко и хорошо делается. [41]

Не скучайте тем, что внешние условия вашей жизни не соответствуют вашим внутренним требованиям. Я думаю, что нет тех внешних условий, которые не могли бы быть освещены внутренним духовным светом. Думаю даже, что эти внешние условия чем невыгоднее, тем больше могут содействовать разгоранию внутреннего света. [42]

..Условия [жизни] становятся мучительно тяжелы, когда мы думаем, что это такие условия, которые могут быть изменены, заменены более лёгкими. Это заблуждение. Условия эти не только облегчаются, но перестают быть мучительны, только когда мы смотрим на них не как на что-то, что может быть изменено, а как на материал, над которым мы призваны работать, т. е. на ту форму жизни, в которой, как и во всякой другой, у нас есть одно дело – проявлять живущий в нас дух божий и соединяться им посредством любви со всем окружающим нас. [43]

Верю, что всё к лучшему, всё благо, что чем тяжелее материальные условия: болезнь, страдания, приближение к смерти, к переходу в другое существование, тем выше поднимается сознание своего духовного существа. Как коромысло весов: чем ниже опускается один конец, тем выше поднимается другой. [44]

Истинное благо наше в сознании, а страдания помогают вызыванию сознания своей божественной природы. [45]

В болезнях, слабости, страданиях есть много хорошего, чего не знают здоровые, и от многого спасают болезни. Цените их. [46]

Тяжёлыми нельзя признать никакие условия, потому что тяжесть проистекает не из внешних условий, а из своего отношения к ним. [47]

..У человека есть разум, который он может употреблять на усиление внутренней жизни, при котором является большое равнодушие к [внешним] условиям, или, напротив, направить его на создание наибольшей чувствительности к этим условиям. Это всё зависит от того, кто воспринимает эти условия. (...)

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

(...)

(...) Чем более люди чутки к (...) условиям, тем больше это их мучает. [48]

Сейчас в дурном духе: всё нехорошо, всё мучает, всё не так, как бы мне хотелось. И вот вспоминаю, что жизнь моя только в том, чтобы освободиться от того, что скрывает мне меня, и тотчас же всё перестанавливается. Всё, что мучало, представляется пустяками, не стоящими внимания, то же, в чём жизнь и что даёт её радости, сейчас передо мной. Только бери. И вместо досады спокойное обращение на себя, и то, что мучило, становится материалом переработки. А переработка эта всегда возможна и всегда даёт лучшую радость жизни. [49]

Да, «всё в тебе и всё сейчас», как говорил Сютаев (Василий Кириллович Сютаев (1819–1908) – крестьянин, религиозный мыслитель. Был знаком с Толстым.), и всё вне времени. Так что же может случиться с тем, что во мне и что вне времени, кроме блага. [50]

Как всё трудно, когда полагаешь все беды вне себя, и как всё легко, когда поймёшь, что всё в тебе. [51]

..Все трудности жизни, как то: недовольство окружающим, одиночество, даже телесные страдания – всё разрешается одним: перенесением интереса, центра тяжести своей жизни из жизни телесной (...) в жизнь духовную.. [52]

Со всех сторон кажется, что стоят неразрешимые дилеммы: и так нехорошо, и так дурно. И стоит только перенести вопрос из области внешней в область внутреннюю, в свою жизнь: понять, что это только поприще для моего внутреннего совершенствования, что это экзамен, мерка моего нравственного развития, опыт, насколько я могу и хочу делать дело Божие, увеличение любви – и всё разрешается так легко, просто и радостно. [53]

Не только думаю, но твёрдо верю, что, что бы ни случилось с нами, всё зависит от того, как мы к этому относимся, и все страдания (...) легко могут быть обращены во благо, если принимаются без жалости к себе.. [54]

Все внешние бедствия, которые могут постигнуть человека, понявшего то, что зло для него может быть только в его поступках, ничто в сравнении с благом того спокойствия и свободы, которое он испытывает, зная то, что нет для него другого зла, кроме того, которое в нём самом. [55]

Человек, живущий духовной жизнью, не может быть лишён блага, потому что благо это в нём самом. [56]

Благо дано нам. Наше дело только в том, чтобы знать это. [57]

Я верю, что мир так устроен, что все материальные страдания возмещаются духовными радостями, если только мы как должно принимаем их. [58]

Какое удивительное свойство – духовное понимание (сознание) жизни. Оно, как самый удивительный волшебник, претворяет всякое зло внешнее в благо, и величайшее такое зло в величайшее благо. [59]

Покорись беде, и беда покорится. [60]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Ты (...) неверно говоришь, что для служения нужны внешние силы. Это неправда, здоровья и внешних сил не нужно. Этим-то и поразительна для меня благодать и мудрость бога, что он дал нам возможность блага, независимо от всех каких бы то ни было материальных условий. Нам дана возможность духовной жизни, духовного совершенствования, увеличения в себе любви, приближения к богу (...) – дана эта возможность, ничем не могущая быть остановленной. Только надо верить в эту духовную жизнь, перенести в неё всю свою энергию. Это как крылья у птицы. Жить можно и должно всей материальной жизнью, работая в ней; но как только препятствие, так развернуть крылья и верить в них, и лететь. И эта духовная жизнь всегда свободна, всегда радостна, всегда плодотворна. [61]

Богу (...) служить, я знаю, что совершенно одинаково можно, поднимая 12 пудов одной рукой или имея силу только кивнуть головой (...). Только перенести смысл своей жизни из достижения внешних, во времени и пространстве поставляемых целей в служение Отцу теперь теми силами, какие в моей власти, и как отпадают как ничтожные, безразличные вещи всё то, что называется в мирской жизни счастьем и несчастьем. [62]

– 5 –

Борьба с тем, что представляется злом, т. е. с более тёмным сознанием, возможна только через свет, через всё большее и большее просветление своего сознания. И потому справедливо, что если бы не было зла, т. е. темноты, не было бы добра – света. [63]

Если ты спрашиваешь, зачем зло? я отвечаю вопросом: зачем жизнь? Зло затем, чтобы была жизнь. Жизнь проявляется в освобождении от зла. [64]

Зло есть то поле, которое пашет добро, те дрова, которые сжигает добро, та свеча, на которой горит свет добра. [65]

Темнота – колыбель солнца. Для звёзд нужен мрак. [66]

Мир настолько зол, насколько я сам зол. Раз двадцать случалось со мной в жизни, что то, что я считал злом, послужило мне к добру. Всё меньше и меньше зла нахожу я в жизни; всё больше и больше блага... [67]

...Зло есть только в нас, (...) зло есть отступление от требований нашей духовной природы. Для человека, живущего духовной жизнью, всё то, что мы считаем злом, есть только средство приближения к (...) освобождению от грехов, заблуждений... [68]

Мучения, страдания испытывает только тот, кто, отделив себя от жизни мира, не видя тех своих грехов, которыми он вносил страдания в мир, считает себя невиноватым и потому возмущается против тех страданий, которые он несёт за грехи мира и для своего духовного блага. [69]

...Зла нет и не может быть (...) то, что мы называем злом и что чувствуем как зло, – суеверие. Это – то, что мы называем злом, есть только указание наших ошибок, а исправлять себя, освобождаться от ошибок – самая большая радость. Так что то, что мы называем злом, есть только приготовление к радости. [70]

...Зло, если вдуматься, всегда только уклонившееся от истинного направления добро. Какое бы зло ни взять, всегда в его основании лежит добро. [71]

Все страсти только преувеличение естественных влечений – законных: 1] тщеславие – желание знать, чего хотят от нас люди; 2] скупость – бережливость чужих трудов; 3] любострастие – исполнение закона продолжения рода; 4] гордость – сознание своей божественности; 5] злоба, ненависть к людям – ненависть к злу. [72]

С. Л. Толстой (Сергей Львович Толстой (1863–1947) – композитор, музыковед, общественный деятель. Сын Льва Николаевича Толстого.) об отце:

«Он считал, что ложное мышление – основная причина зла в мире; люди дурно живут не потому, что они злы по природе, а потому, что они неразумно мыслят; и они невменяемы, как душевнобольные». [73]

Мысль есть уяснение истины, и потому дурные мысли это только недодуманные мысли. [74]

Жизнь есть желание блага. (Всё, что живёт, живёт только потому, что желает блага; что не желает блага, то не живёт.) [75]

Мы не можем понимать жизнь иначе, как движение к благу. Такою должна быть жизнь. И она действительно такова, если мы верно понимаем её. [76]

Мы не можем говорить, что жизнь не благо, потому что мы не знаем никакого большего блага, чем жизнь. И потому если жизнь кажется тебе не благом, то виновата не жизнь, а ты. [77]

Жизнь человека есть стремление к благу; к чему он стремится, то и дано ему – жизнь, не могущая быть смертью, и благо, не могущее быть злом. [78]

Я чем дольше живу, тем яснее вижу, что в жизни только добро. Насколько исправляешься, настолько чувствуешь то добро. [79]

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях. [80]

...Зла объективного нет. То, что мы называем злом, есть непонятое и недоступное нашему пониманию добро. [81]

Неорганическое есть только то, жизнь чего мы не можем понять. Для блохи неорганическое есть мой ноготь. Точно так же и зло есть непонятое добро. [82]

Я согласен (...), что бог не может быть создатель зла, и всегда говорил и писал, что зло есть только непонятое нами по нашим грехам добро. [83]

...Вы не верите в бога любви, того, который, кроме блага, ничего не может дать вам, а страдание своё приписываете ему. Если бы в комнате никого не было, кроме человека, в любви которого я уверен, и я почувствовал, что меня ударили сзади, я бы подумал, что упало на меня что-нибудь или взошёл кто-нибудь, но никак не приписал бы удар тому, в любовь которого я верю. [84]

Я истинно верю, что всё на свете добро и что мы огорчаемся только потому, что недалеко видим. [85]

Если страдаешь, то это только оттого, что не видишь всего (ещё не наступило время), не раскрылось то, что совершается этим страданием. [86]

...Дурного ничего не может случиться с человеком, а (...) всё, что кажется нам дурным, кажется нам таким только потому, что мы далеко отошли от свойственной нам духовной жизни, в которой нет и не может быть ничего дурного... [87]

...Ничего дурного внешнего нет и не может случиться ни со мной, ни с любимыми людьми, а (...) одно дурное, что может случиться, но над чем я властен, – это моё отступление от свойственного мне и данного для блага моего и всех окружающих чувства любви. [88]

...Худого нет вне нас, а если внешние условия указывают нам на худое в нас, то это только хорошо. [89]

...Жизнь есть совсем не та путаница и страдания, которые мы себе представляем под этим словом, а нечто очень простое, ясное, лёгкое и всегда радостное. [90]

...Уныние для христианина есть признание в своём неверии в истину Христову. Для того, кто понял её и верит в неё, не может быть уныния, потому что не может быть ничего дурного, а всё благо. И если человеку, верующему в Христову истину, представится что-нибудь дурно в мире, то он должен искать не объяснения этого зла, не средства побороть его, а должен искать свою ошибку. [91]

Всегда считал жизнь величайшим благом, за которое нельзя быть достаточно благодарным. Чем дольше живу и чем больше приближаюсь к смерти, тем сознание этого блага становится во мне всё сильнее и сильнее. [92]

Только вспомнишь, что тебе дано ничем не заслуженное благо быть человеком, и сейчас всё хорошо и радостно. [93]

...Отрицать то, что делает жизнь, значит не понимать её. [94]

Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого. (...) В жизни может быть зло, а самая жизнь не может быть злом. [95]

...Всё, что было, есть и будет, всё только хорошо... [96]

Быть недовольным тем, что творится, всё равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают. [97]

В жизни, в настоящей жизни, не может быть ничего лучше того, что есть. Желать другого, чем то, что есть, значит перестать жить. [98]

...Главное впечатление от людей это то, что они все несчастливы. Для нас этого не должно быть. «Иго моё благо». Если вы точно взяли Его иго, то не может быть недовольства, тоски, несчастья. Может не быть веселья, самодовольства, может и должно быть страдание за людей, но сами мы должны быть тверды, спокойны, радостны в неперестающей работе, когда есть силы. А нет сил, можем покорно и опять радостно ждать, когда они вернуться или когда получим новое назначение. [99]

Человек должен быть счастлив. (...) Если же нет этого состояния, то непременно виноваты мы сами, в чём-нибудь ошиблись, и надо искать ошибку и поправить её, пока не вернёмся к свойственному и предназначенному нам состоянию блаженства. [100]

...На свете нет ничего страшного... Как нет на свете положения, в котором бы человек был счастлив и вполне свободен, так и нет положения, в котором бы он был вполне несчастлив и несвободен. [101]

..Бог дал нам жизнь для блага, и (...) в ней, кроме блага, ничего другого быть не может, только бы мы умели понимать значение её и её различных перемен. [102]

– 6 –

В тяжёлые времена болезней, потерь и всяких горестей нужнее, чем во всякое другое время, молитва, – не просьба об избавлении, а признание своей зависимости от высшей воли. «Не моя воля да будет, но Твоя; и не так, как я хочу, а как Ты хочешь; и не то, что я хочу, а то, что Ты хочешь». Моё же дело в тех условиях, в которых Ты поставил меня, исполнять Твою волю. Помнить, когда трудно, что это самое и есть то, что задано мне, что это и есть тот случай, который не повторится, в котором я могу иметь счастье сделать то, чего хочет от меня высшая воля. [103]

Переносить легко страдания можно только тогда, когда понимаешь, что в человеке есть две жизни: жизнь плотская и жизнь духовная, и когда веришь, что истинная жизнь есть жизнь духовная, для которой нет ни повреждения, ни страданий, ни смерти, если только мы соединяемся с богом, исполняя его волю. [104]

Полагать свою жизнь в служении богу есть высшее благо, которого может достигнуть человек, и потому для того, кто достиг этого блага, все житейские невзгоды представляются такими ничтожными, что он не может даже замечать их, или замечает их с радостью, только как признак того, что он стоит на верном пути. [105]

Если верить в бога, то нельзя не верить в то, что внешнее, совершающееся не по нашей воле, всё нам на благо. Зло есть только внутреннее то, что мы сами делаем, противясь воле бога. (...) Смотрите так на то, что случается с вами, и во всём вы найдёте благо; ищите своей воли, и вся жизнь будет не перестающее зло, и не будет конца отчаянию. [106]

..Не может не радоваться всему, что с ним случается, человек, верящий в бога. Быть недовольным, огорчаться чем-нибудь значит не верить в бога, и наоборот. [107]

Кроме Бога, ни худого, ни доброго ни от кого мне не будет. [108]

..Жизнь всегда добро для тех, кто исполняет закон бога... [109]

..Для человека, соединившего свою волю с волей бога, не может быть ничего худого. [110]

..Соединение с ним не то что утешает, а уничтожает всякое горе, потому что благо единения с ним неизмеримо больше всего того, что мы можем терять в личной жизни. [111]

Единственное спасение от отчаяния жизни – вынесение из себя своего «я». И человек естественно стремится к этому посредством любви. Но любовь к смертным тварям не освобождает. Одно освобождение – любовь к Богу. Возможна ли она? Да, если признавать жизнь всегда благом, наивысшим благом, тогда естественна благодарность к источнику жизни, любовь к Нему и потому любовь безразлично ко всем, ко всему, как лучи солнца. [112]

..Мало того, что когда живёшь в любви, то хорошо в этой жизни, нет и заботы о том, что будет за гробом, потому что если соединился с богом, а бог есть любовь, то ни на этом свете, ни на том не может быть худа. [113]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то Помогай вам бог, живущий в вас, сознавать себя. А когда есть это сознание, нет страданий, нет и смерти. [114]

Жить не для себя, а для бога тем выгодно, что ничего уж не может случиться с тобой дурного: что бы ни случилось неприятного, если живёшь для бога, всегда на пользу душе. [115]

Как только пробудится в душе бог, так нет страданий, нет страха, нет упрёков, нет желаний неисполненных. [116]

..Никакое положение не может сделать человека несчастным (...). Если человек несчастен (...), то только потому, что он не исполняет того, что свойственно ему как человеку, носящему в себе божественное начало, дух божий. [117]

..Насколько мы уязвимы, настолько мы грешны... [118]

..Тем-то и велико (...) сознание своего духовного начала и жизнь во имя его, что оно до такой степени несоизмеримо со всем тем, что представляется бедствием, что одинаково уничтожает, обращает в ничто самую маленькую неприятность: зубную боль и потерю любимых людей, свободы, жизни. [119]

Все наши страдания, все наши потери приближают нас к богу, если мы верим в него. Он выступает там, где уничтожается то, что мы теряем, и заменяет с излишком собою, если мы связаны с ним, не разорвали (...) связь с ним. [120]

Я перенёс всё дело, как делаю всегда в тяжёлые, трудные минуты, в высшую инстанцию, от суда людского на суд бога, и вдруг – как и всегда бывает, то, что было запутано, стало просто, что было мучительно, стало радостно, что было страшно, перестало быть таким... [121]

Что бы ни постигло тебя, ты не можешь быть несчастлив, сознавая своё единство с Богом. [122]

Истинное мужество в борьбе свойственно тому, кто знает, что его союзник – бог. [123]

Кто может тебе сделать что-нибудь дурное и кто может быть могущественнее тебя, когда ты соединишься с богом? [124]

Сознание божественности души даёт бесстрашие перед всеми бедствиями жизни. [125]

– 7 –

Так хорошо, когда всё хорошо, независимо от всего, что может случиться. Всё чаще и чаще знаю это. [126]

Не бойся никого и ничего. То, что в тебе самое дорогое, не может пострадать ни от кого и ни от чего. [127]

Если то, что вы созидали, может быть разрушено прихотью человека, то здание это не стоит ореховой скорлупы. Если же то, что вы созидали, есть настоящее дело, то все попытки разрушить его только докажут твёрдость здания. [128]

..Жизнь наша здесь есть одно из проявлений во времени бесконечной жизни, и (...) никакие условия этой жизни, ни болезнь, ни слабость, ни смерть не могут помешать

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
движению жизни, совершению предназначенного нам дела, увеличения в себе любви и
потому проявления её в мире для установления в нём царства божия. [129]

Всякое страдание может быть преодолено духовной силой, потому что страдание
имеет предел, духовная же сила беспредельна. [130]

Страдать можно только телом. Дух не знает страданий. [131]

У человека есть всегда место спасения от всех бедствий; место это – его душа.
[132]

Если бы только человек понимал, кто он такой, как ничтожны бы ему показались его
огорчения. [133]

..Есть другая жизнь, вечная, Божеская, которой мы можем быть участниками, и
такая, живя которой, нет зла, нет горя. [134]

Велика уже привычка нерелигиозной мирской жизни, но есть тот приют, в который
уходишь и в котором свободен и радостен, в котором всё благо, или не приют, а
крылья, хоть и плохенькие, но которые всё-таки уносят иногда туда, где нет ни
печали, ни воздыхания, ни страха, ни сомнений, а жизнь бесконечная. [135]

Для того, кто поднимается мыслью на небо, всегда будут ясные дни: над облаками
всегда сияет солнце. [136]

Свобода

– 1 –

Свобода достигается не исканием свободы, а исканием истины. Свобода не должна
быть целью, а может быть только последствием. [1]

Мы устроили себе жизнь, противную и нравственной, и физической природе человека,
и, живя такой жизнью, хотим быть свободны. [2]

Если ты чувствуешь себя несвободным, ищи причину в себе. [3]

Человек бывает несвободен только настолько, насколько он жизнь свою полагает в
своём животном. [4]

Для телесного сознания не может быть речи о свободе, так как жизнь телесная
происходит в условиях пространства и времени (...). Для духовного же сознания
точно так же не может быть речи о свободе, так как для него не существует ничего
могущего стеснить его, оно всемогуще. [5]

Человек живёт духом, а не телом. Если человек знает это и жизнь свою полагает не
в теле, а в духе, то закуй его в цепи, посади на железные запоры, он всегда
свободен. [6]

Как ясно, что жизнь в себе, а границы внешней свободы, как бы ни казались одни
тесны, а другие пространны, почти и даже совсем безразличны. [7]

Свободы не может быть в конечном, свобода только в бесконечном. Есть в человеке
бесконечное – он свободен, нет – он вещь. [8]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Для человека как животного существа не может быть речи о свободе. Вся его жизнь обусловлена рядом причин. Но если человек сознаёт себя духовным существом, то для него не может быть речи о несвободе. Понятие несвободы неприменимо к проявлению разума, сознания, любви. [9]

По учению Христа, человек, который видит смысл жизни в той области, в которой она несвободна, в области последствий, т. е. поступков, не имеет истинной жизни. Истинную жизнь, по христианскому учению, имеет только тот, кто перенёс свою жизнь в ту область, в которой она свободна, – в область причин... [10]

Свободы выбора в состоянии тела почти нет: обжёгся – отскочил, не спал 2-е суток – заснул. Свобода выбора поступков уже больше: пойти – не пойти? Делать ту или иную работу. Свобода выбора мысли уже ещё больше – почти полная. [11]

Самое драгоценное свойство мысли в том, чтобы думать свободно, т. е. совершенно независимо от своих чувств и своего положения. [12]

...Полагая (...) жизнь свою в признании и исповедании открывающейся ему истины, он [человек], соединяясь с источником всеобщей жизни, совершает дела уже не личные, частные, зависящие от условий пространства и времени, но дела, не имеющие причины и сами составляющие причины всего остального и имеющие бесконечное, ничем не ограниченное значение. [13]

Человек, живущий духовным сознанием, не может быть несвободен: он живёт в Боге. [14]

Сознание на первой ступени ищет добра только себе, воображаемому материальному существу; на второй ступени ищет добра только себе, воображаемому отдельному духовному существу; на третьей ступени оно есть добро себе и всему, с чем оно соприкасается: оно ничего не ищет, оно есть, одно есть.

(...)

Свобода возможна только на 3-й ступени сознания. Отдельное материальное существо не может быть свободно. Также не может быть свободно и отдельное духовное существо. Свободно может быть только вечное, бесконечное существо, хотя оно проявляется и в ограниченном виде. «Познаете истину, и истина освободит вас».

(...)

На первой и второй ступени «я», настоящее «я» (божественное) принимает свои пределы за самого себя. Только на 3-й ступени оно сознаёт себя тем, что есть. [15]

На низшей ступени сознания, когда человек сознаёт только свою отдельность от Всего, сознаёт себя телесным существом, он испытывает наибольшую несвободу. Поднимаясь выше, он всё более и более чувствует себя свободным. Признав же себя только одним из проявлений Бога, он чувствует себя вполне свободным. [16]

Люди часто думают, что, освободившись от Бога, они будут свободны. Как раз напротив: истинно свободен только тот, кто соединяется с Богом, живущим во всех людях. [17]

Перенесение своей жизни в сознание, в духовное неразделённое, неограниченное – не только свобода, но всемогущество. И вся жизнь есть приближение к этой свободе, всемогуществу, которого она никогда не достигнет, потому что достижение уничтожало бы движение. А в этом движении непрерывающее благо. [18]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Увеличение свободы есть просветление сознания. [19]

То, что я начинаю испытывать, – как Христос говорит: иногда будете видеть, а иногда не будете видеть меня, – испытывать какую-то странную радостную свободу от своего тела, чувствую только свою жизнь, своё духовное существо, – какое-то равнодушие ко всему временному и спокойное, твёрдое сознание истинности своего существования. Впрочем, сказать этого ясно нельзя, по крайней мере, теперь не умею. [20]

Свобода есть освобождение от иллюзии, обмана личности. [21]

Хочешь быть свободен – приучай себя воздерживаться в своих желаниях. [22]

Человек всегда стремится к тому, чтобы выйти из своих пределов: он пытается сделать это посредством материальных воздействий на материальные предметы или приобретением собственности, или приобретением знаний, или овладением силами природы, или соединением в браке и семьёю, или властью, и ничто не освобождает его от его пределов. Всегда одно в ущерб другому: он только растягивает мешок, в котором он сидит. Чем больше он растянет его в одну сторону, тем больше он натянется и стеснит его во всех других. [23]

Кто-то спрашивает меня: судьба ли от человека или человек от судьбы? – Чем больше живёшь духовной жизнью, тем независимее от судьбы; и наоборот. [24]

Есть два рода счастья: счастье людей добродетельных и счастье людей тщеславных. Первое происходит от добродетели, второе от судьбы. Нужно, чтобы добродетель глубоко пустила корни, чтобы последнее не имело вредное влияние на первое. Счастье, основанное на тщеславии, разрушается им же: слава – злоречием, богатство – обманом. Основанное на добродетели счастье – ничем. [25]

Главная особенность жизни в Боге – это совершенное отсутствие заботы о мнении людском. (...) Признаком того, что живёшь для Бога, тот, что не нуждаешься в суждении людей – они не могут уже влиять на тебя. [26]

Хорошо тому человеку, который нужен другим, но которому не нужно товарища. [27]

..Свобода воли есть сознание своей жизни. Свободен тот, кто сознаёт себя живущим. Сознать же себя живущим, значит сознавать закон своей жизни, значит стремиться к исполнению закона своей жизни. [28]

Самое лёгкое и мелкое проявление свободы человека состоит в выборе из двух или нескольких безразличных поступков: пойти направо или налево, или оставаться на месте. Более трудное и высокое проявление есть выбор между следованием влечению чувства или воздержанием от него: отдаться гневу или воздержаться. Самое трудное, важное и нужное проявление свободы – это дать своей мысли то или другое направление. [29]

Свобода в том, что человек может иметь радость сознательного подчинения высшему закону своей жизни. [30]

Братство, равенство, свобода – бессмыслица, когда они понимаются как требования внешней формы жизни. От этого-то и была прибавка: “ou la mort” (или смерть (фр.)). Все три состояния – последствия свойств человека: братство – это любовь. Только если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство это смирение. Только если мы будем не превозноиться, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода – это исполнение общего всем закона Бога. Только

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
исполняя закон Бога, мы все наверно будем свободны. [31]

...Не осуществление программ демократов, монархистов, социалистов, анархистов, антимилитаристов и т. п. (...) не эти односторонние проявления религиозной истины, свойственной нашему времени, могут избавить нас от зла, а избавит нас только признание всей религиозной истины, во всей её целостности, той истины, которая от века открыта всякому сердцу человеческому... [32]

...Свобода, равенство, братство – объективны, их предписывать нельзя. Это смешно, что так вышло; что свобода, равенство ограждаются насильем. Их даёт христианство, бог – выходят изнутри человека. Кто смиренен, не будет ставить себя выше другого, будет равенство, любовь, братство, Тао (Тао (кит.) – следование пути добродетели) – свобода. [33]

...В китайском языке нет выражения для «свободы». Есть Тао, означающее путь, знание закона существования, то есть (просто) по-нашему «воля божья»; кто выбирает этот путь и когда идёт по нему, свободен... [34]

Свободен только тот человек, который повинуется одному закону бога: «Познаете истину, и истина освободит вас». Чем ближе человек исполняет закон бога, тем он свободнее. Люди же свободу не могут дать. [35]

Считает себя свободным тот, кто делает, что хочет; а тот, кто делает, что хочет, раб всего. Свободен только тот, кто считает себя рабом Бога и делает только то, чего хочет Бог... [36]

...Избыток удобств жизни уничтожает всё счастье удовлетворения потребностей, а большая свобода выбора занятий (...) делает выбор занятий неразрешимо трудным и уничтожает самую потребность и возможность занятия. [37]

Ты хочешь радостей вкуса и придумываешь, что ещё вкуснее и вкуснее поесть, и вкус твой всё притупляется, и ты лишаешься очень скоро самых лучших из этих удовольствий.

Ты хочешь удовольствия спокойствия, отдыха и перестаёшь трудиться – и физически, и умственно, и теряешь способность и умение работать, и оттого и не знаешь истинной радости отдыха после труда.

Ты хочешь отличаться от других, возвыситься чем-нибудь, чтобы привлечь к себе внимание других, и ты, вместо внимания, вызываешь к себе зависть и лишаешься братской любви, в которую ты мог бы вступить с ними.

Ты хочешь радостей половой любви и губишь в себе возможность этой любви тогда, когда наступает её время.

Ты хочешь скрыть от себя несогласие твоего разума с твоей жизнью для того, чтобы не нарушилось твоё наслаждение благами жизни, но, заглушая разум, ты разрушаешь его и разрушаешь этим все свои человеческие радости.

Человек есть соединение двух начал: животного, телесного и разумного, духовного. (...)

(...)

Для разумного существа, связанного с животной жизнью, есть только два пути: путь следования разуму, подчинения ему своей животной природы, путь радостный, дающий сознание жизни вечной и радости этой жизни, и путь подчинения разума животной природе, употребление его на достижение животных целей, путь губительный, лишаящий человека сознания вечной жизни и даже тех радостей, которые свойственны животному. [38]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Свобода (...) – это понятно, но для чего нужна человеку свобода? Можно ею воспользоваться для чего угодно. Настоящая свобода возможна только при соблюдении нравственного закона. Только религиозный человек – свободный человек. [39]

Твердишь, как попугай, одно слово: свобода, свобода, а где, в чём его смысл? Ведь если ты достигнешь свободы в твоём смысле, как ты воображаешь, – что будет? В философском смысле – бездонная пустота, а в жизни, в практике – станешь ты лентяем, побирохой. Что тебя, свободного в твоём-то смысле, свяжет с жизнью, с людьми? Вот – птицы свободны, а всё-таки гнёзда выют. Ты же и гнезда вить не станешь, удовлетворяя половое чувство своё где попало, как кобель. Подумай серьёзно, и увидишь – почувствуешь, что в конечном смысле свобода – пустота, безграничие.

(...)

Христос был свободен, Будда – тоже, и оба приняли на себя грехи мира, добровольно пошли в плен земной жизни. И дальше этого никто не ушёл, никто. А ты, а мы – ну, что там! Мы все ищем свобод от обязанностей к ближнему, тогда как чувствование именно этих обязанностей сделало нас людьми, и не будь этих чувствований – жили бы мы, как звери...

(...)

(...) Ты вот споришь со мной и сердишься до того, что нос у тебя синееет, а не бьёшь меня, даже не ругаешь. Если же ты действительно чувствовал бы себя свободным, так уколошил бы меня – только и всего.

(...)

Свобода – это когда всё и все согласны со мной, но тогда я не существую, потому, что все мы ощущаем себя только в столкновениях, противоречиях. [40]

Человек несвободен только, когда действует противно своей разумной природе. [41]

Будь правдив, смиренен и добр, и будешь свободен, спокоен и радостен. [42]

Самое обычное и вредное заблуждение людей: думать, что что-нибудь может помешать их свободе и благу. [43]

Ничто не может помешать каждому существу делать предназначенное ему дело (последствия дела могут быть не те, которые мы предполагаем, но делу ничто помешать не может). Ничто не может помешать грибу расти, мыши плодиться, яблоне цвести и человеку делать свойственное разумному существу дело: разумное добро. Ничто не может помешать человеку быть добрым, любить. [44]

Из письма:

«...ты свободна, и никто твоего блага у тебя отнять не может, если ты его полагаешь в том, в чём оно есть, – в том, чтобы расти душою». [45]

Свободен только тот, кому никто и ничто не может помешать сделать то, что он хочет. Такое дело есть только одно: любить. [46]

Свобода дана человеку в том, что может увеличить его благо: в увеличении в себе любви. В том благость божия, что он несвободен – встречает препятствия – во всём, что не даёт ему блага. [47]

– 2 –

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Одно из самых удивительных заблуждений – заблуждение о том, что счастье человека
в том, чтобы ничего не делать.

Люди так уверились в этом, что даже раем вообразили себе такое место, в котором
люди ничего не делают. [48]

Дьявол, ловя людей на свою уду, насаживает разные приманки. Но для праздного
человека не нужно никаких, он идёт на голый крючок. [49]

Мозг праздного человека – любимое место пребывания дьявола. [50]

Мысль. Слово

– 1 –

Есть духовная сила, которая движет миром и вместе с тем ускользает от нашего
внимания. Она не в книге, не в газете, не в речах, не в законах, не в учёных
трактатах, она неуловима и всегда свободна. Она в глубине сознания людей. Самая
могущественная и неуловимая свободная сила эта есть та, которая проявляется в
душе человека, когда он один, сам с собой обдумывает явления мира и потом
высказывает её тем людям, с которыми он сходится. Никакие миллиарды рублей,
миллионы войск, никакие учреждения, ни войны, ни революции не произведут того,
что может произвести такое простое выражение свободным человеком того, что
открылось ему в мысли. [1]

Мы часто думаем, что главная сила мира – сила вещественная. Мы думаем так
потому, что тело наше, хочешь – не хочешь, всегда чувствует такую силу. Сила же
духовная, сила мысли нам кажется незначительной. И мы не признаём её за силу. А
между тем, в ней-то, в ней одной истинная сила, изменяющая и нашу жизнь, и жизнь
всех людей. [2]

Мне пришла мысль, потом я забыл её. Ну, ничего, это только мысль. Если бы это
был миллион рублей, я бы перерыл всё, пока не нашёл бы; но тут что? Только
мысль. – Но ведь от семени огромное дерево. Ведь от мысли та или другая
деятельность и одного человека, и миллионов людей, а мы думаем, что мысль –
ничто. [3]

Зерно невидимо в земле, а только из него вырастает огромное дерево. Так же
незаметна мысль, а только из мысли вырастают величайшие события жизни
человеческой. [4]

Все великие перемены в жизни одного человека или всего человечества начинаются и
совершаются только в мысли. Для того, чтобы могла произойти перемена чувств и
поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли. [5]

Думай хорошо, и мысли созреют в добрые поступки. [6]

Судьба человека такая или другая бывает только от того, как в своих мыслях
понимает человек свою жизнь. [7]

Когда тебя постигают несчастья, ищи причину их не столько в поступках твоих,
сколько в мыслях, побудивших тебя к совершению их. Точно так же и когда
совершающиеся внешние события огорчают, возмущают тебя, ищи причины их не в
предшествующих поступках людей, а в предшествующих мыслях, вызвавших поступки.
[8]

Чтобы освободиться от грехов, соблазнов, суеверий и обманов, надо прежде всего в
мыслях освободиться от них.

Начало освобождения – в мыслях. [9]

Только мыслями можно приучить себя быть самоотверженным, смиренным, правдивым и воздержным в поступках и словах. Только когда в мыслях своих человек будет стремиться к самоотречению, смирению, правдивости, воздержанию, – только тогда он будет в силах бороться с грехами, соблазнами, суевериями и обманами. [10]

Много хуже дурного поступка те мысли, от которых происходят все дурные поступки. Поступка дурного можно не повторять и раскаяться в нём; дурные же мысли родят дурные поступки. Дурной поступок только накатывает дорогу к дурным поступкам; дурные же мысли везут по этой дурной дороге. [11]

За дурными мыслями будет идти дурная жизнь так же верно, как колесо воза идёт за лошастью. [12]

Один человек совершает самое ужасное преступление и мучается, и сознаёт, что это дурно, что он мог не делать этого. Другой же совершает как бы ничтожный безнравственный поступок и оправдывает себя, и живёт весело, спокойно. Преступление первого производит только материальное зло, часто обращаясь в духовное добро для себя и для других. Проступок же второго производит неисчислимы бедствия и для себя – тем, что открывает свободную дорогу другим худшим поступкам, и для других – примером спокойствия и довольства в зле. [13]

Мысли – как гости; мы не ответственны за их первое посещение. Но вновь и часто они будут посещать нас, только смотря по тому, как мы принимаем их. То, что ты думаешь нынче, ты сделаешь завтра. [14]

Духовное руководит телесным, а не наоборот. И потому чтобы изменить своё состояние, человек должен работать над собой в области духовной – в области мысли. [15]

...Всё, что может случиться извне, ничто в сравнении с тем, что может сделаться внутри. [16]

Всё дело в мыслях. Мысль начало всего. И мыслями можно управлять. И потому главное дело совершенствования: работать над мыслью. [17]

...Любовь. Главное – в мыслях. Нельзя достаточно настаивать на том, что кто хочет жить истинной жизнью, должен прежде всего делать это усилие к истинной жизни в своих мыслях, когда один сам с собой. Удивительно, как мало знают это. [18]

Мы часто думаем, что жизнь наша настоящая только тогда, когда мы сходимся с людьми. Это неправда. Самая настоящая жизнь наша тогда, когда мы одни, сами с собой, имеем дело только со своими мыслями. [19]

Если, посмотрев назад на свою жизнь, заметишь, что жизнь твоя стала лучше, добрее, более свободна от грехов, соблазнов и суеверий, то знай, что этим успехом ты обязан только работе твоей мысли. [20]

– 2 –

В числе всех поступков, совершаемых человеком, есть один род поступков, требующих наименьшего телесного усилия, но выделяющихся из всех остальных по своему нравственному значению и имеющих поэтому наибольшее влияние на жизнь людей. Поступок этот – слово. [21]

Помни, что слово есть дело, отличающееся от других тем, что нам менее видно то, что от него происходит. И потому будь осторожен в принятии слов и в произнесении

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то их. [22]

Слово – великое дело. Как небольшой огонь может сжечь целые деревни, так и от одного слова может сделаться большое несчастье. [23]

Вся жизнь человека и благо его в том, чтобы соединяться духом с тем, что однородно ему, с душами других людей и с совершенством Бога. Одно из главных орудий этого соединения есть слово. И потому надо бояться того, чтобы не употреблять его на пустяки и тем более на цели, противные единению, и с уважением относиться к слову своему, чужому, печатному, писаному, изустному. [24]

Слово – выражение мысли, мысль – проявление божеской силы, и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает. [25]

Человек – носитель Бога. Сознание своей божественности он может выражать словом. Как же не быть осторожным в слове? [26]

Если бы помнить всегда, что язык нам дан для передачи мыслей, способность же мыслить дана для познания Бога и его закона любви, и что поэтому говорить можно только тогда, когда имеешь сказать что-либо доброе. А пока не можешь сказать доброго, не можешь удержать недоброго – молчи, хоть всю жизнь. [27]

Если бы мы всё яснее понимали и больше помнили то, что главная и могущественнейшая сила, которой мы обладаем, есть мысль и выражение её – слово, мы бы были и осторожнее, где это нужно, и смелее, где это тоже нужно, в пользовании этой силой, и много бы зла уничтожилось и добра прибавилось в мире. [28]

Языком можно и осквернить, можно и освятить себя. [29]

Мы возмущаемся на дурные, безобразные поступки тела: объелся, подрался, прелюбодействовал, даже убил, – а между тем легко смотрим на преступления слова: осудил, оскорбил, передал, напечатал, написал вредные, развращающие слова; а между тем последствия преступлений слова гораздо более тяжёлы и значительны, чем преступлений тела. Разница только в том, что зло первых тотчас же заметно, зло же вторых проявляется только в отдалённости пространства и времени. [30]

Как ядро уже вылетело из пушки, а мы только после слышим выстрел, так и зло дел мирских видно нам долго после того, как появились те мысли, от которых произошли эти дела. [31]

Человек мыслящий, говорящий, если не живёт религиозно, а одними животными потребностями, бывает ужасен тем, что у него нет даже того семейного, родового инстинкта, который есть у животного, вследствие чего он становится эгоистом, врагом всех, кроме себя, и врагом ужасным, потому что вооружён теми свойствами мысли и слова, которые необходимы и безвредны только при человеческом свойстве религии. Всё равно, как в руки ребёнка кинжал, ружьё, порох. [32]

Мы знаем, что с заряженными ружьями надо обращаться осторожно. А не хотим знать того, что так же надо обращаться и со словом. Слово может и убить, и сделать зло хуже смерти. [33]

Один человек крикнет в наполненном народом здании: «Горим!» – и толпа бросается, и убиваются десятки, сотни людей.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Таков явный вред, производимый словом. Но вред этот не менее велик и тогда,
когда мы не видим людей, пострадавших от нашего слова. [34]

Как часто молчание есть мудрейший из ответов. Давай больше отдыха своему языку,
чем рукам.

Молчание есть лучший ответ невежественному. Семь раз поверни язык, прежде чем
начнёшь говорить. Надо или молчать, или говорить вещи, которые лучше молчания.
[35]

Люди учатся, как говорить, а главная наука – как и когда молчать. [36]

Время проходит, но сказанное слово остаётся. [37]

Нравственность человека видна в его отношении к слову. [38]

– 3 –

Только то, что духовно в нашей жизни, действительно есть. Так новое сознание
духовной истины есть совершившийся факт, несмотря на то, что сознание это не
получило ещё или вовсе не получит (вследствие смерти, например) своего
осуществления. Духовное вне пространства и времени, и потому сознание, если оно
истинно духовное, искреннее, то оно уже в одном сознании (намерении)
совершилось. [39]

...Я не особенно горю о том, что идея не осуществляется людьми на деле. Раз мысль
высказана разумно и ясно, то она уже осуществлена; и следить за дальнейшим её
развитием, применением – неинтересно и не нужно. [40]

...Не может пропасть бесследно слово, если оно выражает истину и если человек,
высказывающий это слово, верит в истинность его. А эти внешние меры обеспечения
– только от неверия нашего в то, что мы высказываем. [41]

Об одной своей книге, которую нельзя было издать:

«Я знаю, что мысль, если она настоящая, не пропадёт, и потому книгу я отложил; и
знаю, что если там есть настоящая мысль, то правда со дна моря выплывет; и труд
мой, если в нём правда, не пропадёт». [42]

Царство Божие внутри вас есть. Я пишу сочинение и хочу его распространить. Оно
погибает. Мне кажется, что всё моё усилие пропало. Неправда. То, что в тебе
выработалось во время писания, или даже в покорности, с которой ты принял
пропажу сочинения, это неизвестным тебе путём передастся кому-то или как-то
сделает что должно, и будет гораздо важнее твоего сочинения. Чем яснее видишь
конечный результат твоей деятельности, тем она ничтожнее. [43]

...Мысль справедливая не может не быть плодотворна. [44]

...Когда человек отыщет истину, действие неизбежно будет, хотя бы оно было и
невидимо для него. [45]

М. С. Сухотин (Михаил Сергеевич Сухотин (1850–1914) – новосильский уездный
предводитель дворянства, член I Государственной думы от Тульской губернии. Муж
старшей дочери Л. Н. Толстого Татьяны.):

«Читал нам громко Л.Н. один рассказ Наживина «Мой учитель», навеянный
теософическими верованиями индусов (Ошибка. Толстой читал не рассказ И. Ф.
Наживина, а речь Вивекананды, посвящённую Рамакришне.). Там меня поразила одна

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
фраза: «Если человек замурует себя в подземелье и умрёт там, полный
действительно великой мыслью, то мысль эта пройдёт чрез гранитную толщу
подземелья и в конце концов охватит всё человечество». По окончании чтения,
когда Л. Н. стал восхищаться мудростью описанного индуса, я спросил его, неужели
он, Л. Н., согласен с вышеприведённым положением. На что Л. Н. ответил:

– Раз всё могущество и вся сила в духовном, то материальное не может
препятствовать проявлению этого духовного.

Я. Да ведь это мистицизм.

Л. Н. Называйте как хотите». [46]

Всё, что сделано в духовном мире, неразруσιμο разрушением материальных
предметов. [47]

О прочитанной книге:

«Меня (...) поразила мысль, что сознание есть сила в ряду других сил мира. Сила в
самом прямом смысле этого слова. Сознание движет другие сознания и приводит в
известные положения другие силы, направляет их. Действие его так же инертно, как
и действие других сил, и оно не может исчезнуть... (...)»

(...) Меня, главное, поразила мысль, что разум, сознание не есть случайное
одионое явление, а что это есть одна из учреждающих сил мира и высшая». [48]

Давно уже не сомневаются в вечности и неистребимости материи; теперь открыт
закон сохранения энергии как физической силы. Для меня же давно несомненен закон
не только вечности и сохранения, но и постоянного творческого действия мысли. И
потому мысли, высказанные вами, не пропадут, а действуют и никогда не перестанут
действовать. [49]

Всякая мысль, выраженная словами, есть сила, действие которой беспредельно. [50]

Вот Паскаль умер двести лет тому назад, а я живу с ним одной душой, – что может
быть таинственнее этого? Вот эта мысль (Мысль Паскаля, прочитанная Толстым.),
которая меня переворачивает сегодня, мне так близка, точно моя!.. Я чувствую,
как я в ней сливаюсь душой с Паскалем. Чувствую, что Паскаль жив, не умер, вот
он! Так же, как Христос... Это знаешь, но иногда это особенно ясно представляешь.
И так через эту мысль он соединяется не только со мной, но с тысячами людей,
которые её прочтут. Это – самое глубокое, таинственное и умиляющее... [51]

..Деятельность мысли безвременна и внепространственна. Та мысль, которая была у
меня, когда я был ребёнком, и та, которая теперь, и та мысль, которая
принадлежит мне и Конфуцию, одинаково одна всегда и везде. И потому эта область,
область мысли, только одна действительна, в ней одной мы истинно живём, и одна
эта деятельность плодотворна и двигает нами в жизни временной и
пространственной. [52]

Никогда не забывай, что главное в твоей жизни это – твои мысли. [53]

Искусство

– 1 –

Как произведение мысли только тогда произведение мысли, когда оно передаёт новые
соображения и мысли, а не повторяет того, что известно, точно так же и
произведение искусства только тогда произведение искусства, когда оно вносит
новое чувство в обиход человеческой жизни. [1]

Искусство есть один из двух органов прогресса человечества. Через слово человек
общается мыслью, через образы искусства он общается чувством со всеми людьми не

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то только настоящего, но и будущего.

Как происходит совершенствование знаний, т. е. более истинные, нужные знания вытесняют и заменяют знания ошибочные и ненужные, так точно происходит совершенствование чувств посредством искусства, вытесняя чувства низшие, менее добрые и менее нужные для блага людей высшими, более добрыми, более нужными для этого блага.

В этом назначении искусства. [2]

– 2 –

Произведение искусства только тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию, – что это, мол, уже было, и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого. Главное, когда он чувствует, что это, что он слышит, видит, понимает, не может быть иначе, а должно быть именно такое, как он его воспринимает. Если же воспринимающий чувствует, что то, что ему показывает художник, могло бы быть и иначе, видит художника, видит произвол его, тогда уже нет искусства. [3]

Произведение искусства только тогда истинное произведение искусства, когда, воспринимая его, человеку кажется – не только кажется, но человек испытывает чувство радости о том, что он произвёл такую прекрасную вещь. Особенно сильно это в музыке. Ни на чём, как на этом, не видно так главное значение искусства, значение объединения. «Я» художника сливается с «я» всех воспринимающих, сливающихся в одно. [4]

Музыка, как и всякое искусство, но особенно музыка, вызывает желание того, чтобы все, как можно больше людей, участвовали в испытываемом наслаждении. Ничто сильнее этого не показывает истинного значения искусства: переносишься в других, хочется чувствовать через них. [5]

Всякое искусство, особенно музыка, тем хороши, что они соединяют людей, т. е. хотя временно приводят их в то состояние, которое свойственно их природе. [6]

Бывает, что люди, находясь вместе, если не враждебны, то чужды друг другу по своим настроениям и чувствам, и вдруг или рассказ, или представление, или картина, даже здание и чаще всего музыка, как электрической искрой, соединяет всех этих людей, и все эти люди, вместо прежней разрозненности, часто даже враждебности, чувствуют единение и любовь друг к другу. Всякий радуется тому, что другой испытывает то же, что и он, радуется тому общению, которое установилось не только между ним и всеми присутствующими, но и между всеми теперь живущими людьми, которые получают то же впечатление; мало того, чувствуется таинственная радость загробного общения со всеми людьми прошедшего, которые испытывали то же чувство, и людьми будущего, которые испытают его. [7]

Настоящее произведение искусства делает то, что в сознании воспринимающего уничтожается разделение между ним и художником, и не только между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом – то освобождении личности от своего отделения от других людей, от своего одиночества, в этом – то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства. [8]

Жизнь – тем более жизнь, чем теснее её связь с жизнью других, с общей жизнью. Вот эта – то связь и устанавливается искусством в самом широком его смысле. [9]

В. Ф. Булгаков (Валентин Фёдорович Булгаков (1886–1966) – последователь и последний секретарь Л. Н. Толстого. Руководитель ряда литературных музеев, в том числе, музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.):

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
«Один студент спрашивал: в чём основа художественного проникновения в чужую
душевную жизнь?»

– Очень просто, – сказал Лев Николаевич, когда я передал ему содержание письма,
прочитанного сначала мною, – объяснение в том, что духовная сущность у всех
людей одна». [10]

Жизнь человечества совершенствуется только вследствие уяснения религиозного
сознания (единственного начала, прочно соединяющего людей между собою). Уяснение
религиозного сознания людей совершается всеми сторонами духовной деятельности
человеческой. Одна из сторон этой деятельности есть искусство. [11]

Искусство должно сделать то, чтобы чувства братства и любви к ближним, доступные
теперь только лучшим людям общества, стали привычными чувствами, инстинктом всех
людей. Вызывая в людях, при воображаемых условиях, чувства братства и любви,
религиозное искусство приучит людей в действительности, при тех же условиях,
испытывать те же чувства, проложит в душах людей те рельсы, по которым
естественно пойдут поступки жизни людей, воспитанных искусством. Соединяя же
всех самых различных людей в одном чувстве и уничтожая разделение, всенародное
искусство воспитает людей к единению, покажет им не рассуждением, но самую
жизнь радость всеобщего единения вне преград, поставленных жизнью. [12]

Назначение искусства в наше время в том, чтобы перевести из области рассудка в
область чувства истину о том, что благо людей в их единении между собою, и
установить на место царствующего теперь насилия то царство божие, т. е. любви,
которое представляется всем нам высшею целью жизни человечества. [13]

Задача искусства огромна: искусство, настоящее искусство, с помощью науки
руководимое религией, должно сделать то, чтобы то мирное сожительство людей,
которое соблюдается теперь внешними мерами, – судами, полицией,
благотворительными учреждениями, инспекциями работ и т. п., – достигалось
свободной и радостной деятельностью людей. Искусство должно устранять насилие.
[14]

Всё, что соединяет людей, есть добро и красота; всё, что разъединяет их, есть
зло и безобразие.

Всем известна эта формула. Она начертана в нашем сердце. Добро и красота для
человечества есть то, что соединяет людей. [15]

– 3 –

..Искусство есть деятельность заражающая, и чем более заразительно искусство, тем
оно лучше. Но (...) эта деятельность хороша или дурна независимо от того,
насколько она удовлетворяет требованиям искусства, т. е. заразительности, ещё и
потому, насколько она удовлетворяет требованиям религиозного сознания, т. е.
нравственности, совести... [16]

Искусство по силе своего влияния почти равно религии. А религия служит только
вере, значит, самому высокому, что есть в душе. И как те религии, которые служат
не вере, не душе, а чему-то другому, теряют своё значение, так и искусство, если
оно преследует цели забавы для тех, кто им пользуется, становится неизбежно для
тех, кто ему служит, ремеслом, требующим только технического совершенствования.
И тогда оно является уже не благом, а злом. [17]

Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное
чувство. [18]

Искусство истинное только тогда, когда совпадает внутреннее стремление с
сознанием исполнения дела Божия: можно стремиться выразить то, что занимает, но
что не нужно Богу, и можно стремиться содействовать произведением искусства делу

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то Богию, но не иметь к нему внутреннего стремления, и будет не искусство. [19]

Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник. Для того, чтобы произведение искусства было совершенно, нужно, чтобы то, что говорит художник, было совершенно ново и важно для всех людей, чтобы выражено оно было вполне красиво, и чтобы художник говорил из внутренней потребности и потому говорил вполне правдиво.

Для того, чтобы то, что говорит художник, было вполне ново и важно, нужно, чтобы художник был нравственно просвещённый человек, а потому не жил бы исключительно эгоистичной жизнью, а был участником общей жизни человечества.

Для того, чтобы то, что говорит художник, было выражено вполне хорошо, нужно, чтобы художник овладел своим мастерством так, чтобы, работая, так же мало думал о правилах этого мастерства, как мало думает человек о правилах механики, когда ходит.

А чтобы достигнуть этого, художник никогда не должен оглядываться на свою работу, любоваться ею, не должен ставить мастерство своей целью, как не должен человек идущий думать о своей походке и любоваться ею.

Для того же, чтобы художник выражал внутреннюю потребность души и потому говорил бы от всей души то, что он говорит, он должен, во-первых, не заниматься многими пустяками, мешающими любить по-настоящему то, что свойственно любить, а во-вторых, любить самому, своим сердцем, а не чужим, не притворяться, что любишь то, что другие признают или считают достойным любви. [20]

С тех пор, как были люди, истинное искусство, то, которое высоко ценилось людьми, не имело другого значения, как выражение науки о назначении и благе человека. Всегда и до последнего времени искусство служило учению о жизни, – только тогда оно было тем, что так высоко ценили люди. [21]

Да, искусство, чтобы быть уважаемым, должно производить доброе. А чтобы знать доброе, надо иметь мирозозерцание, веру. Доброе есть признак истинного искусства. [22]

Искусство – одно из средств различения доброго от злого – одно из средств узнавания хорошего.

Это одно из духовных отправлений человечества, как кормление, пути сообщения и т. п. суть физические отправления. [23]

Задача искусства должна заключаться в том, чтобы внести в жизнь свет истины, осветить мрак жизни и указать истинный смысл её. [24]

Дело не в том, чтобы писать, а в том, чтобы жить христианскою жизнью; вот величайшее художественное произведение, доступное человеку. Будем же стараться его производить, а по мере достижения этого и наши слова и писания будут хороши и нужны людям. [25]

...Надо больше заниматься тем художественным произведением, которое составляет жизнь каждого из нас, прикладывая всё внимание и усилие на то, чтобы не было в ней никаких ошибок ни колорита, ни перспективы, ни, главное, отсутствия содержания. [26]

...Только этим путём, т. е. своим приближением к совершенству, мы можем воздействовать на других, – налиться должна лейка доверху, чтоб из неё потекло, – и воздействие будет через нашу жизнь и через слово устное и письменное, насколько это слово будет частью и последствием жизни, насколько от избытка сердца будут говорить уста. [27]

Моё желание писать всё только оттого и происходит, что хочется передать другим людям то, что нам всем дано и чего я так долго не знал, и что делает всех нас счастливыми. [28]

Я полагаю, что задача пишущего человека одна: сообщить другим людям те свои мысли, верования, которые сделали мою жизнь радостною. (...)

(...) Одно только опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы всё существо человека. (...) Одинаково, по-моему, дурно и вредно писать безнравственные вещи, как и писать поучительные сочинения холодно и не веря в то, чему учишь, не имея страстного желания передать людям то, что тебе даёт благо. [29]

Какая огромная разница между таким философствованием, при котором играешь словами, и таким изложением мысли, при котором готовишься жить и умереть на основании тех слов, которые высказываешь. [30]

..Если человек не стремится всеми силами делать то, что он говорит, то он никогда и не скажет хорошо того, что надо делать, никогда не заразит других. [31]

- 4 -

Искусство есть умение изображать то, что должно быть, то, к чему должны стремиться все люди, то, что даёт людям наибольшее благо. [32]

Да, для того, чтобы производить то, что называют произведениями искусства, надо, чтобы человек ясно, несомненно знал, что добро, что зло, тонко видел разделяющую черту, и потому писал бы не то, что есть, а что должно быть. А писал бы то, что должно быть, так, как будто оно есть, чтобы для него то, что должно быть – было бы. [33]

Писателю художнику, кроме внешнего таланта, надо две вещи: первое – знать твёрдо, что должно быть, а второе – так верить в то, что должно быть, чтоб изображать то, что должно быть, так, как будто оно есть, как будто я живу среди него. [34]

Правду узнает не тот, кто узнает только то, что было, есть и бывает, а тот, кто узнает, что должно быть по воле Бога.

Напишет правду не тот, кто только опишет, как было дело и что сделал тот, и что сделал другой человек, а тот, кто покажет, что делают люди хорошо, т. е. согласно с волей Бога, и что дурно, т. е. противно воле Бога.

Правда – это путь. Христос сказал: «Я есмь путь и истина, и жизнь».

И потому правду знает не тот, кто глядит себе под ноги, а тот, кто знает по солнцу, куда ему идти.

Все словесные сочинения и хороши, и нужны не тогда, когда они описывают, что было, а когда показывают, что должно быть; не тогда, когда они рассказывают то, что делали люди, а когда оценивают хорошее и дурное, когда показывают людям один тесный путь воли Божьей, ведущей в жизнь.

Для того же, чтобы показать этот путь, нельзя описывать только то, что бывает в мире. Мир лежит во зле и соблазнах. Если будешь описывать много лжи, и в словах твоих не будет правды. Чтобы была правда в том, что описываешь, надо писать не то, что есть, а то, что должно быть, описывать не правду того, что есть, а правду царствия Божия, которое близится к нам, но которого ещё нет. [35]

Художник только потому и художник, что он видит предметы не так, как он хочет их

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то видеть, а так, как они есть. Носитель таланта – человек – может ошибаться, но талант, если ему только будет дан ход, (...) откроет, обнажит предмет и заставит полюбить его, если он достоин любви, и возненавидеть его, если он достоин ненависти. [36]

– 5 –

Гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает. Духовная деятельность и выражение её, действительно нужные для других, есть самое тяжёлое призвание человека – крест, как выражено в Евангелии. И единственный, несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод. [37]

О чувстве меры в искусстве: (...) отсутствие меры выставляет на вид производителя искусства, и оттого уничтожается иллюзия того, что я не воспринимаю, а творю. [38]

Во всякой добродетели самоотречение, самозабвение есть первое дело, так и в искусстве. Писатель не должен быть виден... [39]

Когда мы пишем, мы стараемся скрыться самим не потому, что такой приём принят, а потому, что мы знаем, что то, что свято и истинно – не мы как личность, а то, что поняла эта личность. [40]

...Нельзя по своей воле писать, что и как хочешь. Писать (...) глупости можно, но писать такие вещи, которые тронут сердца людей, нельзя по своей воле. Одно, что от нас зависит, это то, чтобы быть наиболее чистым проводником этой силы, не задерживая её и не загрязняя её своим. [41]

Серьёзный писатель должен писать так, чтобы иметь в виду только то, что его прочтут уже после его смерти. [42]

...Человек проявит свою индивидуальность не тогда, когда он будет заботиться о ней, а тогда, когда он, забыв о ней, будет по мере своих сил и способностей делать то, к чему влечёт его природа. [43]

Смешная забота об индивидуальности. Предоставим богу это или природе. Они уж позаботятся об индивидуальности. [44]

...Индивидуальность у писателя? Индивидуальность – это искренность. Если будете искренним, тогда всегда будете и индивидуальным... [45]

– 6 –

Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство, как для матери причина полового зачатия есть любовь. Причина поддельного искусства есть корысть, точно так же, как и проституция.

Последствие истинного искусства есть внесённое новое чувство в обиход жизни, как последствие любви жены есть рождение нового человека в жизнь. Последствие поддельного искусства есть развращение человека, ненасытность удовольствий, ослабление духовных сил человека. [46]

...В литературе нужно соблюдать своего рода целомудрие и высказываться лишь тогда, когда это становится необходимым. [47]

Надо, чтобы созрела мысль, созрела настолько, чтобы вы горели ею, плакали над ней, чтобы она отравляла вам покой. Тогда пишите. Содержание придёт само. [48]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Писать надо только тогда, когда чувствуешь в себе совершенно новое, важное содержание, ясное для себя, но непонятное людям, и когда потребность выразить это содержание не даёт покоя. [49]

...Не сочиняйте стихов, а выражайте стихами то чувство, которое обхватит вас и ищет своего выражения в поэтической форме. [50]

У всякого искусства есть два отступления от пути: пошлость и искусственность. Между обеими только узкий путь. И узкий путь этот определяется порывом. Есть порыв и направление, то минуешь обе опасности. [51]

...Состояние души художника, из которого вытекает произведение искусства, есть высшее проявление знания, откровение тайн жизни. Если же такое состояние есть высшее знание, то и не может быть другого знания, которое могло бы руководить художником для усвоения себе этого высшего знания. [52]

Истинное художественное произведение – заразительное – производится только тогда, когда художник ищет – стремится. [53]

Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он всё нашёл и всё знает, и учит или нарочно потешает, он не действует. Только если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках. [54]

Талант – это любовь. Кто любит, тот и талантлив. [55]

...Выработк[а] языка, мастерства выражения. Это всё неважно. Важно так полюбить какую-нибудь сторону жизни, так увлечься ею, чтобы ничего не видеть, кроме неё, и от этого увидеть в ней то, чего никто не видел, и потом все силы души положить на то, чтобы как возможно лучше выразить то, что видишь. [56]

...Искусство не есть мастерство, а передача испытанного художником чувства. [57]

литература! Избави от неё бог; делиться мыслями и чувствами – это так. [58]

Писать, т. е. передавать людям ту истину, которую знаешь, не может быть ремеслом – это дело другого порядка. [59]

До тех пор, пока не будут высланы торговцы из храма, храм искусства не будет храмом. Искусство будущего изгонит их. [60]

...В искусстве будущего не только не будет требоваться та сложная техника, которая обезображивает произведения искусства нашего времени и требует большого напряжения и траты времени, но будет требоваться, напротив, ясность, простота и краткость, – те условия, которые приобретаются не механическими упражнениями, а воспитанием вкуса. [61]

...Идеалом совершенства будущего будет (...) не громоздкость, неясность и сложность формы, как это считается теперь, а, напротив, краткость, ясность и простота выражения. [62]

Надо стараться довести свою мысль до такой степени простоты, точности и ясности, чтобы всякий, кто прочтёт, сказал бы: «Только-то? Да ведь это так просто!» А для

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
этого нужно огромное напряжение и труд. [63]

Простота (...) мысли (...) происходит от двух противоположных причин: от
совершенного непонимания вопроса и от глубокого всестороннего изучения его. [64]

...Простота – необходимое условие прекрасного. Простое и безыскусственное может
быть нехорошо, но непростое и искусственное не может быть хорошо. [65]

Совершенно простым и понятным языком ничего дурного нельзя будет написать. Всё
безнравственное представится столь безобразным, что сейчас будет отброшено... [66]

Простота всегда привлекательна. От этого привлекательность детей и животных.
[67]

Это страшная ошибка – думать, что прекрасное может быть бессмысленным. [68]

Правда коротка; ложь всегда многословна. [69]

Простота – необходимое условие и признак истины. [70]

Истинно полезное, истинно доброе и потому истинно великое всегда просто. [71]

Величайшие истины – самые простые. [72]

Простота есть покорность Богу. [73]

– 7 –

Нынешние декаденты (...) говорят, что для поэзии нужны крайности добра и крайности
зла. Что без этого нет поэзии. Что стремление к одному добру уничтожает
контрасты и потому поэзию. Напрасно они беспокоятся. Зло так сильно – это весь
фон – что оно всегда тут для контраста. Если же признавать его, то оно всё
затянет, будет одно зло, и не будет контраста. Даже и зла не будет – будет
ничего. Для того, чтобы был контраст и чтобы было зло, надо всеми силами
стремиться к добру. [74]

Красота, радость только как радость, независимо от добра, отвратительная. Я
узнал это и бросил. Добро без красоты мучительно. Только соединение двух, и не
соединение, а красота как венец добра. [75]

Отвратительна животность зверя в человеке, (...) но когда она в чистом виде, ты с
высоты своей духовной жизни видишь и презираешь её, пал ли, или устоял, ты
остаёшься тем, чем был; но когда это же животное скрывается под мнимой
эстетической, поэтической оболочкой и требует перед собой преклонения, тогда,
обогащая животное, ты весь уходишь в него, не различая уже хорошего от
дурного. Тогда это ужасно. [76]

Несчастливы люди, т. е. существа, одарённые разумом и даром слова, когда они и то,
и другое употребляют для того, чтобы жить, как животные. [77]

Радость жизни без соблазна есть предмет искусства. [78]

Упадок искусства есть вернейший признак упадка цивилизации. Когда есть идеалы,
то во имя этих идеалов производятся произведения искусства; когда же их нет, как

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то теперь у нас, – нет произведений искусства! Есть игра – словами, игра – звуками, игра – образами. [79]

Искусство, становясь всё более и более исключительным, удовлетворяя всё меньшему и меньшему кружку людей, становясь всё более и более эгоистичным, дошло до безумия – так как сумасшествие есть только дошедший до последней степени эгоизм. Искусство дошло до крайней степени эгоизма и сошло с ума. [80]

Искусство наше есть то же, что соус к пище. Если есть один соус – вкусно, но не будешь сыт и испортишь желудок. [81]

Искусство не есть наслаждение, утешение или забава; искусство есть великое дело. [82]

Мысль (...) есть та сила, которая движет жизнью и моей, и всего человечества. И потому несерьёзно обращаться с мыслью есть грех большой, и “verbicide” (убийство слова (англ.)) не меньше грех, чем “homicide” (убийство человека (англ.)). [83]

Мысль есть самое важное в человеке; сообразно мысли живут и поступают люди. Стало быть, хороша та книга, которая говорит мне, что мне делать. А люди стараются из книги сделать какую-то забаву, игрушку. Это всё равно что хлеб: хлеб существует затем, чтобы его есть, а кто скажет, что он существует для того, чтобы помягче на нём сидеть, это бессмыслица, чепуха. [84]

Что же это за страшная сила. (...) Как за колдовство, т. е. за таинственное воздействие злое, казнили, а за молитвы, таинственное воздействие доброе, прославляли, возвеличивали, так и с искусством надо. Это не шутка, а ужасная власть. [85]

Искусство есть одно из самых могущественных средств внушения. А так как внушено может быть и порочное (и порочное всегда легче внушается), и хорошее, то ни перед какими способами внушения не надо быть больше настороже, как перед внушением искусства. [86]

Ужасно! Слово, которое должно служить передаче мысли, до такой степени извращено!.. [87]

Им просто нечего сказать, а они ищут каких-то новых форм. Да зачем их искать? Если есть, что сказать, то только бы успеть сказать всё, что хочется, а формы искать не придётся. [88]

...Писать повести вообще напрасно, а ещё более таким людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни. [89]

...Два рода писания, как будто похожие, а между ними бездна, прямая противоположность: один род законный, божеский, это – писание, писанное человеком для того, чтобы самому себе уяснить свои мысли (...). Другой род дьявольский, часто совершенно по внешности похожий на первый, это – писание, писанное для того, чтобы перед самим собою и перед другими затемнить, запутать истину... (...) Избави нас бог от этого. И потому всеми силами старайтесь не быть сочинителем... [90]

Как только люди говорят о своих мыслях и чувствах, то всё ясно и верно. Вся путаница идёт от людей, у которых нет своих мыслей и чувств, а они хотят о них говорить. [91]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Деятели нынешней науки и искусства не исполнили и не могут исполнить своего призвания, потому что они из обязанностей своих сделали права. [92]

Литература была белый лист, а теперь он весь исписан. Надо перевернуть или достать другой. [93]

– 8 –

Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях. [94]

Главная цель искусства (...) та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека, высказать такие тайны, которые нельзя высказать простым словом. От этого и искусство. [95]

Самое важное в произведении искусства – чтобы оно имело нечто вроде фокуса, т. е. чего-то такого, к чему сходятся все лучи или от чего исходят. И этот фокус должен быть недоступен полному объяснению словами. Тем и важно хорошее произведение искусства, что основное его содержание во всей полноте может быть выражено только им. [96]

Удивительно! Что такое музыка? (...) В живописи, в литературе всегда примешан элемент рассудочности, а тут ничего нет – сочетание звуков, а какая сила! Я думаю, что музыка – это наиболее яркое практическое доказательство духовности нашего существа. [97]

...Искусство захватывает вечное, и это вечное даёт ему силу и смысл. [98]

Знание. Наука, образование, воспитание

– 1 –

«...Мы все согласны в этом одном: для чего надо жить и что хорошо. Я со всеми людьми имею только одно твёрдое, несомненное и ясное знание, и знание это не может быть объяснено разумом – оно вне его и не имеет никаких причин и не может иметь никаких последствий.

Если добро имеет причину, оно уже не добро; если оно имеет последствие – награду, оно тоже не добро. Стало быть, добро вне цепи причин и следствий.

И его-то я знаю, и все мы знаем.

А я искал чудес, жалел, что не видал чуда, которое бы убедило меня. А вот оно чудо, единственно возможное, постоянно существующее, со всех сторон окружающее меня, и я не замечал его!

(...)

(...) И я удивлялся, что, несмотря на самое большое напряжение мысли (...), мне всё-таки не открывается смысл жизни, смысл моих побуждений и стремлений. А смысл моих побуждений во мне так ясен, что я постоянно живу по нём... (...)

Я ничего не открыл. Я только узнал то, что я знаю. Я понял ту силу, которая не в одном прошедшем дала мне жизнь, но теперь даёт мне жизнь. Я освободился от обмана, я узнал хозяина.

(...)

Я искал ответа на мой вопрос. А ответ на мой вопрос не могла мне дать мысль, – она несоизмерима с вопросом. Ответ мне дала сама жизнь, в моём знании того, что хорошо и что дурно. А знание это я не приобрёл ничем, но оно дано мне вместе со всеми, дано потому, что я ниоткуда не мог взять его.

Откуда взял я это? Разумом, что ли, дошёл я до того, что надо любить ближнего и

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то не душить его? Мне сказали это в детстве, и я радостно поверил, потому что мне сказали то, что было у меня в душе. А кто открыл это? Не разум. Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех, мешающих удовлетворению моих желаний. Это вывод разума. А любить другого не мог открыть разум, потому что это неразумно».

«Да, гордость», – сказал он себе... (...)

«И не только гордость ума, а глупость ума. А главное – плутовство, именно плутовство ума. Именно мошенничество ума», – повторил он.

(...)

«Да, то, что я знаю, я знаю не разумом, а это дано мне, открыто мне, и я знаю это сердцем...» [1]

Мы думаем и говорим даже: зачем бог, послав нас в мир, не сказал нам словами понятными и ясными, кто он и зачем мы живём; но мы забываем (...), что только наша слабость говорить неточными, недостаточными, односторонними, двусмысленными словами, а что у бога (...) есть другой язык, другое средство передачи истины: средство это наше внутреннее сознание и наше положение в мире. И если бы мы не ждали ни от бога, ни от пророков, ни от себя словесного выражения своего положения и отношения к миру, мы бы не переставая чувствовали присутствие того высшего сознания, которое открывает нам смысл нашей жизни и её закон. [2]

Разум и ум – два совершенно различных свойства. Есть много людей с большим умом, лишённых разума. Ум есть способность понимать и соображать жизненные, мирские условия; разум же есть божественная сущность души, открывающая ей её отношение к миру и богу. [3]

Разум есть сознание своей жизни и познания её смысла и назначения, и отыскивания путей, по которым человек может исполнить это назначение. Ум есть способность видеть отношение явлений между собою и может видеть цели не разумные. Разум для достижения своих целей всегда пользуется умом, но ум может быть употребляем для целей совершенно неразумных. [4]

...Ум безразлично направляет свою способность рассуждения на всё, что попало, тогда как разум всегда рассматривает и определяет отношения явлений только ввиду достижения установленной разумом цели жизни. Разум есть орудие, данное человеку для исполнения своего назначения, или закона жизни, и так как закон жизни один для всех людей, то и разум один для всех, хотя и проявляется в различной степени в различных людях. (...) Разум есть сила, которая дана человеку для указания направления жизни. (...)

...наша ошибка (...) в том, что то орудие ума, данное нам для разрешения задач, поставленных разумом, мы приняли за всю совокупность наших познавательных способностей и хотим умом, действующим только в области пространственных и временных условий, решать вопросы духовные, внепространственные и вневременные, о том, что должно и не должно, вопросы, решаемые очень легко разумом, если мы только верим в него, а не ставим на его место одно из его проявлений. [5]

Обычная ошибка людей в том, что они полагают, что низшая человеческая способность ума, действующая только в области явлений пространственных и временных, есть основная способность познания, решению которой подлежат все вопросы, в том числе и вопрос внутреннего духовного мира человека. А между тем, деятельность ума есть деятельность низшая, не могущая видеть что-либо вне пространственных и временных условий, скрывающих от человека сущность вещей, и потому непонимание таких людей всегда ложно, неясно, противоречиво и запутано. Непонимание может быть правильно только тогда, когда человек признаёт основой своего знания то знание, которое открывает ему истину вне пространственных и временных условий. С этого-то знания в действительности начинается всякое знание. [6]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

Человек употребляет свой разум на то, чтобы спрашивать: зачем и отчего? – прилагая эти вопросы к жизни своей и жизни мира. И разум же показывает ему, что ответов нет. Делается что-то вроде дурноты, головокружения при этих вопросах. (...) ...Ум человека не может придумать ответов на эти вопросы. Что ж это значит?

А то, что разум человеку не дан на то, чтобы отвечать на эти вопросы, что самое задание таких вопросов означает заблуждение разума. Разум решает только основной вопрос как. И для того, чтобы знать как, он решает в пределах конечности вопросы отчего и зачем?

Что же как? Как жить? Как же жить? Блаженно.

Этого нужно всему живущему и мне. И возможность этого дана всему живущему и мне. И это решение исключает вопросы отчего и зачем.

Но отчего и зачем не сразу находится блаженство? Опять ошибка разума. Блаженство есть делание своего блаженства, другого нет. [7]

Есть два рода умов: один ум логический, эгоистический, узкий, длинный, и другой – чуткий, сочувствующий, широкий, короткий. [8]

Есть два способа познания внешнего мира: один самый грубый и неизбежный способ познания пятью чувствами. Из этого способа познания не сложился бы в нас тот мир, который мы знаем, а был бы хаос, дающий нам различные ощущения. Другой способ состоит в том, чтобы, познав любовью к себе себя, познать потом любовью к другим существам эти существа; перенестись мыслью в другого человека, животное, растение, камень даже. Этим способом познаешь изнутри и образуешь весь мир, как мы знаем его. Этот способ есть то, что называют поэтическим даром, это же есть любовь. Это есть восстановление нарушенного как будто единения между существами. Выходишь из себя и входишь в другого. И можешь войти во всё. Всё – слиться с Богом, со всем. [9]

...Люди хорошие делают дело не умом, не руками, а сердцем. [10]

Материалисты прямо говорят, что они своими научными, опытными исследованиями всё объяснили, свели к общим законам: осталось одно, незначительное среди других, психическое явление, ещё не сведённое к объяснению опытным путём, но са ne tartera pas (за этим дело не станет (фр.)).

Удивительная глупость или, скорее, сумасшествие, – учтиво сказать – уклонение от здравого смысла! То, на чём основана вся жизнь, в чём состоит вся жизнь, что должно быть основанием всякого изучения, это одно пропускается в надежде, что оно вот-вот на днях объяснится каким-нибудь профессором из Берлина или Гамбурга. Удивительно! [11]

Ум возникает только из смирения. Глупость же – только из самомнения. Как бы сильны ни были умственные способности, смиренный человек всегда недоволен – ищет; самоуверенный думает, что всё знает, и не углубляется. [12]

Материалист говорит: «Увертюра, которую играет орган, происходит от органа и производится им. Вот трубы, вот барабаны, вот литавры, вот движущая пружина. Уничтожьте одну трубу, всё разладится; уничтожьте пружину, всё прекратится. Каких же ещё доказательств, что увертюра Фрейшюца (По всей видимости, здесь идёт речь об увертюре из оперы немецкого композитора Карл фон Вебера (1786–1826) «Вольный стрелок» (нем. “Freischutz”)) произошла от органа?»

– А почему же именно увертюра Фрейшюца? – спрашиваете вы.

– «А потому, что было и есть бесчисленное количество органов, которые производили всякие сочетания звуков. Нескладные сочетания разрушали органы, а складные, как увертюра Фрейшюца, остались. А вы вносите какую-то ненужную

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то величину: композитора. Всё и без композитора очень просто и ясно». [13]

Когда против объяснения явления говорят: это отвлечения, а я говорю факты, – так факт есть вращение солнца вокруг земли, вращение же земли есть отвлеченная идея. [14]

У меня изжога. Что это? медицина не знает, но знает, что есть желудок, желудочный сок, кишки и т. п., и на основании этих знаний предписывает лечение, даёт внешние и внутренние средства. Но ведь кроме желудочного сока, кишечника и т. п. известных нам причин и условий совершающихся процессов есть ещё сложнее причины и условия, совершенно неизвестные вам. Это вроде того, как если бы люди, зная законы тяготения, объяснили бы законы гроз и принимали бы меры против них, не зная о существовании электричества. [15]

Как бы велико ни казалось знание людей в сравнении с прежним незнанием, оно всегда только бесконечно малая часть всего возможного знания. [16]

Ничего, ничего нет верного, кроме ничтожества всего того, что мне понятно, и величия чего-то непонятного, но важнейшего! [17]

Одно и только одно мы несомненно знаем, это одно единственно несомненно и прежде всего известное нам есть наше «я», наша душа, т. е. та бестелесная сила, которая связана с нашим телом. А потому и всякое определение чего бы то ни было в жизни, всякое знание в основе своей имеет это одно, общее всем людям знание. [18]

...Признавать явления этого [внешнего] мира всею жизнью есть величайшее заблуждение. Вся жизнь есть только то, что мы сознаём, и поэтому изучать всю жизнь можно только внутренним путём; всё же то, что мы наблюдаем объективно, есть только последствия жизни. Жизнь есть только то, что мы сознаём как жизнь. Мало того, и сознание себя отдельной личностью ещё не есть настоящая человеческая жизнь. Настоящая человеческая жизнь начинается только тогда, когда начинается божеское сознание, т. е. человек сознаёт себя сыном, слугою Бога, а остальное всё только подобие жизни. [19]

...Жизнь – и миропонимание будет правильное только тогда, когда исходной точкой знания будет духовный мир, а знания из области материального мира будут только выводами, добавлениями, последствиями знания мира духовного. Миропонимание же, которое будет ставить в основу знания из мира внешнего, материального, основанного на данных наших чувств, и из этих знаний будет выводить явления духовного мира как нечто неизвестное, будет всегда сложным, неясным и путанным, как оно и есть. [20]

Они [материалисты] совершенно правы, отыскивая и устанавливая законы, управляющие видимым внешним миром, но неправы, когда хотят или предполагают по тем же законам объяснить существование наблюдающего и потому отрицают независимое существование этого наблюдающего и способ познания этого наблюдающего: сознание, то самое, чем они пользуются для своих наблюдений, без чего они не могли бы делать их.

(...)

Иначе сказать можно это ещё так. Есть два способа познания: один внешний – наблюдения, при котором допускается данным и не требующим объяснения существование наблюдателя, которому верится; другой – такой, при котором исследуется самый наблюдатель и на основании его изучения уже признаётся достоверность внешнего, наблюдаемого. [21]

Самый нужный и важный для каждого человека предмет изучения – это он сам, его духовное существо. [22]

Главная причина разделения и несогласия людей в том, что одни считают жизнью наблюдаемое, другие сознаваемое. [23]

Приёмы естественных наук, основывающих свои выводы на фактах, – самые ненаучные приёмы. Фактов нет. Есть наше восприятие их. И потому научен только тот приём, который говорит о восприятии, о впечатлениях. [24]

Главное заблуждение людей науки в том, что они думают, что существует мир, а не я, не сознание человека. [25]

– 2 –

Каждый человек может и должен пользоваться всем тем, что выработал совокупный разум человечества, но вместе с тем может и должен своим разумом проверять истины, выработанные прежде него жившими людьми. [26]

Всё исследуй. Верь только тому, что согласно с разумом. [27]

Самый жалкий раб – это человек, отдающий в рабство свой разум и признающий истиной то, чего не признаёт его разум. [28]

Кто не мыслит самостоятельно, тот находится под внушением другого, мыслящего за него. Отдавать кому-нибудь в собственность свою мысль есть более унижительное рабство, чем отдавать кому-нибудь в собственность своё тело. Мысли и делай своё, не думая о том, что скажут о тебе люди. [29]

Всякая мысль, от кого бы она ни исходила, подлежит обсуждению, и всякая мысль, от кого бы она ни исходила, заслуживает внимания. [30]

99/100 поступков всех людей совершаются по подражанию, по внушению, по инстинкту. 1/100 делается по разуму, свободно; и эта-то 1/100 движет человечество, есть истинная жизнь. [31]

Мысль только тогда движет жизнью, когда она добыта своим умом или хотя отвечает на вопрос, возникший уже в душе. Мысль же чужая, воспринятая умом и памятью, не влияет на жизнь и уживается с противными ей поступками. [32]

Преждевременное искусственное принятие истин, на которые ещё нет душевного запроса, часто задерживает их прочное и действенное водворение в душе. [33]

До тех пор не заимствуй от других ответы на вопросы, пока вопросы не возникли в тебе самом. [34]

Знание только тогда знание, когда оно приобретено усилиями своей мысли, а не одной памятью. [35]

Истинно знает человек только то, до чего он сам дошёл. [36]

– 3 –

Человек, у которого нет такого обоснованного признания высшего начала, закона, которому он всегда, при каких бы то ни было условиях, хотя бы и под угрозой величайших страданий и смерти, повинует, такой человек – знай он все науки в мире – только животное. [37]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
Два рода людей: одни руководятся разумом для познания законов жизни, чтобы
следовать им, другие руководятся разумом или, скорее, умом – для того, чтобы
оправдывать то положение, в котором находятся. [38]

Смысл жизни открывается тотчас же тому, кто готов покориться тому, что откроется
ему, и скрывается от того, кто вперёд уже решил, что он признает истинным только
такой смысл жизни, который не нарушит любимой им и привычной ему жизни. [39]

Надо любить истину так, чтобы всякую минуту быть готовым, узнав высшую истину,
отречься от всего того, что прежде считал истиной. [40]

Знание всегда будет ложно, если целью знания поставлена внешняя выгода. Только
то учение, которое вызвано внутренними потребностями, бывает полезно себе и
ближним. [41]

Знание – орудие, а не цель. [42]

– 4 –

Религиозное познание есть то, на котором зиждется всякое другое. И оттого оно
предшествует всякому познанию. [43]

Высшая мудрость основана не на одном разуме, не на тех светских науках физики,
истории, химии и т. д., на которые распадается знание умственное. Высшая
мудрость одна. Высшая мудрость имеет одну науку – науку всего, науку,
объясняющую всё мироздание и занимаемое в нём место человека. Для того, чтобы
вместить в себя эту науку, необходимо очистить и обновить своего внутреннего
человека, и потому прежде, чем знать, нужно верить и совершенствоваться. И для
достижения этих целей в душе нашей вложен свет Божий, называемый совестью. [44]

...Наука и искусство без религиозной основы – вздор и зло. [45]

Все научные исследования ничтожны без религиозной основы. Разум человека
действует плодотворно только тогда, когда он опирается на данные религии. Только
религия, ставя разумные цели, распределяет поступки людей по их значению. [46]

Разумное и нравственное всегда совпадают. [47]

Разумный человек не может быть зол. Добрый человек всегда разумен. [48]

Чем больше слушается человек разума, тем легче ему быть добрым, и чем больше в
нём доброты, тем разумнее бывают его суждения. Увеличивай в себе любовь разумом,
а разум – любовью. [49]

Настоящее познание (...) даётся сердцем, т. е. любовью. Мы знаем то, что любим,
только. [50]

Я представляю себе знания как трубу: если она направлена к свету – она собирает,
концентрирует свет, а если её направить в сторону, то она ни к чему не нужна.
[51]

...Из всех наук, которые человек может и должен знать, главнейшая есть наука о
том, как жить, делая как можно меньше зла и как можно больше добра; и из всех
искусств главнейшее есть искусство уметь избегать зла и творить добро с
наименьшей, по возможности, затратой усилий. [52]

...Знание того, как должно жить людям, со времён Моисея, Солона, Конфуция считалось всегда наукой, самой наукой наук. И только в наше время стало считаться, что наука о том, как жить, есть вовсе не наука, а что настоящая наука есть только наука опытная, начинающаяся математикой и кончающаяся социологией. [53]

Если бы хоть 1/10 тех сил, которые тратятся теперь на предметы простого любопытства и практического применения, тратились на истинную науку, учреждающую жизнь людей, то у большей половины теперь больных людей не было бы тех болезней, от которых вылечивается крошечная часть в клиниках и больницах; не было бы воспитанных на фабриках худосочных, горбатых детей, не было бы, как теперь, смертности 50 % детей, не было бы вырождения целых поколений, не было бы проституции, не было бы сифилиса, не было бы убийства сотен тысяч на войнах, не было бы тех ужасов безумия и страданий, которые теперешняя наука считает необходимым условием человеческой жизни. [54]

То, что называется наукой, представляет или самую важную человеческую деятельность, когда цель её открыть законы жизни людей, или самое ничтожное и одуряющее занятие – исследование всего того, что может вызвать любопытство праздных людей. [55]

Учёный тот, кто много знает из книг; образованный тот, кто усвоил себе все самые распространённые в его время знания; просвещённый тот, кто понимает смысл своей жизни. [56]

Самое обычное явление нашего времени – видеть то, что люди, считающие себя учёными, образованными и просвещёнными, зная бесчисленное количество ненужных вещей, коснеют в самом глубоком невежестве, не только не зная смысла своей жизни, но гордясь этим незнанием. И наоборот, не менее обычное явление встречать среди малограмотных и безграмотных людей, ничего не знающих о химической таблице, параллксах и свойствах радия, людей истинно просвещённых, знающих смысл своей жизни и не гордящихся этим. [57]

Много ли железа и какие металлы в солнце и звёздах – это скоро узнать можно; а вот то, что обличает наше свинство, – это трудно, ужасно трудно... [58]

Если человек знает все науки и говорит на всех языках, но не знает, что такое тот бесконечный мир, среди которого он живёт, и не знает, главное, того, зачем он живёт и что от него требуется, то он гораздо менее просвещён той безграмотной старухи, которая верит в Бога, по воле которого она признаёт себя живущей, и знает, что этот Бог требует от неё праведности. Она просвещёнее учёного потому, что у неё есть ответ на главный вопрос: что такое её жизнь и как ей надо жить... [59]

Помощь от общения с людьми и чтения книг, разумеется, есть, но всё ничто, если нет в душе источника воды живой. То наборная вода, а то ключевая. И потому я всегда того мнения, что если можно иметь общение и книги, то это очень хорошо, и надо пользоваться этим, но важности в этом нет. Важно одно – это внутренняя работа над собой, состоящая, главное, в соблюдении чистоты своей жизни, (...) в соблюдении себя чистым сосудом. Если только душа человека чиста, то бог поселяется в ней. Бог наполняет всё, и если вынешь из души то, что не божье, то бог наполнит её, и наполнит в той мере, в которой вынута не божье. [60]

Они, учёные (...), делают некоторое определённое дело, и нужное, они собирают, сличают, компилируют всё однородное. Они, каждый из них, справочная контора, а их труды справочные книги. (...) Catalogue raisonne (толковый указатель (фр.)) и экстракты из книг – полезны, но их воображение, что этими компиляциями, собраниями, каталогами они увеличивают знание, в этом комическое заблуждение. Как только они выходят из области компиляций, они всегда врут и путают добрых

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то людей. [61]

Что такое то я, которое я сознаю в себе отделённым от Всего? Что такое то Всё, от чего я сознаю себя отделённым, и каково отношение моего я ко Всему? т. е. то, что разумеется под словами: учения о душе, учения о Боге и учения о нравственности. Без этих учений о душе, о Всём, о нравственности не может быть ни разумной, ни нравственной жизни людей, не может быть разумного знания.

А эти-то учения вполне отсутствуют в нашем мире. От этого и наша безумная жизнь, и наши праздные упражнения мысли, называемые нами истинной наукой. [62]

То, что должно бы быть основой всех знаний, если не единственным предметом знания – учение нравственности – стало для некоторых не лишённым интереса предметом, для большинства «образованных» – ненужной фантазией отсталых, необразованных людей. [63]

Люди отрицают всякую науку, самую сущность науки – определение того, в чём назначение и благо людей, и это отрицание науки называют наукой. [64]

Совы видят в темноте, но слепнут при солнечном свете. То же бывает и с людьми учёными. Они знают много ненужных научных пустяков, но ничего не знают и не могут знать о самом нужном для жизни... [65]

Способность ума впитывать знания не беспредельна. И потому нельзя думать, что чем больше знаешь, тем лучше. Знание большого количества пустяков – непреодолимая помеха для того, чтобы знать то, что истинно нужно. [66]

Китайцы говорят: мудрость в том, чтобы знать, что ты знаешь то, что знаешь, – и знаешь, что не знаешь, чего не знаешь; я прибавляю к этому: ещё большая мудрость знать, что нужно знать и чего можно не знать, и что знать прежде и что после. [67]

Человеческая мудрость не заключается в познании вещей. Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. Мудрость человеческая в познании того порядка, в котором полезно знать вещи; она состоит в умении распределять свои знания соответственно степени их важности. [68]

В знании важно не количество знаний, даже не точность их (потому что совершенно точных знаний нет и никогда не будет), а разумная связность их: то, чтобы они со всех сторон освещали мир. [69]

...В области знания существует центр, и от него бесчисленное количество радиусов. Вся задача в том, чтобы определить длину этих радиусов и расстояние их друг от друга. [70]

...Знаете, как я себе представляю знания? В виде сферы, из центра которой идут радиусы. Они могут быть бесконечны... Для верности формы сферы нужно, чтобы радиусы были одинаковы... [71]

Науки человеческие всё подразделяют – чтобы понять, всё убивают – чтобы рассмотреть. В святой науке (...) всё едино, всё познаётся в своей совокупности и жизни. [72]

Д(...) спросил меня, как и чем я различаю разум от чувства; я отвечал ему, что не знаю этого деления, или, скорее, что не признаю этого деления основным. Есть

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то дух, живущий в нашем теле, проходящий через него и, как через призму, проходя через него, раздробляющийся на то, что мы называем разумом, чувством, верою и т. п. [73]

Деление на умственное и духовное мне кажется произвольным. Мне кажется, что то же самое свойство человеческого существа, которое открывает ему Пифагорову теорему, открывает ему и несомненную обязательность любви к ближнему. [74]

Большинство жизненных задач решаются как алгебраические уравнения: приведением их к самому простому виду. [75]

Знание и наука – разница. Знание – всё, наука – часть. Так же, как разница между религией и церковью. [76]

Что теперь считается наукой, то будет считаться в будущем отклонением деятельности ума от здравого смысла. [77]

В чём бы ни полагали люди своё назначение и благо, наука будет учением об этом назначении и благе, а искусство – выражением этого учения. [78]

Не то, что мы назовём наукой, определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой. [79]

Религия не есть то, во что верят люди, и наука не то, что изучают люди, а религия то, что даёт смысл жизни, а наука то, что нужно знать людям. [80]

Наука не есть то, что люди назовут этим именем, а то, что составляет высший и нужнейший для блага людей предмет познания. [81]

Исследует человек жизнь только для того, чтобы она была лучше. Так и исследовали жизнь люди, подвигающие вперёд человечество на пути знания. [82]

– 5 –

Религиозное учение должно быть основой воспитания. Воспитание без религиозного учения (...) есть не воспитание, а непременно и развращение, и притупление высших способностей. [83]

...В нашем называемом христианском мире не только опущен, но отрицается тот главный предмет преподавания, без которого не может быть осмысленного приобретения каких бы то ни было знаний. Опущена и отрицается необходимость религиозного и нравственного преподавания, т. е. передачи молодым поколениям учащихся тех, с самых древних времён данных мудрейшими людьми мира, ответов на неизбежно стоящие перед каждым человеком вопросы... [84]

Главное различие людей не в том, как они думают: богаты ли мыслями и широкий ли круг обхватывает их мысль, и много ли они знают, т. е. помнят, а в том, что они думают, что привлекает к себе их мысль и что они знают, т. е. запоминают. [85]

Нельзя заставить ум разбирать и уяснять то, чего не хочет сердце. [86]

Основа воспитания – установление отношения к началу всего и вытекающего из этого отношения руководства поведения. [87]

...Рождение, кормление, возвращение детей будет полезно человечеству только тогда,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
когда она [женщина] будет выращивать не просто детей для своей радости, а
будущих слуг человечества; когда воспитание этих детей будет совершаться во имя
истины и для блага людей... [88]

Для того, чтобы воспитать человека, годного для будущего, надо воспитывать его,
имея в виду вполне совершенного человека, – только тогда воспитанник будет
достойным членом того поколения, в котором ему придётся жить. [89]

Воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех пор, пока мы
хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если
же поймём, что воспитывать других мы можем только через себя, воспитывая себя,
то упраздняется вопрос о воспитании и остаётся один вопрос жизни: как надо
самому жить? Я не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включало
бы и воспитания себя. (...) Два правила я бы дал для воспитания: самому не только
жить хорошо, но работать над собой, постоянно совершенствуясь, и ничего не
скрывать из своей жизни от детей. (...) Все трудности воспитания вытекают от того,
что родители, не только не исправляясь от своих недостатков, но даже не
признавая их недостатками, оправдывая их в себе, хотят не видеть эти недостатки
в детях. (...) Лицемерие родителей при воспитании детей есть самое обычное
явление, и дети чутки и замечают его сейчас же, и отвращаются и разворачиваются.
Правда есть первое, главное условие действительности духовного влияния, и потому
она есть первое условие воспитания. [90]

...Если отец сделает ошибку и признается в своей ошибке перед детьми, что он
сделал дурно, то этот пример будет полезнее сотен нравоучений. [91]

В воспитании всегда, везде, у всех была и есть одна ошибка: хотят воспитывать
разумом, одним разумом, как будто у ребёнка только и есть один разум. И
воспитывают один разум, а всё остальное, т. е. всё главное, идёт, как оно хочет.
Обдумывают систему воспитания разумом опять, и по ней хотят вести всё, не
соображая того, что воспитатели сами люди и беспрестанно отступают от разума. В
школах учителя сидят на кафедрах и не могут ошибаться. Воспитатели тоже
становятся перед воспитанниками на кафедру и стараются быть непогрешимыми.

Но детей не обманешь, они умнее нас. Мы им хотим доказать, что мы разумны, а они
этим вовсе не интересуются, а хотят знать, честны ли мы, правдивы ли, добры ли,
сострадательны, есть ли у нас совесть, и, к несчастью, за нашим старанием
выказаться только непогрешимо разумными видят, что другого ничего нет. [92]

Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. Воздействовать
же на сердце можно только гипнотизацией (которой так подлежат дети),
гипнотизацией, заразительностью примера. (...) И потому всё, или 0,999... воспитания
сводится к примеру, к исправлению и совершенствованию своей жизни. [93]

Стоит заняться воспитанием, чтобы увидеть все свои прорехи. [94]

Вспомнил своё отрочество, главное, юность и молодость. Мне не было внушено
никаких нравственных начал – никаких; а кругом меня большие с уверенностью
курили, пили, распутничали (...), били людей и требовали от них труда. И многое
другое я делал, не желая делать – только из подражания большим. [95]

Как смешны требования людей курящих, пьющих, объедающихся, не работающих и
превращающих ночь в день, о том, чтобы доктор сделал их здоровыми, несмотря на
их нездоровый образ жизни, так же смешны требования людей научить их, как,
продолжая вести жизнь не нравственную, можно было бы дать нравственное
воспитание детям. [96]

Религия. Церковь

– 1 –

Без религии никогда не жило и не может жить человечество. [1]

Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днём, он может рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечёт его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек всегда устанавливал, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, своё отношение ко всему бесконечному по времени и пространству и потому непостижимому для него миру, понимая его как одно целое. И такое установление отношения человека к тому непостижимому целому, которого он чувствует себя частью и из которого он выводит руководство в своих поступках, и есть то, что называлось и называется религией. И потому религия всегда была и не может перестать быть необходимостью и неустранимым условием в жизни разумного человека и разумного человечества. [2]

Человек без религии, т. е. без какого-либо отношения к миру, так же невозможен, как человек без сердца. Человек может не знать, что у него есть сердце; но как без сердца, так и без религии человек не может существовать. [3]

Полный человек, каким он должен быть, это человек религиозный. Человек без религии – животное, только возможность человека. [4]

Все бедствия людей от отсутствия религии. Без религии нельзя жить. Только религия даёт определение хорошего и дурного, и потому человек только на основании религии может сделать выбор из всего того, что он может желать сделать. Только религия уничтожает эгоизм, только вследствие религиозных требований человек может жить не для себя. Только религия уничтожает страх смерти; только религия даёт человеку смысл жизни; только религия устанавливает равенство людей; только религия освобождает человека от всех внешних стеснений. [5]

Мы обыкновенно привыкли давно и естественно приписывать огромное значение материальным, видимым, осязаемым событиям и почти никакого или очень мало духовным, невидимым. Мы приходим в ужас при известии о войне, о голоде, о землетрясении, но такое явление, как то, что [люди] живут, не зная зачем и для чего и не имея никакой религии, кажется нам не важным... (...) ...А это явление гораздо важнее и гибельнее всяких материальных действий: пожаров, землетрясений, войн.

То, что люди (...) не имеют никакой религии, никакого объяснения смысла своей жизни, потому что сотворение Богом мира и человека по своей фантазии и происхождение человека от эволюционного процесса не могут считаться объяснениями – есть источник всех бедствий людей. Всё ложное течение жизни человеческой происходит от этого незнания. [6]

Если та религия, в которую вы верили, разрушена вашим критическим отношением к ней, тотчас ищите другую, т. е. другой ответ на вопрос: зачем вы живёте? Как без короля, говорят, нельзя быть минуты: *Le roi est mort, vive le roi* (король умер, да здравствует король (фр.)), так тем меньше нельзя быть минуты без этого царя в голове и сердце. Только религия, т. е. ответ на вопрос: зачем я живу? даст такое дело, при котором можно забыть себя, свою ничтожную, гибнущую и надоевшую себе, и столь несносно требовательную личность. [7]

Рассматривая причины тех бедствий, от которых страдает человечество, восходя от ближайших причин к более основным, всегда придёшь к основной причине всех и всяких бедствий людей: к неясности или ложности установленного отношения человека к миру и началу его, т. е. к ложной религии. [8]

...Религия, то самое, что одно даёт человеку истинное благо жизни, религия в извращённом виде есть главный источник заблуждений и страданий людских. [9]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Исправление существующего зла жизни не может начаться ни с чего другого, как только с обличения религиозной лжи и свободного установления религиозной истины в самом себе каждым отдельным человеком. [10]

Жизнь – серьёзное дело, а в жизни самое серьёзное – религия, т. е. то, как человек понимает себя и своё отношение ко всему, к богу. И потому опасно и губительно делать из религии средство для достижения каких-либо не говоря уже корыстных, самолюбивых или тщеславных, но и каких бы то ни было эгоистических целей, вроде душевного спокойствия. Цель религии может быть только одна: познание доступной человеку высшей истины и подчинение ей своей жизни. [11]

Истинное религиозное учение должно состоять в том, чтобы указать людям преимущества сознания вечного, духовного перед временным и телесным, научить людей пользоваться временным и телесным для достижения целей духовных. [12]

Сущность религии в том, чтобы видеть не себя одного и прикасающихся к тебе, а всё, бесконечное всё, и своё отношение к этому Всему – Богу. В этом религия. [13]

Религия есть такое состояние, при котором поступки обуславливаются не соображениями об этой только, временной жизни, но соображениями обо всей, вечной, бесконечной жизни. [14]

Если религия не связывает жизнь человека с бесконечным существованием, это (...) не религия. [15]

– 2 –

Исследуя вопросы религиозные, самые важные для жизни, всей жизни человека, старайтесь быть свободными от того, что извне внушено вам, и от соображений, вытекающих из вашего положения, а будьте готовы идти за истиной, куда бы она ни привела вас. [16]

Не бойся откидывать от своей веры всё телесное, всё видимое, осязаемое. Чем больше ты очистишь духовное ядро твоей веры, тем твёрже она будет для тебя. [17]

Человек может пользоваться тем преданием, которое перешло к нему от мудрых и святых людей прошедшего, но он сам должен проверить своим разумом то, что передаётся, и откинуть от предания то, что несогласно с разумом, и принять то, что согласно с ним. Каждый человек должен сам устанавливать своё отношение к миру. [18]

...Во главе всего (...) разум человеческий, который старше всех книг и библий, от которого и произошли все библии, без которого ничего понять нельзя, и который дан каждому из нас не через Моисея или Христа, или апостолов, или через церковь, а прямо дан от Бога каждому из нас, и одинаковый всем. И потому ошибка может быть во всём, но только не в разуме. И разойтись люди могут только тогда, когда они будут верить разным преданиям человеческим, а не единому, у всех одинаковому и всем непосредственно от Бога данному разуму. [19]

...Человек должен понимать и помнить, что истина открыта ему прежде и вернее всего не в книге, не в предании, не в каком-нибудь собрании людей, а в его собственном сердце и в разуме, как это и говорил ещё Моисей, объявивший народу, что закон бога не надо искать ни за морем, ни на небе, а в своём сердце, и как говорил это Христос евреям, говоря, что вы не знаете истины, потому что верите преданиям человеческим, а не тому, кого он послал. Послал же бог в нас разум – одно и непогрешимое орудие познания, которое дано нам. [20]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1
С. Н. Дурылин (Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – русский педагог, богослов, литературовед, религиозный писатель и поэт.):

«...Сергей Дмитриевич выразился:

– То, что открыл мне о Боге Христос...

Лев Николаевич остановил его и сказал твёрдо:

– То, что я знаю о Боге и любви, мне сказал вовсе не Христос. Это сказал мне Лев Николаевич. Бог не есть вера, а точнеее, достовернейшее знание». [21]

Вера должна во мне самостоятельно вырасти. Христос, Будда, Канты могут только помогать. [22]

Я часто встречал между безграмотными рабочими-землекопами, которым приходится вычислять кубические меры, распространённое убеждение, что математическое вычисление обманчиво и что не надо доверять ему. Оттого ли, что они не знают математики, или оттого, что люди, математически вычислявшие за них, часто умышленно или неумышленно обманывали их, но мнение о недостоверности и негодности для определения мер математики установилось между безграмотными рабочими и сделалось для большинства несомненной истиной, которую они даже не считают нужным доказывать.

Такое же мнение установилось и между людьми, смело скажу, нерелигиозными – мнение о том, что разум не может решать вопросов религиозных, что приложение разума к этим вопросам есть главная причина заблуждений, что решение религиозных вопросов разумом есть преступная гордость. ...Такое предположение столь же странно и очевидно ложно, как и предположение о том, что вычисление не может решать вопросов математических.

Человеку дано прямо от бога только одно орудие познания себя и своего отношения к миру: другого нет, и орудие это – разум, и вдруг ему говорят, что разум он может употребить на уяснение своих домашних, семейных, хозяйственных, политических, научных, художественных вопросов, но только не на уяснение самых важных истин, тех, от познания которых зависит вся жизнь его, человек никак не должен употреблять разум, а должен познавать эти истины помимо разума, тогда как помимо разума человек ничего познать не может. [23]

...Человеку и некуда больше употреблять свой разум и слово своё, как на то, чтобы узнавать закон Божий, разъяснять его себе и другим и исполнять его, и помогать в этом и другим. [24]

Не надо бояться тех разрушений, которые совершает разум в установленных людьми преданиях. Разум не может ничего уничтожить, не заменяя его истиной. Таково его свойство. [25]

Не подавлять свой разум, как этому учат лжеучители, нужно для того, чтобы познать истину, а, напротив, очищать, напрягать его, проверять им всё, что предлагается. [26]

Я не буду искать объяснения всего. Я знаю, что объяснение всего должно скрываться, как начало всего, в бесконечности. Но я хочу понять так, чтобы быть приведённым к неизбежно необъяснимому; я хочу, чтобы всё то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны (они правильны, и вне их я ничего понять не могу), но потому, что я вижу пределы своего ума. Я хочу понять так, чтобы всякое необъяснимое положение представлялось мне как необходимость разума же, а не как обязательство поверить. [27]

Во всякого рода занятиях важно уметь останавливаться перед тем, чего не знаешь, а не думать, что знаешь то, чего не знаешь. Но важнее всего это воздержание от

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
мнимого знания в деле религии, веры. Всё безумие религиозных суеверий – только
от этого невоздержания. [28]

Мне кажется, что большая доля зла мира происходит оттого, что мы, желая видеть
осуществление того, к чему мы стремимся и ещё не готовы, – довольствуемся
подобием того, что должно быть. [29]

...Авторитет разума сильнее всего, и потому, поверив разуму (...), я не могу
ошибиться. Бог дал мне свыше орудие познания себя; я употребил это орудие с
одним желанием познать и исполнить его волю, я сделал всё, что мог, и потому не
могу быть виноват, и спокоен. [30]

Чему бы я ни следовал и что бы ни признавал за истину, причиной моего решения
будет всегда только мой разум, и потому следовать можно не тому [или] другому
учению, а только своему разуму. [31]

Истинная религия есть прежде всего искание религии. [32]

Есть люди, которые берут на себя право решать за других их отношение к Богу и к
миру, и есть люди, огромное большинство, которые отдают это право другим и слепо
верят тому, что говорят им. Одинаково преступны и жалки и те, и другие. [33]

Есть две веры: вера доверия к тому, что говорят люди, – это вера в человека или
в людей, и таких вер много различных; и вера в свою зависимость от того, кто
послал меня в мир. Это вера в бога, и такая вера одна для всех людей. [34]

Если путь, по которому я пришёл к тому радостному и вполне удовлетворяющему меня
сознанию, в котором нахожусь, ошибочен по мнению других людей, то это для меня
совершенно безразлично, так же, как безразлично бы было для человека, пришедшего
домой, доказательства о том, что он шёл не по настоящей дороге. [35]

Кто верит в людское учение о боге, верит в слова о боге, а не в бога. Верит в
бога только тот, кто не может мыслить без понятия бога. Бог для такого человека
в духовном отношении то же, что для человека в материальном отношении то, на чём
он стоит и без чего ему немислимо никакое материальное положение. [36]

Удалён от бога не тот, кто сомневается в его существовании и мучится этим
сомнением, а тот, кто на слово поверил в существование или несуществование бога
и не сомневается в том, что ему сказали. [37]

...Умаление бога более всего извращает религиозное понимание людей и большей
частью лишает людей какой бы то ни было религии – руководства поступков. Для
установления такой религии лучше всего оставить бога в покое, не приписывать ему
не только творения рая, ада, гнева, желания искупить грехи и т. п. глупости, но
не приписывать ему воли, желаний, любви даже. Оставить Бога в покое, понимая Его
как нечто совершенно недоступное нам, а строить свою религию, отношение к миру
на основании тех свойств разума и любви, которыми мы владеем. Религия эта будет
та же религия правды и любви, как и все религии в их истинном смысле от браминов
до Христа, но будет точнее, яснее, обязательнее. [38]

– 3 –

Христианское человечество уже давно пережило ту церковную веру, которую столько
веков выдавали за христианскую, так что теперь всякое серьёзное рассмотрение
основ этой веры неизбежно приведёт к распадению её, как гнилое дерево, которое
стоит подобно живому, но стоит тронуть его, и оно распадётся прахом. [39]

Суеверие церкви состоит в вере в то, что непрестанно уясняющаяся людям

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то религиозная истина была раз навсегда открыта и что известные люди, присвоившие себе право учить людей истинной вере, находятся в обладании единой, раз навсегда выраженной религиозной этой истины. [40]

Казалось бы, малому ребёнку должно быть понятно, что нет того внешнего признака непогрешимости, который приписывают себе церкви, и что утверждение про себя о том, что я – церковь, через меня говорит святой дух, есть верх гордости, безумия, безбожия. Но удивительное дело, этот очевидный обман держится и теперь. Если сравнить только разные исповедания, исключаящие и ненавидящие одно другое, и в особенности если проследить ужасную историю церквей и соборов, из которой ясно видно, как эти мнимые постановления святого духа устанавливались случайностью, светской властью, угрозами, обманами, и как мнимые постановления святого духа часто противоречили друг другу, то нельзя достаточно удивляться тому, что этот очевидный обман всё ещё держится, и есть люди – и много их – умных, учёных, признающих его истиною. [41]

...Как было христианство в его начале, при Христе и при апостолах, и при мучениках – всегда смиренно, тайно почти, так оно осталось и до конца, таково оно и теперь... (...) Оно по свойству своему смиренно и незаметно. Оно и душу человеческую и всё человечество захватывает без треска, так, что и не знаешь, когда оно вошло и окрепло. [42]

Так называемые верующие верят, что Христос – бог, второе лицо троицы, сошедшее на землю для того, чтобы дать людям пример жизни, и исполняют сложнейшие дела, нужные для совершения таинств, для постройки церквей, для посылки миссионеров, учреждения монастырей, управления паствой, исправления веры, но одно маленькое обстоятельство они забывают – делать то, что он сказал. [43]

Если человек изучает закон Бога, но не делает усилия для того, чтобы исполнить его, то такой человек похож на земледельца, который пашет, но не сеет. [44]

...Церковь, научая людей знать истину и не делать, атрофировала в людях нравственный нерв. [45]

Вера только тогда вера, когда дела жизни согласны с нею и ни в каком случае не противоречат ей. [46]

Мы не требуем от людей никакого особенного исповедания. Человек, даже не признающий бога, – нам не чужд. Если мы чего требуем, то только того, чтобы люди делали для жизни те выводы, которые вытекают из того, что они исповедуют. [47]

«Царство божие внутри вас есть, и царство божие силою (т. е. усилиями) берётся». Я верю в это и делаю какие могу для этого усилия, а вы вот предлагаете мне совершение известных обрядов и произнесение известных слов, которые покажут, что я признаю непогрешимой истиной всё то, что люди, назвавшиеся церковью, признают истиной, что вследствие этого все мои грехи простятся – как-то кем-то простятся, и мне не только не нужно будет работать внутреннюю, тяжёлую и вместе с тем радостную духовную работу своего исправления, а что я буду как-то спасён от чего-то и получу какое-то вечное блаженство. [48]

Обман, (...) что есть какое-то средство, кроме своего усилия, посредством которого мы можем совершенствоваться. Верить тому, что есть такие средства, полагаться на таинства, веру в искупление или молитву для совершенствования, всё равно, что кузнецу, когда у него в руках железо и молот, и есть наковальня, и горно разожжено, придумывать помимо того, чтобы бить молотом по железу, средство ковать его или просить бога о том, чтобы он дал ему силы работать. (...)

Нет более безнравственного и вредного учения, как то, что человек не может совершенствоваться своими силами. (...)

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

Истина есть то, что познаётся усилиями и ничем другим познаваться не может. [49]

Христос учил людей тому, чтобы они освобождались от внешних форм и обрядов, потому что знал, что всякое исполнение обрядов убивает дух и освобождает людей от внутреннего совершенствования и дел любви. [50]

Удивительная судьба христианства! Его сделали домашним, карманным, обезвредили его, и в таком виде люди приняли его, и мало того, что приняли его, привыкли к нему, на нём устроились и успокоились. [51]

То, что теперь называется христианской религией, есть такое же условное приличие, как формы обращений и подписей в письмах: Dear sir (Милостивый государь (англ.)) и yours faithfully (преданный вам (англ.)), и т. п. [52]

Христианство в таком положении, что его надо открывать. [53]

Из всех безбожных понятий и слов нет понятия и слова более безбожного, чем понятие церкви. Нет понятия, породившего больше зла, нет понятия более враждебного учению Христа, как понятие церкви. [54]

...Церковь это завеса, скрывшая дверь спасенья, открытую Христом. Люди, не видя её, мечутся, как отчаянные. [55]

...Я убедился, что церковное учение, несмотря на то, что оно назвало себя христианским, есть та самая тьма, против которой боролся Христос и велел бороться своим ученикам. [56]

...На ваш вопрос, бог ли Христос или нет, я отвечаю, что нет; но так как я думаю, что в каждом из нас живёт бог и от каждого из нас зависит больше или меньше проявить его, то я полагаю, что Христос проявил в высшей степени того бога, какой жил в нём. [57]

...Христос сказал: вы – боги. И не только сказал, но его учение не что иное, как признание человеческого достоинства и того, что человек есть сын божий. [58]

Христианство – это учение о божественном в человеке. [59]

Христианство, если только оно искренно принято, действует, как самый страшный динамит, разрывая всё старое и открывая новые бесконечные горизонты. [60]

Истинное религиозное учение воспринимается людьми всегда как что-то забытое, вдруг вспомнившееся. Истинное религиозное учение поднимает человека на такую высоту, с которой ему открывается радостный мир, подчинённый разумному закону. Чувство, испытываемое человеком, воспитанным в ложном религиозном учении и узнающим истинное, подобно тому, которое испытал бы человек, запертый в тёмной душевной башне, когда бы он поднялся на высшую открытую площадку башни, с которой он увидел бы невидный прежде прекрасный мир. [61]

Сила религии в том, чтобы чувствовать себя выше всех законов человеческих. [62]

– 4 –

Христианство тем и велико, что оно не выдуманно Христом, а что оно есть закон вечный, которому следовало человечество гораздо прежде, чем закон этот был выражен, и которому оно всегда будет следовать... [63]

Последняя заповедь Христа выражает всё его учение: «Любите друг друга, как я полюбил вас, и потому все узнают, что вы мои ученики, если вы будете иметь любовь друг к другу». Он не говорит: «если вы верите в то или в это», но «если вы любите». Вера изменяется вместе с неперестающим изменением взглядов и знаний; она связана с временем и изменяется вместе с временем. Любовь же не временна; она неизменна, вечна. [64]

...Есть и была всегда только одна истина жизни и потому одна только вера в эту истину, и она раз навсегда открыта в сердцах всех людей: Будда, Конфуций, Лаодзи, Сократ, Христос делали только то, что они откидывали ложь личных заблуждений, нараставшую на эту истину, и показывали истину во всей её чистоте. [65]

Не надо во что бы то ни стало держаться старины. Надо быть готовым изменить прежние порядки, если они вредны. Моряк, который будет становить одни и те же паруса при всяком ветре, недалеко уедет. [66]

Религия движется, как и всё движется, движется тем, что освобождается от лишнего, неясного, произвольного, личного. Истинное религиозное чувство есть участие в этом освобождении. [67]

...Движение идёт до сих пор, и вдруг среди этого непрерывного движения, составляющего жизнь человечества, придумываются основания, по которым можно признать известное состояние просветления истинным, вечным, окончательным. И закрепляется состояние, свойственное 3-му веку, и требуется, чтоб его после 15 веков признавали соответствующим. Но христианство именно в движении к идеалу, и потому то, что закреплялось и тем лишалось движения, тем самым и переставало быть христианским. [68]

...Стремление людей создавать форму и признавать её правильной (...) есть главное препятствие христианству – это трение. И задача людей, идущих за Христом, – уменьшать это трение сколь возможно. Форм для следования по пути Христа, как точек на бесконечной линии, бесконечное количество, и ни одна не важнее другой. Важна быстрота движения. А быстрота движения в обратном отношении к возможности определения точек. [69]

Люди не могут жить без того, чтобы не устраивать себе формы жизни, и формы, сообразной с своею степенью нравственности; но всякая форма жизни сама по себе есть помеха истинной жизни. Из этого не следует, что нужно жить без формы определённой, плана жизни, – без этого не может человек, – но следует то, что не только дорожить ею не должно, но должно бояться её. [70]

...Ложны, невозможны всякие приспособления себя к жизни. Нет ничего stable (устойчивого (англ.)) в жизни. Всё равно как приспособляться к текущей воде. Всё – личности, семьи, общества, всё изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое. [71]

...Сила жизни христианской не в различной степени совершенства (все степени равны, потому что путь бесконечен), а в ускорении движения. Чем быстрее движение, тем сильнее жизнь. И это непонимание даёт особую радость, соединяя со всеми людьми, стоящими на самых различных степенях, а не разъединяя, как это делает заповедь. [72]

Главное и самое нужное для религиозной жизни – сознание (...) того, что мы не стоим, а не только движемся, но летим (...) с страшной быстротой. Совсем другое отношение к жизни, если знаешь или если не знаешь, не помнишь этого. Только забывая это, люди хватаются руками, стараясь удержать то, мимо чего пролетают.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
Нельзя хвататься, руки оторвёт. [73]

Думать, что надо верить точно так же, как верили деды и прадеды, всё равно, что думать, что твоя детская одежда будет тебе впору, когда ты вырастешь. [74]

Я не думаю, чтобы нужен был руками человеческими воздвигнутый храм. Храм этот воздвигнут богом. Это весь мир живых существ и в особенности людей, по отношению которых мы всегда можем проявлять свою веру. [75]

...Истинная религия (...) есть только одна. Вся эта истинная религия ещё не открылась человечеству, но часть её проявляется во всех исповеданиях. Весь прогресс человечества состоит в этом всё большем и большем соединении всех в этой одной истинной религии и в всё большем и большем уяснении её. И потому всем любящим истину надо стараться отыскивать не различия в религиях и их недостатки, а их единство и достоинства. [76]

Неверующие ищут доказательств истинности религии; нет более сильного доказательства, как то единое во всех религиозных учениях и в сердце каждого человека, когда он добросовестно сравнит между собою все религиозные учения и заглянет в своё сердце. [77]

...Во всех великих религиях (...) есть два рода религиозных положений: одни бесконечно различные, разнообразные, смотря по времени, месту и характеру народа, в котором они появлялись, и другие, которые всегда во всех религиях одни и те же... (...) ...Этим, общим всем религиям, положениям не только должно, но нельзя не верить, потому что положения эти, кроме того, что они одни и те же во всех религиях мира, записаны ещё и в сердце каждого человека как несомненные и радостные истины. [78]

Я не хочу быть христианином, как не советовал и не хотел бы, чтобы были браменисты, буддисты, конфуцианцы, таосисты, магометане и другие. Мы все должны найти, каждый в своей вере, то, что обще всем, и, отказавшись от исключительного своего, держаться того, что обще. [79]

«Тот, кто начнёт с того, что полюбит христианство более истины, очень скоро полюбит свою церковь или секту более, чем христианство, и кончит тем, что будет любить себя (своё спокойствие) больше всего на свете», – сказал Кольридж (Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772–1834) – английский поэт, литературный критик и философ.).

Я шёл обратным путём. Я начал с того, что полюбил свою православную веру более своего спокойствия, потом полюбил христианство более своей церкви, теперь же люблю истину более всего на свете. [80]

Вы говорите мне о соединении с церковью. Думаю, что не ошибаюсь, полагая, что я никогда не разъединялся с нею, – не с той какой-либо одной из тех церквей, которые разъединяют, а с той, которая всегда соединяла и соединяет всех, всех людей, искренно ищущих бога (...). С этою всемирною церковью я никогда не разлучался и более всего на свете боюсь разойтись с ней. [81]

То, что бог только нам, 400 миллионам христиан, дал свой истинный закон, да и в том мы, христиане, не согласны, а остальные 1000 миллионов живут по ложному закону, этому трудно поверить. Тому же, что бог всем людям дал один разум и совесть для того, чтобы они все соединились во одно, этому трудно не поверить. [82]

Я думаю, что мы дискредитировали бы общего нам бога, если бы каждый из нас приписывал ему то, что он настаивает на тех богословских учениях, в которых мы расходимся вследствие нашей человеческой ограниченности. [83]

[О буддизме и христианстве.]

Разумеется, это всё одно и то же. И не может не быть одно и то же, как не может быть не один ствол у дерева, как не может не быть одна истина. (...) То же море, на которое только они въехали с севера, мы с юга, а ещё третьи с востока или запада. Различие только в берегах, в том месте, с которого въезжать на море, а море одно, и чем дальше от берега, тем менее различия и очевиднее, что море одно. [84]

Я представляю себе мир как огромный храм, освещённый только посередине. Как бы люди ни собирались в тёмных углах храма, все эти собрания, имеющие целью объединение, произведут только обратное действие, как это и происходит во всех церквях. Единственный способ объединения – это не думать о нём, но каждому самому по себе искать истину, искать и идти по направлению к свету, который освещает только определённое пространство в середине храма. Только таким образом все люди объединятся, и в этом истинный прогресс человечества. Не думая об объединении, христианин отбросит всё то, что неистинно в его религии (...) и, подходя и приближаясь к свету (к истине), увидит, как с совсем другой стороны подходит к ней китаец, буддист, которые, не думая об объединении, сделают, тем не менее, то же самое, и между ними установится настоящее единение... [85]

Если бы мы только держались твёрдо того правила, чтобы, соединяясь с каждым человеком в том, в чём мы согласны, не требовать от него согласия с тем, с чем он не согласен, и просили бы его не требовать того же от нас, то мы никогда и не нарушили бы главного завета Христа – единения, и были бы, не произнося слова Христос, гораздо более христианами, чем если бы мы какими бы то ни было средствами заставили людей сказать, что они поверили в Христа и разные догматы, в которые они не поверили. [86]

Бог – это весь бесконечный мир. Мы же, люди, в шару, не в середине, а в каком-либо месте (везде середина) этого бесконечного мира. И мы, люди, продельваем в своём шару окошечки, через которые смотрим на Бога, – кто сбоку, кто снизу, кто сверху, но видим все одно и то же, хотя представляется оно нам и называем его мы различно. И вывод из того, что видно в окошечках, для всех один: будем жить все согласно, дружно, любовно. Ну и пускай каждый глядит в своё окошечко и делает то, что вытекает из этого смотрения. Зачем же отталкивать людей от их окошечек и тащить к своему? Зачем приглашать даже бросить своё – оно, мол, дурное – и приглашать к своему? Это даже неучтиво. Если кто недоволен тем, что видит в своё, пускай сам подойдёт к другому и спросит, что ему видно, и пускай тот, кто доволен тем, что видит, расскажет то, что он видит. Это полезно и можно. [87]

Толстовства никакого не существует; есть вечные истины; если что сделал Толстой, так только то, что применил эти вечные истины к современной жизни. [88]

Я не позволяю себе, да и не считаю нужным обсуждать или осуждать вашу веру, чувствуя, во-первых, то, что если жестоко и недобро осуждать поступки, характер, даже наружность человека, то тем более жестоко, недобро осуждать самое драгоценное для человека, его святая святых, его веру; во-вторых, потому, что знаю, что вера человека складывается в его душе сложными, тайными внутренними путями и может измениться не по желанию людей, а по воле бога. [89]

Верование моё несогласно с вашим, но я не говорю и не советую вам оставить ваше и усвоить моё. Я знаю, что это для вас так же невозможно, как изменить вашу физиологическую природу: находить вкус в том, что вам противно, и наоборот. И потому не только не советую вам этого, но советую держаться своего и вырабатывать его дальше, если оно подлежит усовершенствованию и развитию. Человек может верить только тому, к чему он приведён совокупностью всех своих душевных сил. [90]

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to

...Каждый верит по-своему, и если точно верит, т. е. установил своё отношение к Богу, то вера его священна. [91]

Цель одна, но у каждого свой путь. [92]

...Я только недавно сердцем почувствовал (...), понял, как вера человека (...) если она искренна) не может уменьшить его достоинств и моей любви к нему. И с тех пор я перестал желать сообщать свою веру другим и почувствовал, что люблю людей совершенно независимо от их веры, и нападаю только на неискренних, на лицемеров, которые проповедуют то, во что не верят, на тех, которых одних осуждал Христос. Ведь стоит только подумать о тех миллионах, миллиардах людей – индусов, китайцев и др., которые поколениями живут и умирают, не слышав даже о том, что составляет предмет моей веры. Неужели они мне не братья, одного отца-бога дети, оттого, что совсем иначе веруют, чем я, и мне надо разубеждать их в их вере и убеждать в своей? Нет, я думаю, что нам надо прежде всего любить друг друга, стараться как можно теснее сблизиться. Чем больше мы будем любить друг друга, тем более мы почувствуем себя едиными в своих сердцах, и тем незначительнее покажутся нам несогласия наших умов и слов. [93]

...Знание других религий более всего уясняет свою и укрепляет в вере, а главное – основы её. [94]

У всех вер одни и те же основы. И не может быть иначе – человек везде один. [95]

Человечество должно объединиться в одной и той же вере, потому что душа человеческая (...) лишь кажется многообразной и различной в каждом отдельном человеке, на самом же деле – одна во всех существах. [96]

Но мне скажут: не может быть того, чтобы все люди разделяли одно и то же религиозное мировоззрение. Те, кто говорят так, говорят не о религиозном мировоззрении, а о разных философских, экономических, политических теориях. Эти могут быть различны, но религиозное мировоззрение всегда одно – одно потому, что одно только может быть высшим. [97]

...Веры шатки и противоречивы, а сознание одно и неизменно. [98]

Религия вечная, всемирная – одна: это – вера в того Бога, который и во мне, и вне меня, во всех людях и во всём живом. [99]

Истина проста и ясна, и открыта младенцам. И первая основная истина есть истина единения людей. И единение это возможно, если мы принесём ему в жертву наши привычки, нашу гордость ума, наше желание быть правым. [100]

...Из всех вер одна вера настоящая, это вера в любовь... [101]

...Христос указал нам путь, и верующие видели его всегда перед собой как прямую линию. Дело нашей жизни свести движение наше к этой прямой. [102]

Долг наш и наших современников (...) в том, чтобы постараться точным образом установить начала истинной религии, которая должна заменить ужасные суеверия церкви... [103]

Способствовать уничтожению (...) отдельных религий и основанию одной всемирной религии – одно из лучших призваний человека в наше время. [104]

– 5 –

Преданность воле божьей – необходимое условие христианской жизни – исключает возможность определённого желания и потому прошения, молитвы о том, чтобы случилось то-то и то-то. [105]

Каково бы было положение тела, если бы каждая клеточка могла просить – и с успехом – Бога о том, чтобы для неё были по её желанию размещены клеточки или чтобы не умирала она сама и те клеточки, которые ей приятны. [106]

То, что больше всего похоже на веру: просительная молитва, есть именно неверие – неверие в то, что зла нет, что просить не о чем, что если тебе худо, то это только показывает тебе, что тебе надо поправиться, что происходит то самое, что должно быть и при чём ты должен делать, что должен. [107]

Как Бог должен относиться к молитвам, если бы был такой Бог, которому можно бы было молиться? Так же, как должен бы относиться хозяин дома, в котором проведена вода, к которому пришли бы жильцы просить воды. Вода проведена, вам стоит только повернуть кран. Так же приготовлено для людей всё, что им может быть нужно, и БОГ не виноват, что вместо того, чтобы пользоваться проведённой чистой водой, одни жильцы таскают воду из вонючего пруда, другие приходят в отчаяние от недостатка воды и молятся о том, что им дано в таком изобилии. [108]

Как странно и смешно просить Бога. Не просить надо, а исполнять Его закон, быть Им. Одно человеческое отношение к Богу это то, чтобы быть благодарным Ему за то благо, которое он дал мне как частице Его. Хозяин поставил своих работников в такое положение, что, исполняя то, что он показал им, они получают высшее доступное их воображению благо (благо душевной радости), а они просят его о чём-то. Если они просят, то это значит только то, что они не делают то, что им предназначено. [109]

Если ты молишься, то делаешь это только для себя, для того, чтобы напомнить себе о том, что ты такое и что ты должен делать, и потому не думай, чтобы можно было угодить богу молитвой: угодить богу можно только повиновением ему. [110]

Молитесь ежечасно. Самая нужная и самая трудная молитва – это воспоминание среди движения жизни о своих обязанностях перед богом и законом его. Испугался, рассердился, смутился, увлёкся – вспомни, кто ты и что ты должен делать. В этом молитва. Это трудно сначала, но привычку эту можно выработать. [111]

Молитва – в том, чтобы, отрешившись от всего мирского, внешнего, вызвать в себе божественную часть своей души, перенестись в неё, посредством неё вступить в общение с Тем, Кого она есть частица, сознать себя рабом Бога и проверить свою душу, свои поступки, свои желания по требованиям не внешних условий мира, а этой божественной части души. [112]

Под молитвой я понимаю обращение ко всему тому, непостижимому мне, но единственно истинно существующему, совершенному, чего я чувствую себя проявлением, частицей и с которым я могу иметь общение только одним путём: любовью, любовью к нему самому и ко всем проявлениям его в ближних. (...)

Бог не личность, не может быть личностью, ни сознательным существом, потому что и личность, и сознательность есть свойства нашей ограниченности; но, несмотря на свою непостижимость, есть одна сторона, посредством которой мы можем общаться с ним. Это есть любовь. Вся жизнь наша и цель её есть увеличение любви, и об этом увеличении в себе любви, о всё большем и большем слиянии своей души с богом, об этом одном может для меня быть молитва. [113]

Иногда молюсь в неуточное время самым простым образом, говорю: Господи, помилуй,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то крещусь рукой, молюсь не мыслью, а одним чувством сознания своей зависимости от Бога. Советовать никому не стану, но для меня это хорошо. Сейчас так вздохнул молитвенно. [114]

...Иногда крещусь. Особенно часто, садясь за работу, вызываю и поддерживаю в себе этим жестом с детства связанное с ним умиленно-религиозное настроение. Я знал прекрасного человека доктора, совершенно свободомыслящего, который, умирая, показал своим воспитанникам на висевшую в углу икону Николая.

(...)

Да, внешние формы безразличны, но только до тех пор, пока им не приписывают важного и обязательного значения. Когда же формы обязательны, они губительны для истинной жизни. [115]

Если я, умирая, буду креститься, то пусть не думают, что я верю в Христа Бога и в церковное учение – крещусь я потому, что это движение выражает для меня преданность воле Божьей и сознание своей греховности, и желание освободиться от неё. [116]

...Единственный достойный Бога и всегда слышимый Им, и всегда каждому из нас доступный способ молитвы есть молитва делами, совершаемыми для Него, ввиду Его. В области, обнимаемой этой молитвой, есть и слова, но большей частью обращённые к другим, а не к себе. Слова – это орган общения между людьми. Дела же, под которыми я разумею и духовное состояние, и даже преимущественно духовное состояние – это способ общения с Богом.

И это я думаю и говорю, совсем не отрицая молитву, а стараясь расширить её область, сделать более реальною – говорю в духе слов Христа: молитесь ежечасно. [117]

...Почему молитва (...) должна выражаться только словами или поклонами и др., недолго продолжающимися, как обыкновенно понимается. Почему молитва не может выражаться продолжительными действиями рук, ног (...)?

Если я пойду и целый день проработаю или неделю для вдовы, будет ли это молитва? Я думаю, что будет. (...) ...Я пришёл к тому заключению, что молитва к Богу есть суеверие, т. е. самообман. – Всё, о чём я молился и молюсь, всё это может быть исполнено людьми и мною. Я слаб, я дурён, во мне порок (...), с которым я борюсь. Мне хочется молиться, и я молюсь словами; но не лучше ли расширить моё понятие молитвы, не лучше ли мне поискать причины этого порока и найти ту божескую деятельность (...), которая была бы молитвенная деятельность, противодействующая этому пороку. [118]

Молитва есть единственное средство быть честным самим с собою. Люди сделали её такою, что можно быть бесчестным. [119]

Плодотворная молитва есть восстановление в своём сознании того высшего понимания смысла своей жизни, до которого ты достиг в самые лучшие минуты. [120]

...Живое сознание своей не отдельной, а внемирской, внепространственной и вневременной жизни, движимой любовью, может вполне заменить всякую молитву и дать постоянную твёрдую опору жизни... [121]

Если у человека есть чувство долга, чувство, что он обязан к чему-нибудь, этот человек уже религиозный человек. [122]

Цивилизация

Я наблюдал муравьёв. Они ползли по дереву – вверх и вниз. Я не знаю, что они могли там брать? Но только у тех, которые ползут вверх, брюшко маленькое,

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то
обыкновенное, а у тех, которые спускаются, толстое, тяжёлое. Видимо, они
набирали что-то внутрь себя. И так он ползёт, только свою дорожку знает. По
дереву – неровности, наросты, он их обходит и ползёт дальше... На старости мне
как-то особенно удивительно, когда я так смотрю на муравьёв, на деревья. И что
перед этим значат все аэропланы! Так это всё грубо, аляповато!.. [1]

Ходил гулять. Чудное осеннее утро, тихо, тепло, зелень, запах листа. И люди
вместо этой чудной природы, с полями, лесами, водой, птицами, зверями,
устраивают себе в городах другую, искусственную природу, с заводскими трубами,
дворцами, локомотивами, фонографами... Ужасно, и никак не поправишь... [2]

Природа лучше человека. В ней нет раздвоения, она всегда последовательна. Её
следует везде любить, ибо она везде прекрасна и везде и всегда трудится. (...)

Человек, однако, всё умеет испортить, и Руссо (Жан-Жак Руссо (1712–1778) –
французский философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения.) вполне прав, когда
говорит, что всё, что вышло из рук творца, – прекрасно, а всё, что из рук
человека, – негодно. В человеке вообще нет цельности. [3]

Надо видеть и понять, что такое правда и красота, и в прах разлетится всё, что
вы говорите и думаете, все ваши желанья счастья и за меня, и за себя. Счастье –
это быть с природой, видеть её, говорить с ней. [4]

Разрушаем миллионы цветков, чтобы воздвигать дворцы, театры с электрическим
освещением, а один цвет репья дороже тысяч дворцов. [5]

Я сорвал цветок и бросил. Их так много, что не жалко. Мы не ценим этой
неподражаемой красоты живых существ и губим их, не жалея – не только растения,
но животных, людей. Их так много. Культура – цивилизация есть не что иное, как
загубление этих красот и замещение их. Чем же? Трактором, театром... [6]

Вместо того, чтобы учиться жить любовной жизнью, люди учатся летать. Летают
очень скверно, но перестают учиться жизни любовной, только бы выучиться кое-как
летать. Это всё равно, как если бы птицы перестали летать и учились бы бегать
или строить велосипеды и ездить на них. [7]

Только кажется, что человечество занято торговлей, договорами, войнами, науками,
искусствами; одно дело только для него важно и одно только дело оно делает – оно
уясняет себе те нравственные законы, которыми оно живёт. И это уяснение
нравственного закона есть не только главное, но единственное дело всего
человечества. [8]

Мы ясно видим изменения, совершающиеся в области вещественной жизни: ездили и
возили гужом, – теперь паром, жгли лучину, сало, – теперь газ, электричество; но
мы не видим таких же изменений в духовном мире людей. А эти изменения – самые
важные. [9]

Увеличение потребностей не есть усовершенствование, как это часто думают,
напротив: чем больше ограничил человек свои потребности, тем больше в нём
сознания своего человеческого достоинства, тем он свободнее, мужественнее и,
главное, способнее служить богу и людям. [10]

Одно из необходимых условий наступления Царства Божия, соединяющее людей, есть
прогресс материальный – средств общения. Прогресс этот совершался и совершается,
но люди увлеклись им и вообразили себе, что средство есть цель. Вроде того, как
если бы люди всё пахали одну и ту же землю и не сеяли. Для того, чтобы прогресс
материальный принёс свои плоды, нужно, чтобы был прогресс духовный, прогресс
любви.

(...) Для этого надо только не быть скотом, покорным рабом или озлобленным зверем – только быть человеком.

А мы хотим, не будучи человеком, иметь человеческую жизнь. В этом недоразумение. [11]

Нет сомнения в том, что никогда не было в истории подобного материального успеха, т. е. овладения силами природы, как тот, который достигнут в 19 веке. Но нет сомнения и в том, что никогда в истории не было примера такой безнравственной жизни, свободной от каких-либо сдерживающих животные стремления человека сил, как та, которою живёт, всё больше и больше оскотиниваясь, наше христианское человечество. Успех материальный, до которого достигли люди 19 века, действительно велик; но успех этот куплен и покупается таким пренебрежением к самым элементарным требованиям нравственности, до которого ещё никогда не доходило человечество... [12]

Большая ошибка думать, что все изобретения, увеличивающие власть людей над природой в земледелии, в добывании и химическом соединении веществ, и возможность большого воздействия людей друг на друга, как пути и средства сообщения, печать, телеграф, телефон, фонограф, есть благо. И власть над природой, и увеличение возможности воздействия людей друг на друга будут благом только тогда, когда деятельность людей будет руководима любовью, желанием блага другим, и будут злом, когда она будет руководима эгоизмом, желанием блага только себе. Выкопанные металлы могут пойти на удобства жизни людей или на пушки, последствие увеличения плодородности земли может дать обеспеченное питание людям и может быть причиной усиленного распространения и потребления опиума, водки, пути сообщения и средства сообщения мыслей могут разносить добрые и злые влияния. И потому в безнравственном обществе (...) все изобретения, увеличивающие власть человека над природою, и средства общения не только не благо, но несомненное и очевидное зло. [13]

...Утратив разумное руководство в жизни и направив все свои усилия на открытия и усовершенствования в области знаний преимущественно прикладных, люди нашего времени выработали себе огромную власть над силами природы; не имея же руководства для разумного приложения этой власти, они естественно стали употреблять её на удовлетворение своих самых низких, животных побуждений. [14]

Говорят, говорю и я, что книгопечатание не содействовало благу людей. Этого мало. Ничто, увеличивающее возможность воздействия людей друг на друга: железные дороги, телеграфы, – фоны, пароходы, пушки, все военные приспособления, взрывчатые вещества и всё, что называется «культурой», никак не содействовало в наше время благу людей, а напротив. Оно и не могло быть иначе среди людей, большинство которых живёт безрелигиозной, безнравственной жизнью. Если большинство безнравственно, то средства воздействия, очевидно, будут содействовать только распространению безнравственности. Средства воздействия культуры могут быть благодетельны только тогда, когда большинство, хотя и небольшое, религиозно-нравственно. Желательно отношение нравственности и культуры такое, чтобы культура развивалась только одновременно и немного позади нравственного движения. Когда же культура перегоняет, как это теперь, то это – великое бедствие. Может быть, и даже я думаю, что оно бедствие временное, что вследствие превышения культуры над нравственностью, хотя и должны быть временные страдания, отсталость нравственности вызовет страдания, вследствие которых задержится культура и ускорится движение нравственности, и восстановится правильное отношение. [15]

Обыкновенно меряют прогресс человечества по его техническим, научным успехам, полагая, что цивилизация ведёт к благу. Это неверно. И Руссо, и все восхищающиеся диким, патриархальным состоянием, так же правы или так же не правы, как и те, которые восхищаются цивилизацией. Благо людей, живущих и пользующихся самой высшей, утончённой цивилизацией, культурой, и людей самых первобытных, диких совершенно одинаково. Увеличить благо людей наукой – цивилизацией, культурой так же невозможно, как сделать то, чтобы на водяной

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то плоскости вода в одном месте стояла бы выше, чем в других. Увеличение блага людей только от увеличения любви, которая по свойству своему равняет всех людей; научные же, технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своём благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своём благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви. [16]

Когда жизнь людей безнравственна и отношения их основаны не на любви, а на эгоизме, то все технические усовершенствования, увеличение власти человека над природою: пар, электричество, телеграфы, машины всякие, порох, динамиты, робулиты, производят впечатление опасных игрушек, которые даны в руки детям. [17]

В наш век существует ужасное суеверие, состоящее в том, что мы с восторгом принимаем всякое изобретение, сокращающее труд, и считаем необходимым пользоваться им, не спрашивая себя о том, увеличивает ли это изобретение, сокращающее труд, наше счастье, не нарушает ли оно красоты. Мы как баба, через силу доедающая говядину, потому что она досталась ей, хотя ей и не хочется есть и еда наверное будет ей во вред. Железные дороги вместо пешей ходьбы, автомобили вместо лошади, чулочные машины вместо спиц. [18]

Цивилизованный и дикий равны. Человечество идёт вперёд только в любви, а от технического усовершенствования прогресса нет и не может быть. [19]

Если русский народ – нецивилизованные варвары, то у нас есть будущность. Западные же народы – цивилизованные варвары, и им уже нечего ждать. Нам подражать западным народам всё равно, как здоровому, работающему, неиспорченному малому завидовать парижскому плешивому молодому богачу, сидящему в своём отеле. Ah, que je m'embete! (Ах, как я бешусь от скуки! (фр.))

Не завидовать и подражать, а жалеть. [20]

Западные народы далеко впереди нас, но впереди нас на ложном пути. Для того, чтобы им идти по настоящему пути, им надо пройти длинный путь назад. Нам же нужно только немного свернуть с того ложного пути, на который мы только что вступили и по которому нам навстречу возвращаются западные народы. [21]

Мы часто смотрим на древних, как на детей. А дети мы перед древними, перед их глубоким, серьёзным, незасорённым пониманием жизни. [22]

Как легко усваивается то, что называется цивилизацией, настоящей цивилизацией, и отдельными людьми, и народами! Пройти университет, отчистить ногти, воспользоваться услугами портного и парикмахера, съездить за границу, и готов самый цивилизованный человек. А для народов: побольше железных дорог, академий, фабрик, дредноутов, крепостей, газет, книг, партий, парламентов – и готов самый цивилизованный народ. От этого-то и хватаются люди за цивилизацию, а не за просвещение – и отдельные люди, и народы. Первое легко, не требует усилия и вызывает одобрение; второе же, напротив, требует напряжённого усилия и не только не вызывает одобрения, но всегда презираемо, ненавидимо большинством, потому что обличает ложь цивилизации. [23]

Меня сравнивают с Руссо. Я много обязан Руссо и люблю его, но есть большая разница. Разница та, что Руссо отрицает всякую цивилизацию, я же отрицаю лжехристианскую. То, что называют цивилизацией, есть рост человечества. Рост необходим, нельзя про него говорить, хорошо ли это или дурно. Это есть, – в нём жизнь. Как рост дерева. Но сук, или силы жизни, растущие в суку, неправы, вредны, если они поглощают всю силу роста. Это с нашей лжецивилизацией. [24]

Психиатры знают, что когда человек начинает много говорить, говорить, не

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то переставая, обо всём на свете, ничего не обдумывая и только спеша как можно больше сказать слов в самое короткое время, знают, что это дурной и верный признак начинающейся или уже развившейся душевной болезни. Когда же при этом больной вполне уверен, что он всё знает лучше всех, что он всех может и должен научить своей мудрости, то признаки душевной болезни уже несомненны. Наш так называемый цивилизованный мир находится в этом опасном и жалком положении. И я думаю – уже очень близко к такому же разрушению, которому подверглись прежние цивилизации. [25]

..Внешнее движение – пустое, только внутренней работой освобождается человек. Вера в прогресс, что когда-то будет хорошо и до тех пор можем как попало, неразумно устраивать себе и другим жизнь, – суеверие. [26]

Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Всё обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведет: надо начинать новое. [27]

Список использованных источников

Царство Божие усилием берётся

1. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. – М., 1928–1958 <далее – ПСС>, т.90, с. 212.

2. ПСС, т.41, с. 591.

3. ПСС, т.41, с. 223.

4. ПСС, т.56, с. 269.

5. ПСС, т.44, с. 232.

6. ПСС, т.67, с. 269–270.

7. ПСС, т.54, с. 150.

8. ПСС, т.41, с. 315.

9. ПСС, т.53, с. 153.

10. ПСС, т.54, с. 160.

11. ПСС, т.43, с. 100.

12. ПСС, т.43, с. 165.

13. ПСС, т.87, с. 356.

14. ПСС, т.89, с. 143.

15. ПСС, т.76, с. 204.

16. ПСС, т.73, с. 24.

17. ПСС, т.77, с. 119.

18. ПСС, т.44, с. 5.

19. ПСС, т.55, с. 222.

20. ПСС, т.55, с. 74.

21. ПСС, т.57, с. 187.

22. ПСС, т.58, с. 84.

23. ПСС, т.86, с. 101.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

24. ПСС, Т.65, С. 116.
25. ПСС, Т.60, С. 230–231.
26. ПСС, Т.87, С. 187.
27. ПСС, Т.60, С. 233.
28. ПСС, Т.69, С. 137.
29. ПСС, Т.46, С. 207.
30. ПСС, Т.44, С. 310.
31. ПСС, Т.75, С. 260.
32. ПСС, Т.55, С. 111.
33. ПСС, Т.54, С. 28.
34. ПСС, Т.41, С. 417.
35. ПСС, Т.43, С. 121.
36. ПСС, Т.58, С. 175.
37. ПСС, Т.75, С. 127.
38. ПСС, Т.67, С. 161.
39. ПСС, Т.37, С. 96.
40. ПСС, Т.56, С. 149.
41. ПСС, Т.42, С. 443.
42. ПСС, Т.41, С. 40.
43. ПСС, Т.80, С. 221.
44. ПСС, Т.44, С. 13.
45. ПСС, Т.51, С. 11.
46. ПСС, Т.53, С. 54.
47. ПСС, Т.44, С. 112.
48. ПСС, Т.81, С. 223.
49. ПСС, Т.44, С. 92.
50. ПСС, Т.43, С. 109.
51. ПСС, Т.56, С. 83.
52. ПСС, Т.56, С. 86.
53. ПСС, Т.58, С. 92.
54. ПСС, Т.55, С. 134.
55. ПСС, Т.57, С. 58.
56. ПСС, Т.56, С. 119.
57. ПСС, Т.43, С. 344.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
58. ПСС, т.55, с. 216.
 59. Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. – М.: «Наука», 1979. – (Литературное наследство), т.90 <далее – Маковицкий>, кн.3, с. 425.
 60. ПСС, т.77, с. 57.
 61. ПСС, т.55, с. 177.
 62. ПСС, т.44, с. 367.
 63. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. – М., 1976 <далее – Воспоминания>, с. 194–195.
 64. ПСС, т.83, с. 541.
 65. ПСС, т.41, с. 228–229.
 66. ПСС, т.44, с. 139.
 67. ПСС, т.54, с. 122.
 68. ПСС, т.29, с. 113.
 69. ПСС, т.57, с. 98.
 70. ПСС, т.55, с. 17.
 71. ПСС, т.44, с. 322–323.
 72. ПСС, т.65, с. 48.
 73. ПСС, т.70, с. 205.
 74. ПСС, т.43, с. 343.
 75. ПСС, т.65, с. 65.
 76. ПСС, т.44, с. 297.
 77. ПСС, т.65, с. 226.
 78. ПСС, т.66, с. 285.
 79. ПСС, т.75, с. 53.
 80. ПСС, т.86, с. 170.
 81. ПСС, т.55, с. 208–209.
 82. ПСС, т.56, с. 332–333.
 83. ПСС, т.1, с. 290.
 84. ПСС, т.85, с. 60.
 85. Маковицкий, кн.3, с. 70.
 86. ПСС, т.68, с. 202.
 87. ПСС, т.60, с. 122.
 88. ПСС, т.56, с. 70.
 89. ПСС, т.54, с. 111.
 90. ПСС, т.71, с. 365.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

91. ПСС, Т.52, С. 120–121.
92. ПСС, Т.68, С. 37.
93. ПСС, Т.41, С. 138.
94. ПСС, Т.43, С. 342.
95. ПСС, Т.67, С. 128.
96. ПСС, Т.42, С. 152.
97. ПСС, Т.41, С. 592.
98. ПСС, Т.41, С. 315.
99. ПСС, Т.46, С. 30.
100. ПСС, Т.63, С. 194.
101. ПСС, Т.57, С. 84.
102. ПСС, Т.42, С. 378.
103. ПСС, Т.42, С. 276.
104. ПСС, Т.52, С. 150.
105. ПСС, Т.52, С. 113.
106. ПСС, Т.67, С. 21.
107. ПСС, Т.64, С. 322.
108. ПСС, Т.42, С. 173.
109. ПСС, Т.55, С. 11.
110. ПСС, Т.53, С. 161.
111. ПСС, Т.44, С. 80.
112. ПСС, Т.88, С. 191.
113. ПСС, Т.54, С. 14.
114. ПСС, Т.56, С. 57.
115. ПСС, Т.88, С. 66.
116. ПСС, Т.56, С. 156.
117. ПСС, Т.68, С. 252.
118. ПСС, Т.82, С. 192–193.
119. ПСС, Т.68, С. 243.
120. ПСС, Т.6, С. 77–78.
121. ПСС, Т.55, С. 94.
122. ПСС, Т.42, С. 250.
123. ПСС, Т.55, С. 269.
124. ПСС, Т.55, С. 270.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
125. ПСС, Т.54, С. 39.
 126. ПСС, Т.56, С. 311.
 127. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х томах. – М., 1978 <далее – Воспоминания современников>, Т.2, С. 383.
 128. ПСС, Т.41, С. 279–280.
 129. ПСС, Т.72, С. 200–201.
 130. ПСС, Т.56, С. 96.
 131. ПСС, Т.58, С. 40.
 132. ПСС, Т.44, С. 56.
 133. ПСС, Т.44, С. 56.
 134. ПСС, Т.44, С. 23.
 135. ПСС, Т.41, С. 55.
 136. ПСС, Т.58, С. 36.
 137. ПСС, Т.41, С. 48.
 138. ПСС, Т.42, С. 165.
 139. ПСС, Т.42, С. 288.
 140. ПСС, Т.43, С. 290.
 141. ПСС, Т.43, С. 102.
 142. ПСС, Т.41, С. 88.
 143. ПСС, Т.43, С. 14.
 144. ПСС, Т.43, С. 101.
 145. ПСС, Т.40, С. 84.
 146. ПСС, Т.44, С. 378.
 147. ПСС, Т.42, С. 167.
 148. ПСС, Т.44, С. 150.
 149. ПСС, Т.53, С. 222.
 150. ПСС, Т.55, С. 34.
 151. ПСС, Т.54, С. 109.
 152. ПСС, Т.58, С. 117.
 153. ПСС, Т.53, С. 165.
 154. ПСС, Т.55, С. 98–99.
 155. ПСС, Т.43, С. 229.
 156. ПСС, Т.42, С. 424.
 157. ПСС, Т.44, С. 139.
 158. ПСС, Т.41, С. 71.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

159. ПСС, т.87, с. 232.
160. ПСС, т.41, с. 384.
161. ПСС, т.27, с. 31.
162. ПСС, т.41, с. 529.
163. ПСС, т.67, с. 232.
164. ПСС, т.63, с. 28.
165. ПСС, т.41, с. 138.
166. ПСС, т.72, с. 199–200.
167. ПСС, т.53, с. 57.
168. ПСС, т.53, с. 180.
169. ПСС, т.25, с. 402.
170. ПСС, т.25, с. 378.
171. ПСС, т.53, с. 205.
172. Переписка Л. Н. Толстого с сестрой и братьями. – М., 1990, с. 418.
173. ПСС, т.41, с. 326.
174. ПСС, т.53, с. 104.
175. ПСС, т.25, с. 376.
176. ПСС, т.43, с. 162.
177. ПСС, т.43, с. 162.
178. ПСС, т.44, с. 374.
179. ПСС, т.82, с. 223.
180. ПСС, т.44, с. 52.
181. ПСС, т.55, с. 260.
182. ПСС, т.90, с. 41.
183. ПСС, т.88, с. 309.
184. ПСС, т.56, с. 84.
185. ПСС, т.55, с. 160–161.
186. ПСС, т.56, с. 164.
187. ПСС, т.44, с. 177.
188. ПСС, т.66, с. 206.
189. ПСС, т.54, с. 83.
190. ПСС, т.54, с. 236–237.
191. ПСС, т.56, с. 66.
192. ПСС, т.73, с. 149–150.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

193. ПСС, т.10, с. 299.

194. ПСС, т.55, с. 126.

195. ПСС, т.88, с. 59.

196. ПСС, т.52, с. 114.

197. ПСС, т.52, с. 102.

198. ПСС, т.70, с. 60–61.

199. ПСС, т.88, с. 65.

200. ПСС, т.67, с. 260.

201. Маковицкий, кн.1, с. 444.

202. ПСС, т.27, с. 534.

203. ПСС, т.56, с. 119.

204. ПСС, т.68, с. 64.

205. ПСС, т.68, с. 281.

Всё в тебе

1. ПСС, т.50, с. 173.

2. ПСС, т.51, с. 51.

3. ПСС, т.41, с. 575.

4. ПСС, т.50, с. 141.

5. ПСС, т.67, с. 157.

6. ПСС, т.37, с. 206.

7. ПСС, т.65, с. 49.

8. ПСС, т.87, с. 42.

9. ПСС, т.86, с. 147.

10. ПСС, т.53, с. 220.

11. ПСС, т.41, с. 57.

12. ПСС, т.44, с. 123.

13. ПСС, т.74, с. 237.

14. ПСС, т.55, с. 146.

15. ПСС, т.53, с. 175.

16. ПСС, т.51, с. 28.

17. ПСС, т.66, с. 12.

18. ПСС, т.42, с. 314.

19. ПСС, т.50, с. 49.

20. ПСС, т.42, с. 265.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

21. ПСС, т.50, с. 10.
22. ПСС, т.83, с. 568–569.
23. ПСС, т.65, с. 39.
24. ПСС, т.25, с. 207.
25. ПСС, т.55, с. 223.
26. ПСС, т.53, с. 179.
27. ПСС, т.55, с. 143.
28. ПСС, т.55, с. 138.
29. ПСС, т.67, с. 199.
30. ПСС, т.44, с. 117.
31. ПСС, т.36, с. 69.
32. ПСС, т.87, с. 141.
33. ПСС, т.52, с. 4.
34. ПСС, т.79, с. 170.
35. ПСС, т.67, с. 218.
36. ПСС, т.90, с. 44.
37. ПСС, т.77, с. 31.
38. ПСС, т.78, с. 9–10.
39. ПСС, т.67, с. 41.
40. ПСС, т.82, с. 18.
41. ПСС, т.79, с. 62.
42. ПСС, т.53, с. 192.
43. ПСС, т.67, с. 48.
44. Воспоминания, с. 321.
45. ПСС, т.81, с. 194.
46. ПСС, т.69, с. 98.
47. ПСС, т.43, с. 168.
48. ПСС, т.55, с. 176.
49. Воспоминания современников, т.1, с. 460.
50. ПСС, т.90, с. 41.
51. ПСС, т.68, с. 259.
52. ПСС, т.53, с. 231.
53. ПСС, т.54, с. 151.
54. Маковицкий, кн.1, с. 447.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
55. ПСС, Т.66, С. 361.
 56. Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. – М., 1959 <далее – Гольденвейзер>, С. 199.
 57. ПСС, Т.88, С. 77.
 58. ПСС, Т.73, С. 202.
 59. ПСС, Т.55, С. 222.
 60. ПСС, Т.55, С. 181.
 61. ПСС, Т.76, С. 292.
 62. Воспоминания современников, Т.2, С. 482.
 63. Гольденвейзер, С. 55.
 64. ПСС, Т.67, С. 232.
 65. ПСС, Т.56, С. 59.
 66. ПСС, Т.37, С. 88.
 67. ПСС, Т.53, С. 386.
 68. ПСС, Т.65, С. 310.
 69. ПСС, Т.69, С. 41.
 70. ПСС, Т.87, С. 59.
 71. ПСС, Т.73, С. 164.
 72. ПСС, Т.82, С. 24.
 73. ПСС, Т.50, С. 41–42.
 74. ПСС, Т.35, С. 211.
 75. ПСС, Т.55, С. 114.
 76. ПСС, Т.44, С. 314.
 77. ПСС, Т.65, С. 230.
 78. ПСС, Т.67, С. 169.
 79. ПСС, Т.69, С. 200.
 80. ПСС, Т.56, С. 151.
 81. ПСС, Т.64, С. 208.
 82. ПСС, Т.55, С. 71.
 83. Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Из Ясной Поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой – человек. – М., 1973 <далее – Гусев>, С. 226.
 84. ПСС, Т.81, С. 114.
 85. ПСС, Т.82, С. 269.
 86. Маковицкий, кн.1, С. 132.
 87. ПСС, Т.44, С. 387.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
88. ПСС, Т.54, С. 86.
 89. ПСС, Т.41, С. 358.
 90. ПСС, Т.79, С. 124.
 91. ПСС, Т.55, С. 116.
 92. ПСС, Т.44, С. 388–389.
 93. Воспоминания современников, Т.2, С. 566.
 94. ПСС, Т.65, С. 194.
 95. ПСС, Т.79, С. 15.
 96. ПСС, Т.41, С. 575.
 97. ПСС, Т.43, С. 361.
 98. ПСС, Т.44, С. 119.
 99. ПСС, Т.43, С. 361.
 100. ПСС, Т.44, С. 388.
 101. ПСС, Т.43, С. 331.
 102. ПСС, Т.44, С. 134.
 103. ПСС, Т.77, С. 44.
 104. ПСС, Т.81, С. 180.
 105. ПСС, Т.65, С. 37.
 106. ПСС, Т.65, С. 44.
 107. ПСС, Т.64, С. 279.
 108. ПСС, Т.77, С. 206.
 109. ПСС, Т.56, С. 67.
 110. ПСС, Т.88, С. 36.
 111. Гусев, С. 158.
 112. ПСС, Т.57, С. 100.
 113. Воспоминания современников, Т.1, С. 460.
 114. ПСС, Т.55, С. 146.
 115. ПСС, Т.75, С. 227.
 116. ПСС, Т.70, С. 27.
 117. ПСС, Т.69, С. 160.
 118. ПСС, Т.68, С. 276.
 119. ПСС, Т.87, С. 128–129.
 120. ПСС, Т.55, С. 66.
 121. Воспоминания современников, Т.2, С. 14–15.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

122. ПСС, т.53, с. 68.
 123. ПСС, т.89, с. 184.
 124. ПСС, т.43, с. 307.
 125. ПСС, т.70, с. 121.
 126. ПСС, т.85, с. 57.
 127. ПСС, т.55, с. 146.
 128. ПСС, т.55, с. 142.
 129. Гольденвейзер, с. 153.
 130. ПСС, т.74, с. 83.
 131. ПСС, т.77, с. 211.
 132. ПСС, т.77, с. 265.
 133. ПСС, т.56, с. 58.
 134. ПСС, т.69, с. 89.
 135. Маковицкий, кн.2, с. 449.
 136. ПСС, т.71, с. 372.
 137. ПСС, т.67, с. 272.
 138. ПСС, т.79, с. 230–231.
 139. ПСС, т.76, с. 151–152.
 140. ПСС, т.72, с. 276.
 141. ПСС, т.43, с. 238.
- Любовь. Радость
1. ПСС, т.60, с. 293.
 2. ПСС, т.56, с. 153.
 3. ПСС, т.44, с. 141.
 4. ПСС, т.11, с. 386–387.
 5. ПСС, т.83, с. 475–476.
 6. ПСС, т.52, с. 73.
 7. ПСС, т.88, с. 253.
 8. ПСС, т.50, с. 144.
 9. ПСС, т.44, с. 130.
 10. ПСС, т.89, с. 113.
 11. ПСС, т.58, с. 64.
 12. ПСС, т.78, с. 179–180.
 13. ПСС, т.57, с. 92.
 14. ПСС, т.56, с. 297.

15. ПСС, т.41, с. 226.
16. ПСС, т.54, с. 64.
17. ПСС, т.56, с. 23.
18. ПСС, т.65, с. 224–225.
19. ПСС, т.87, с. 313.
20. ПСС, т.55, с. 97.
21. ПСС, т.12, с. 230.
22. ПСС, т.56, с. 35.
23. ПСС, т.56, с. 25.
24. ПСС, т.56, с. 362.
25. ПСС, т.57, с. 112.
26. ПСС, т.65, с. 304.
27. ПСС, т.74, с. 21.
28. ПСС, т.67, с. 150.
29. ПСС, т.78, с. 37.
30. ПСС, т.42, с. 546.
31. ПСС, т.43, с. 13.
32. ПСС, т.65, с. 57–58.
33. ПСС, т.77, с. 37.
34. ПСС, т.79, с. 14.
35. ПСС, т.57, с. 78.
36. ПСС, т.89, с. 61.
37. ПСС, т.53, с. 66–67.
38. ПСС, т.52, с. 104.
39. ПСС, т.40, с. 464.
40. ПСС, т.57, с. 180.
41. ПСС, т.56, с. 45.
42. ПСС, т.58, с. 61.
43. ПСС, т.42, с. 546.
44. ПСС, т.56, с. 219.
45. ПСС, т.56, с. 97.
46. ПСС, т.12, с. 61.
47. ПСС, т.64, с. 52.
48. ПСС, т.37, с. 96.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

49. ПСС, т.44, с. 200.
50. ПСС, т.56, с. 42.
51. ПСС, т.41, с. 491.
52. ПСС, т.56, с. 24.
53. ПСС, т.43, с. 14.
54. ПСС, т.44, с. 332.
55. ПСС, т.56, с. 66.
56. ПСС, т.44, с. 199.
57. ПСС, т.43, с. 192.
58. ПСС, т.43, с. 159.
59. ПСС, т.50, с. 185.
60. ПСС, т.53, с. 12.
61. ПСС, т.42, с. 309.
62. ПСС, т.57, с. 59.
63. ПСС, т.56, с. 80.
64. ПСС, т.54, с. 173.
65. ПСС, т.41, с. 262.
66. ПСС, т.54, с. 16.
67. ПСС, т.54, с. 150.
68. ПСС, т.41, с. 400.
69. ПСС, т.41, с. 485.
70. ПСС, т.41, с. 485.
71. ПСС, т.44, с. 268.
72. ПСС, т.57, с. 103.
73. ПСС, т.54, с. 155.
74. ПСС, т.56, с. 222.
75. ПСС, т.55, с. 247.
76. ПСС, т.56, с. 78.
77. ПСС, т.57, с. 83.
78. ПСС, т.44, с. 335.
79. ПСС, т.76, с. 235.
80. ПСС, т.54, с. 166–167.
81. ПСС, т.41, с. 388.
82. ПСС, т.43, с. 160.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

83. ПСС, т.71, с. 309.

84. ПСС, т.53, с. 146–147.

85. ПСС, т.44, с. 78.

86. ПСС, т.88, с. 215.

87. ПСС, т.55, с. 234.

88. ПСС, т.56, с. 82.

89. ПСС, т.53, с. 54.

90. ПСС, т.42, с. 538.

91. ПСС, т.18, с. 440.

92. ПСС, т.90, с. 143.

93. ПСС, т.90, с. 146.

94. ПСС, т.41, с. 484.

95. ПСС, т.44, с. 11.

96. ПСС, т.60, с. 106.

97. ПСС, т.55, с. 369.

98. ПСС, т.54, с. 79.

99. ПСС, т.54, с. 69.

100. ПСС, т.88, с. 29.

ЕДИНСТВО

1. ПСС, т.75, с. 129.

2. ПСС, т.32, с. 370.

3. ПСС, т.55, с. 217.

4. Маковицкий, кн.3, с. 101.

5. ПСС, т.55, с. 8.

6. ПСС, т.41, с. 492.

7. ПСС, т.44, с. 193.

8. ПСС, т.40, с. 365.

9. ПСС, т.54, с. 101.

10. ПСС, т.56, с. 374–375.

11. ПСС, т.56, с. 375.

12. ПСС, т.56, с. 374.

13. Маковицкий, кн.3, с. 88.

14. ПСС, т.46, с. 4.

15. ПСС, т.73, с. 63.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

16. ПСС, т.75, с. 130.
17. ПСС, т.54, с. 39.
18. ПСС, т.42, с. 349–350.
19. ПСС, т.42, с. 258.
20. ПСС, т.57, с. 33.
21. ПСС, т.53, с. 225.
22. ПСС, т.51, с. 88.
23. ПСС, т.53, с. 85.
24. ПСС, т.52, с. 10.
25. ПСС, т.44, с. 331.
26. ПСС, т.53, с. 205–206.
27. ПСС, т.50, с. 130–133.
28. ПСС, т.64, с. 39.
29. ПСС, т.56, с. 113.
30. ПСС, т.64, с. 97.
31. ПСС, т.78, с. 183.
32. ПСС, т.56, с. 141.
33. ПСС, т.56, с. 221.
34. ПСС, т.55, с. 68.
35. ПСС, т.67, с. 270.
36. ПСС, т.56, с. 13.
37. ПСС, т.44, с. 327.
38. ПСС, т.56, с. 70.
39. ПСС, т.54, с. 188.
40. ПСС, т.38, с. 96.
41. ПСС, т.40, с. 367.
42. ПСС, т.41, с. 35.
43. ПСС, т.44, с. 329.
44. ПСС, т.63, с. 356.
45. ПСС, т.44, с. 181.
46. ПСС, т.85, с. 395–396.
47. ПСС, т.50, с. 13.
48. ПСС, т.64, с. 57.
49. ПСС, т.71, с. 262.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
50. ПСС, Т.38, С. 176.
 51. Воспоминания современников, Т.2, С. 318.
 52. ПСС, Т.52, С. 25–26.
 53. ПСС, Т.44, С. 262.
 54. ПСС, Т.44, С. 10.
 55. ПСС, Т.43, С. 249.
 56. ПСС, Т.53, С. 106–107.
 57. ПСС, Т.53, С. 19.
 58. ПСС, Т.64, С. 273.
 59. ПСС, Т.44, С. 196.
 60. ПСС, Т.41, С. 491.
 61. ПСС, Т.77, С. 132.
 62. ПСС, Т.41, С. 159.
 63. ПСС, Т.66, С. 240.
 64. ПСС, Т.58, С. 103.
 65. ПСС, Т.42, С. 170.
 66. ПСС, Т.56, С. 375.
 67. ПСС, Т.75, С. 129–130.
 68. ПСС, Т.50, С. 121–122.
 69. ПСС, Т.56, С. 21.
 70. ПСС, Т.43, С. 122.
 71. ПСС, Т.71, С. 356.
 72. Булгаков В.Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни. – М., 1989 <далее – Булгаков>, С. 33.
 73. ПСС, Т.65, С. 292.
 74. Булгаков, С. 275.
 75. ПСС, Т.85, С. 44.
 76. ПСС, Т.67, С. 119.
 77. ПСС, Т.66, С. 254.
 78. ПСС, Т.55, С. 25.
 79. ПСС, Т.90, С. 214–215.
 80. ПСС, Т.78, С. 176.
 81. ПСС, Т.44, С. 349.
 82. ПСС, Т.44, С. 74.
 83. ПСС, Т.43, С. 7.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

84. ПСС, т.65, с. 222.

85. ПСС, т.56, с. 46.

86. ПСС, т.52, с. 67.

87. ПСС, т.55, с. 243.

88. ПСС, т.88, с. 41.

89. ПСС, т.67, с. 267.

90. ПСС, т.44, с. 135.

91. ПСС, т.87, с. 337.

92. ПСС, т.10, с. 158.

93. ПСС, т.57, с. 22.

94. ПСС, т.43, с. 7.

95. ПСС, т.53, с. 19.

96. ПСС, т.55, с. 220.

97. ПСС, т.53, с. 197.

98. ПСС, т.71, с. 454.

99. ПСС, т.11, с. 294.

БОГ

1. ПСС, т.44, с. 195.

2. ПСС, т.23, с. 43–44.

3. ПСС, т.41, с. 476.

4. ПСС, т.76, с. 41–42.

5. ПСС, т.67, с. 147–148.

6. ПСС, т.67, с. 261–262.

7. ПСС, т.58, с. 116.

8. ПСС, т.69, с. 215.

9. ПСС, т.54, с. 107.

10. ПСС, т.44, с. 76.

11. ПСС, т.80, с. 211.

12. ПСС, т.71, с. 429.

13. ПСС, т.78, с. 300–301.

14. ПСС, т.56, с. 319.

15. ПСС, т.57, с. 176.

16. ПСС, т.41, с. 562.

17. ПСС, т.55, с. 212.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
18. ПСС, т.56, с. 371.
 19. ПСС, т.44, с. 330.
 20. ПСС, т.57, с. 99.
 21. ПСС, т.76, с. 111.
 22. ПСС, т.82, с. 84.
 23. ПСС, т.80, с. 211.
 24. ПСС, т.54, с. 115.
 25. ПСС, т.90, с. 190.
 26. ПСС, т.44, с. 9.
 27. ПСС, т.55, с. 270.
 28. ПСС, т.54, с. 135.
 29. ПСС, т.82, с. 96–97.
 30. ПСС, т.43, с. 310–311.
 31. Гольденвейзер, с. 205.
 32. ПСС, т.88, с. 203.
 33. ПСС, т.43, с. 9–10.
 34. ПСС, т.80, с. 159–160.
 35. ПСС, т.57, с. 170.
 36. ПСС, т.48, с. 23.
 37. ПСС, т.87, с. 47.
 38. ПСС, т.55, с. 51.
 39. ПСС, т.57, с. 23.
 40. ПСС, т.57, с. 28.
 41. ПСС, т.56, с. 51–52.
 42. ПСС, т.79, с. 156.
 43. ПСС, т.46, с. 167.
 44. ПСС, т.44, с. 137.
 45. ПСС, т.74, с. 185.
 46. ПСС, т.79, с. 115.
 47. Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь. ч. II Ясная Поляна, гл.3 Мои внутренние отношения с Толстым [ресурс в сети интернет], Режим доступа <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/bulgakov-kak-prozhita-zhizn/2-glava-3-moi-vnutrennie-otnosheniya.htm> свободный.
 48. ПСС, т.62, с. 272.
 49. ПСС, т.53, с. 213.
 50. ПСС, т.55, с. 26.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

51. ПСС, т.43, с. 9.
52. ПСС, т.74, с. 179–180.
53. ПСС, т.90, с. 129–130.
54. ПСС, т.55, с. 24.
55. Прометей: историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». – М., 1980 <далее – Прометей>, т.12, с. 253.
56. ПСС, т.79, с. 204–205.
57. ПСС, т.55, с. 20.
58. ПСС, т.76, с. 104.
59. ПСС, т.68, с. 234–235.
60. ПСС, т.81, с. 170.
61. ПСС, т.78, с. 301.
62. ПСС, т.86, с. 57.
63. ПСС, т.74, с. 59.
64. ПСС, т.41, с. 400.
65. ПСС, т.56, с. 90.
66. ПСС, т.44, с. 136.
67. ПСС, т.34, с. 251.
68. ПСС, т.58, с. 108.
69. ПСС, т.43, с. 67.
70. ПСС, т.57, с. 97.
71. ПСС, т.54, с. 148.
72. ПСС, т.44, с. 263.
73. ПСС, т.43, с. 67.
74. ПСС, т.40, с. 367.
75. ПСС, т.44, с. 196.
76. ПСС, т.42, с. 131.
77. ПСС, т.56, с. 356.
78. ПСС, т.58, с. 110.
79. ПСС, т.57, с. 153.
80. ПСС, т.41, с. 475.
81. ПСС, т.56, с. 35.
82. ПСС, т.43, с. 124–125.
83. ПСС, т.58, с. 33–34.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

84. ПСС, Т.54, С. 92.

85. ПСС, Т.56, С. 44.

86. ПСС, Т.57, С. 214.

87. ПСС, Т.57, С. 78.

88. ПСС, Т.66, С. 123–124.

89. ПСС, Т.68, С. 176–177.

90. ПСС, Т.72, С. 187.

91. ПСС, Т.44, С. 76–77.

92. ПСС, Т.53, С. 222.

93. ПСС, Т.37, С. 277.

Исполнение Воли Бога

1. ПСС, Т.54, С. 338.

2. ПСС, Т.54, С. 150.

3. ПСС, Т.68, С. 224.

4. ПСС, Т.66, С. 222.

5. ПСС, Т.75, С. 59–60.

6. ПСС, Т.43, С. 11.

7. ПСС, Т.67, С. 52.

8. ПСС, Т.67, С. 51.

9. ПСС, Т.32, С. 226.

10. ПСС, Т.88, С. 170.

11. ПСС, Т.63, С. 293.

12. ПСС, Т.44, С. 67.

13. ПСС, Т.55, С. 158.

14. ПСС, Т.43, С. 60.

15. ПСС, Т.57, С. 14.

16. ПСС, Т.52, С. 26.

17. ПСС, Т.55, С. 178.

18. ПСС, Т.57, С. 9.

19. ПСС, Т.43, С. 354.

20. ПСС, Т.54, С. 107.

21. ПСС, Т.88, С. 155.

22. ПСС, Т.69, С. 71.

23. ПСС, Т.71, С. 371.

24. ПСС, Т.80, С. 160.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

25. ПСС, т.85, с. 296.
26. ПСС, т.56, с. 137.
27. ПСС, т.73, с. 116.
28. ПСС, т.55, с. 200.
29. ПСС, т.40, с. 98.
30. ПСС, т.87, с. 9–10.
31. ПСС, т.56, с. 161.
32. ПСС, т.44, с. 153.
33. ПСС, т.53, с. 73.
34. ПСС, т.88, с. 203.
35. ПСС, т.75, с. 174.
36. ПСС, т.55, с. 199.
37. ПСС, т.43, с. 143.
38. ПСС, т.54, с. 96.
39. ПСС, т.57, с. 180.
40. ПСС, т.55, с. 64.
41. ПСС, т.55, с. 210.
42. ПСС, т.65, с. 189.
43. ПСС, т.58, с. 116.
44. ПСС, т.55, с. 199.
45. ПСС, т.85, с. 76.
46. ПСС, т.65, с. 20–21.
47. ПСС, т.85, с. 136.
48. ПСС, т.90, с. 134–135.
49. ПСС, т.81, с. 18.
50. ПСС, т.68, с. 184.
51. ПСС, т.67, с. 67.
52. ПСС, т.34, с. 195.
53. ПСС, т.86, с. 214.
54. ПСС, т.71, с. 393.
55. ПСС, т.52, с. 18.
56. ПСС, т.66, с. 369.
57. ПСС, т.74, с. 245.
58. ПСС, т.41, с. 569.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

59. ПСС, т.55, с. 225.
60. ПСС, т.55, с. 214–215.
61. ПСС, т.55, с. 215–218.
62. ПСС, т.57, с. 100–101.
63. Гольденвейзер, с. 72.
64. ПСС, т.54, с. 17.
65. ПСС, т.90, с. 145.
66. ПСС, т.76, с. 222–223.
67. ПСС, т.56, с. 330.
68. ПСС, т.75, с. 127.
69. ПСС, т.57, с. 120.
70. ПСС, т.53, с. 13.
71. ПСС, т.88, с. 321.
72. ПСС, т.40, с. 394.
73. ПСС, т.37, с. 283
74. ПСС, т.54, с. 76.
75. ПСС, т.77, с. 58.
76. ПСС, т.44, с. 238.
77. ПСС, т.44, с. 236.
78. ПСС, т.41, с. 141.
79. ПСС, т.41, с. 165.
80. ПСС, т.41, с. 379.
81. ПСС, т.76, с. 234.
82. ПСС, т.57, с. 184.
83. ПСС, т.63, с. 376.
84. Маковицкий, кн.1, с. 227.
85. ПСС, т.41, с. 16.
86. ПСС, т.87, с. 45.
87. ПСС, т.57, с. 243.
88. ПСС, т.89, с. 174.
89. ПСС, т.56, с. 117.
90. ПСС, т.53, с. 16.

Иллюзия личности. Я и не-я. Тайна сознания
1. ПСС, т.42, с. 133.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
2. ПСС, Т.72, С. 522–523.
 3. ПСС, Т.53, С. 75.
 4. ПСС, Т.52, С. 155.
 5. ПСС, Т.43, С. 248.
 6. ПСС, Т.58, С. 20.
 7. ПСС, Т.53, С. 220.
 8. ПСС, Т.53, С. 204.
 9. ПСС, Т.54, С. 243.
 10. ПСС, Т.53, С. 95.
 11. ПСС, Т.90, С. 136.
 12. ПСС, Т.44, С. 322.
 13. ПСС, Т.44, С. 131.
 14. ПСС, Т.76, С. 126.
 15. ПСС, Т.41, С. 47.
 16. ПСС, Т.26, С. 327.
 17. ПСС, Т.44, С. 369.
 18. ПСС, Т.66, С. 43.
 19. ПСС, Т.54, С. 185.
 20. ПСС, Т.55, С. 24.
 21. ПСС, Т.44, С. 198.
 22. ПСС, Т.42, С. 81.
 23. ПСС, Т.54, С. 167–168.
 24. ПСС, Т.53, С. 91.
 25. ПСС, Т.54, С. 169.
 26. ПСС, Т.44, С. 134.
 27. ПСС, Т.55, С. 242.
 28. ПСС, Т.55, С. 262.
 29. ПСС, Т.57, С. 47.
 30. ПСС, Т.89, С. 107–108.
 31. ПСС, Т.88, С. 8.
 32. ПСС, Т.71, С. 468.
 33. ПСС, Т.88, С. 71–72.
 34. ПСС, Т.56, С. 154–155.
 35. ПСС, Т.53, С. 226.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

36. ПСС, Т.85, С. 229.
37. ПСС, Т.55, С. 156.
38. ПСС, Т.56, С. 141.
39. ПСС, Т.53, С. 75.
40. ПСС, Т.43, С. 6.
41. ПСС, Т.52, С. 106.
42. ПСС, Т.55, С. 31.
43. ПСС, Т.41, С. 271.
44. ПСС, Т.54, С. 119.
45. ПСС, Т.44, С. 134–135.
46. ПСС, Т.41, С. 281.
47. ПСС, Т.54, С. 243.
48. ПСС, Т.43, С. 110.
49. ПСС, Т.5, С.1 96.
50. ПСС, Т.43, С. 167–168.
51. ПСС, Т.55, С. 120.
52. ПСС, Т.41, С. 241.
53. ПСС, Т.42, С. 341.
54. ПСС, Т.77, С. 119.
55. ПСС, Т.41, С. 278.
56. ПСС, Т.53, С. 51.
57. ПСС, Т.53, С. 92.
58. ПСС, Т.53, С. 213.
59. ПСС, Т.56, С. 159.
60. ПСС, Т.56, С. 354.
61. ПСС, Т.77, С. 14.
62. ПСС, Т.43, С. 284.
63. ПСС, Т.57, С. 209.
64. ПСС, Т.55, С. 187.
65. ПСС, Т.54, С. 117.
66. ПСС, Т.42, С. 545.
67. ПСС, Т.44, С. 74.
68. ПСС, Т.53, С. 89.
69. ПСС, Т.55, С. 143.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
70. ПСС, Т.44, С. 7.
 71. ПСС, Т.44, С. 7.
 72. ПСС, Т.43, С. 140.
 73. ПСС, Т.41, С. 545.
 74. ПСС, Т.44, С. 48.
 75. ПСС, Т.44, С. 49.
 76. ПСС, Т.44, С. 49.
 77. ПСС, Т.40, С. 108.
 78. ПСС, Т.66, С. 263.
 79. ПСС, Т.55, С. 6.
 80. ПСС, Т.41, С. 107.
 81. ПСС, Т.26, С. 367.
 82. ПСС, Т.43, С. 285.
 83. ПСС, Т.52, С. 154.
 84. ПСС, Т.56, С. 19.
 85. ПСС, Т.56, С. 95.
 86. ПСС, Т.56, С. 96.
 87. ПСС, Т.56, С. 311.
 88. ПСС, Т.56, С. 146–147.
 89. ПСС, Т.55, С. 31.
 90. ПСС, Т.56, С. 311.
 91. ПСС, Т.56, С. 95.
 92. ПСС, Т.56, С. 139.
 93. ПСС, Т.56, С. 88.
 94. ПСС, Т.56, С. 6.
 95. ПСС, Т.56, С. 13.
 96. ПСС, Т.55, С. 30.
 97. ПСС, Т.56, С. 356–357.
 98. ПСС, Т.55, С. 128.
 99. ПСС, Т.56, С. 317–318.
 100. ПСС, Т.55, С. 30.
 101. ПСС, Т.56, С. 319–320.
 102. ПСС, Т.56, С. 220.
 103. ПСС, Т.55, С. 141.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
104. ПСС, т.55, с. 124.
 105. ПСС, т.41, с. 108.
 106. ПСС, т.54, с. 185–186.
 107. ПСС, т.74, с. 245.
 108. ПСС, т.56, с. 148.
 109. ПСС, т.53, с. 131.
 110. ПСС, т.53, с. 103.
 111. ПСС, т.44, с. 134.
 112. ПСС, т.55, с. 175.
 113. ПСС, т.43, с. 244.
 114. ПСС, т.44, с. 6.
 115. ПСС, т.54, с. 141.
 116. ПСС, т.56, с. 166.
 117. ПСС, т.58, с. 102–103.
 118. ПСС, т.54, с. 156.
 119. ПСС, т.55, с. 170.
 120. ПСС, т.54, с. 179–180.
 121. ПСС, т.43, с. 243.
 122. ПСС, т.57, с. 163.
 123. ПСС, т.55, с. 88.
 124. ПСС, т.53, с. 107.
 125. ПСС, т.56, с. 337–338.
 126. ПСС, т.55, с. 16.
 127. ПСС, т.43, с. 243.
 128. ПСС, т.56, с. 77–78.
 129. ПСС, т.44, с. 58.
 130. ПСС, т.58, с. 172.
 131. ПСС, т.55, с. 262.
 132. ПСС, т.54, с. 149.
 133. ПСС, т.54, с. 173.
 134. ПСС, т.54, с. 30.
 135. ПСС, т.56, с. 42.
 136. ПСС, т.55, с. 385.
 137. ПСС, т.54, с. 183.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

138. ПСС, Т.43, С. 173.
139. ПСС, Т.42, С. 383.
140. ПСС, Т.55, С. 32–33.
141. ПСС, Т.90, С. 191.
142. ПСС, Т.53, С. 190.
143. ПСС, Т.89, С. 130.
144. ПСС, Т.89, С. 44.
145. ПСС, Т.55, С. 82.
146. ПСС, Т.54, С. 180.
147. ПСС, Т.53, С. 178
148. ПСС, Т.54, С. 185.
149. ПСС, Т.54, С. 141.
150. ПСС, Т.53, С. 181.
151. ПСС, Т.36, С. 407–408.
152. ПСС, Т.58, С. 114.
153. ПСС, Т.57, С. 11.
154. ПСС, Т.44, С. 74.
155. ПСС, Т.41, С. 277.
156. ПСС, Т.54, С. 174.
157. ПСС, Т.56, С. 93.
158. ПСС, Т.55, С. 182.
159. ПСС, Т.54, С. 111.
160. ПСС, Т.55, С. 9.
161. ПСС, Т.56, С. 123.
162. ПСС, Т.53, С. 127.
163. ПСС, Т.53, С. 231.
164. ПСС, Т.51, С. 109.

Самоотречение

1. ПСС, Т.52, С. 93.
2. ПСС, Т.57, С. 99.
3. Маковицкий, кн.1, С. 393.
4. ПСС, Т.54, С. 147.
5. ПСС, Т.53, С. 210.
6. ПСС, Т.54, С. 157–158.
7. ПСС, Т.44, С. 111.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

8. ПСС, т.50, с. 138.
9. ПСС, т.44, с. 109.
10. ПСС, т.44, с. 235.
11. ПСС, т.65, с. 292–293.
12. ПСС, т.65, с. 69.
13. ПСС, т.66, с. 273.
14. ПСС, т.64, с. 161.
15. ПСС, т.54, с. 114–115.
16. ПСС, т.56, с. 76.
17. ПСС, т.56, с. 364.
18. ПСС, т.55, с. 204–205.
19. ПСС, т.65, с. 239.
20. ПСС, т.50, с. 45.
21. ПСС, т.57, с. 100.
22. ПСС, т.43, с. 249.
23. ПСС, т.55, с. 125–126.
24. ПСС, т.23, с. 400.
25. ПСС, т.56, с. 137.
26. ПСС, т.64, с. 114.
27. ПСС, т.44, с. 369–370.
28. ПСС, т.41, с. 549.
29. ПСС, т.55, с. 17.
30. ПСС, т.44, с. 168.
31. ПСС, т.56, с. 376.
32. ПСС, т.46, с. 72.
33. ПСС, т.56, с. 376.
34. ПСС, т.69, с. 110.
35. ПСС, т.44, с. 371.
36. ПСС, т.42, с. 159.
37. ПСС, т.41, с. 416.
38. ПСС, т.41, с. 263.
39. ПСС, т.64, с. 92.
40. ПСС, т.62, с. 493.
41. ПСС, т.64, с. 253.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

42. ПСС, т.84, с. 260.
43. ПСС, т.49, с. 104.
44. ПСС, т.41, с. 159.
45. Гольденвейзер, с. 126.
46. ПСС, т.53, с. 167.
47. ПСС, т.43, с. 222.
48. ПСС, т.41, с. 583.
49. ПСС, т.40, с. 385–386.
50. ПСС, т.42, с. 271.
51. ПСС, т.41, с. 198.
52. ПСС, т.68, с. 195–196.
53. ПСС, т.42, с. 38.
54. ПСС, т.37, с. 371.
55. ПСС, т.42, с. 552.
56. ПСС, т.55, с. 143.
57. ПСС, т.54, с. 104.
58. ПСС, т.43, с. 109.

Не мешать Жизни

1. Маковицкий, кн.2, с. 561.
2. ПСС, т.81, с. 263.
3. ПСС, т.87, с. 347.
4. ПСС, т.87, с. 211–212.
5. Гусев, с. 210.
6. ПСС, т.44, с. 53.
7. ПСС, т.87, с. 289.
8. ПСС, т.44, с. 55.
9. ПСС, т.57, с. 229.
10. ПСС, т.53, с. 312.
11. ПСС, т.58, с. 101.
12. ПСС, т.82, с. 218.
13. ПСС, т.86, с. 218–219.
14. ПСС, т.44, с. 376.
15. ПСС, т.11, с. 174–175.
16. ПСС, т.64, с. 279–280.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

17. ПСС, т.67, с. 137.
18. ПСС, т.43, с. 164.
19. ПСС, т.12, с. 111.
20. ПСС, т.61, с. 36.
21. Маковицкий, кн.3, с. 72.
22. ПСС, т.54, с. 41.
23. ПСС, т.84, с. 407.
24. ПСС, т.44, с. 241.
25. ПСС, т.58, с. 130.
26. ПСС, т.86, с. 219.
27. ПСС, т.63, с. 382.
28. ПСС, т.55, с. 214.
29. ПСС, т.56, с. 91.
30. ПСС, т.85, с. 59–60.
31. Воспоминания современников, т.2, с. 290.
32. ПСС, т.70, с. 201.
33. Маковицкий, кн.1, с. 151.
34. ПСС, т.56, с. 22–23.
35. ПСС, т.55, с. 144.

Жить в настоящем

1. ПСС, т.56, с. 58.
2. Маковицкий, кн.4, с. 224.
3. ПСС, т.56, с. 96.
4. Маковицкий, кн.1, с. 335.
5. ПСС, т.43, с. 236.
6. ПСС, т.65, с. 307.
7. ПСС, т.54, с. 41.
8. ПСС, т.41, с. 165.
9. ПСС, т.56, с. 124.
10. ПСС, т.66, с. 260.
11. ПСС, т.82, с. 183.
12. ПСС, т.77, с. 244.
13. ПСС, т.31, с. 112.
14. ПСС, т.55, с. 286.
15. ПСС, т.56, с. 118.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

16. ПСС, т.41, с. 583.
17. ПСС, т.73, с. 324.
18. ПСС, т.75, с. 49.
19. ПСС, т.56, с. 92.
20. ПСС, т.64, с. 13.
21. Булгаков, с. 206.
22. Булгаков, с. 210.
23. ПСС, т.49, с. 59.
24. ПСС, т.44, с. 246.
25. ПСС, т.56, с. 121–122.
26. ПСС, т.56, с. 25.
27. ПСС, т.85, с. 60.
28. ПСС, т.67, с. 168.
29. ПСС, т.67, с. 225–226.
30. ПСС, т.75, с. 26.
31. ПСС, т.37, с. 185.
32. ПСС, т.37, с. 185.
33. ПСС, т.55, с. 373.
34. ПСС, т.41, с. 261.
35. ПСС, т.54, с. 76.
36. ПСС, т.54, с. 62.
37. ПСС, т.43, с. 207.
38. ПСС, т.41, с. 561.
39. ПСС, т.51, с. 45–46.
40. ПСС, т.54, с. 42.
41. ПСС, т.55, с. 49.
42. ПСС, т.44, с. 247.
43. Гольденвейзер, с. 153.
44. ПСС, т.56, с. 19.
45. ПСС, т.42, с. 457.
46. ПСС, т.42, с. 456.
47. ПСС, т.88, с. 240.
48. ПСС, т.71, с. 331.
49. ПСС, т.43, с. 53.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

50. ПСС, т.55, с. 49.
51. ПСС, т.57, с. 188.
52. ПСС, т.87, с. 163.
53. ПСС, т.56, с. 357.
54. ПСС, т.41, с. 559–560.
55. ПСС, т.44, с. 180.
56. ПСС, т.55, с. 371.
57. ПСС, т.44, с. 59.
58. ПСС, т.56, с. 157.
59. ПСС, т.89, с. 233.
60. ПСС, т.41, с. 560.
61. Гольденвейзер, с. 152.
62. ПСС, т.43, с. 111.
63. ПСС, т.17, с. 251.
64. ПСС, т.72, с. 380.
65. ПСС, т.42, с. 259.
66. ПСС, т.67, с. 226–227.
67. ПСС, т.44, с. 318.
68. ПСС, т.43, с. 299.
69. ПСС, т.56, с. 366.
70. ПСС, т.63, с. 21.
71. ПСС, т.70, с. 201.
72. ПСС, т.40, с. 390.
73. ПСС, т.54, с. 53.
74. ПСС, т.43, с. 297.
75. ПСС, т.51, с. 122.
76. ПСС, т.53, с. 221.
77. ПСС, т.42, с. 392.
78. Маковицкий, кн.1, с. 98.
79. ПСС, т.57, с. 194.
80. ПСС, т.55, с. 145.
81. ПСС, т.56, с. 157.

Иллюзорность материи. Время и пространство. Бесконечность
1. ПСС, т.54, с. 146.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
2. ПСС, Т.56, С. 14.
 3. ПСС, Т.54, С. 30.
 4. ПСС, Т.55, С. 77–78.
 5. ПСС, Т.78, С. 304.
 6. ПСС, Т.58, С. 26–27.
 7. ПСС, Т.58, С. 116.
 8. ПСС, Т.55, С. 137.
 9. ПСС, Т.54, С. 184–185.
 10. ПСС, Т.55, С. 71.
 11. ПСС, Т.56, С. 155–156.
 12. ПСС, Т.41, С. 381.
 13. ПСС, Т.54, С. 131.
 14. ПСС, Т.41, С. 315.
 15. ПСС, Т.66, С. 340.
 16. ПСС, Т.57, С. 80.
 17. ПСС, Т.40, С. 108.
 18. ПСС, Т.55, С. 164.
 19. Маковицкий, кн.1, С. 143.
 20. Маковицкий, кн.3, С. 62.
 21. ПСС, Т.55, С. 241.
 22. ПСС, Т.56, С. 40.
 23. ПСС, Т.56, С. 21.
 24. ПСС, Т.56, С. 30.
 25. ПСС, Т.55, С. 109.
 26. ПСС, Т.55, С. 218.
 27. ПСС, Т.55, С. 206.
 28. ПСС, Т.54, С. 5–6.
 29. ПСС, Т.54, С. 174.
 30. ПСС, Т.53, С. 211.
 31. ПСС, Т.88, С. 210.
 32. ПСС, Т.66, С. 155–156.
 33. ПСС, Т.56, С. 123.
 34. ПСС, Т.55, С. 14–15.
 35. ПСС, Т.55, С. 9.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

36. ПСС, Т.53, С. 186.
37. ПСС, Т.56, С. 358.
38. ПСС, Т.54, С. 43.
39. ПСС, Т.54, С. 200.
40. ПСС, Т.57, С. 170.
41. ПСС, Т.55, С. 12–13.
42. ПСС, Т.55, С. 132–133.
43. ПСС, Т.57, С. 100.
44. ПСС, Т.53, С. 16–17.
45. ПСС, Т.78, С. 14.
46. ПСС, Т.67, С. 193.
47. ПСС, Т.41, С. 108.
48. ПСС, Т.42, С. 383.
49. Воспоминания современников, Т.2, С. 13.
50. ПСС, Т.54, С. 71.
51. ПСС, Т.55, С. 65.
52. ПСС, Т.10, С. 236.
53. ПСС, Т.53, С. 154.
54. ПСС, Т.40, С. 180.
55. ПСС, Т.51, С. 13.
56. ПСС, Т.44, С. 325.
57. ПСС, Т.56, С. 152.
58. ПСС, Т.56, С. 37.

Смерть и бессмертие

1. ПСС, Т.84, С. 253.
2. ПСС, Т.69, С. 77.
3. ПСС, Т.56, С. 112.
4. ПСС, Т.32, С. 393.
5. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 20-ти томах. – М., 1960–1965 <далее – СС в 20-ти томах>, Т.5, С. 131.
6. ПСС, Т.58, С. 11.
7. ПСС, Т.2, С. 56–57.
8. ПСС, Т.74, С. 118.
9. ПСС, Т.42, С. 275.
10. ПСС, Т.41, С. 509.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

11. ПСС, т.41, с. 102.

12. ПСС, т.57, с. 228.

13. ПСС, т.44, с. 251.

14. ПСС, т.56, с. 24.

15. ПСС, т.44, с. 320.

16. Гусев, с. 268.

17. ПСС, т.89, с. 203.

18. ПСС, т.57, с. 111.

19. Воспоминания современников, т.2, с. 183.

20. ПСС, т.54, с. 71.

21. ПСС, т.54, с. 192.

22. ПСС, т.71, с. 311.

23. ПСС, т.88, с. 224.

24. Прометей, с. 127.

25. ПСС, т.87, с. 254.

26. ПСС, т.64, с. 159.

27. ПСС, т.66, с. 368.

28. ПСС, т.56, с. 142–143.

29. Маковицкий, кн.3, с. 442.

30. ПСС, т.43, с. 63.

31. ПСС, т.44, с. 183.

32. ПСС, т.41, с. 79.

33. ПСС, т.44, с. 384.

34. ПСС, т.75, с. 153.

35. Гольденвейзер, с. 71.

36. ПСС, т.44, с. 59–60.

37. ПСС, т.67, с. 266.

38. ПСС, т.57, с. 53–54.

39. ПСС, т.79, с. 84.

40. ПСС, т.42, с. 291.

41. ПСС, т.41, с. 236.

42. ПСС, т.51, с. 15.

43. Маковицкий, кн.1, с. 384.

44. ПСС, т.55, с. 182.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

45. ПСС, т.54, с. 255.
46. ПСС, т.41, с. 140–141.
47. ПСС, т.42, с. 136.
48. ПСС, т.54, с. 102.
49. ПСС, т.41, с. 141.
50. ПСС, т.54, с. 108.
51. ПСС, т.42, с. 290.
52. ПСС, т.90, с. 208.
53. ПСС, т.23, с. 390.
54. ПСС, т.34, с. 249.
55. ПСС, т.66, с. 178.
56. ПСС, т.68, с. 138.
57. ПСС, т.54, с. 42.
58. ПСС, т.88, с. 342.
59. ПСС, т.56, с. 84–85.
60. ПСС, т.88, с. 215.
61. ПСС, т.84, с. 257.
62. ПСС, т.44, с. 384.
63. ПСС, т.43, с. 302.
64. ПСС, т.26, с. 401.
65. ПСС, т.41, с. 319.
66. ПСС, т.55, с. 110–111.
67. ПСС, т.79, с. 72.
68. ПСС, т.77, с. 102.
69. ПСС, т.76, с. 167.
70. Маковицкий, кн.1, с. 416.
71. ПСС, т.44, с. 386.
72. ПСС, т.80, с. 224.
73. ПСС, т.54, с. 270.
74. ПСС, т.54, с. 110.
75. ПСС, т.54, с. 102.
76. ПСС, т.44, с. 321–322.
77. ПСС, т.72, с. 529.
78. ПСС, т.73, с. 7.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
79. ПСС, Т.73, С. 40–41.
 80. ПСС, Т.44, С. 46–47.
 81. ПСС, Т.54, С. 283.
 82. ПСС, Т.43, С. 115.
 83. ПСС, Т.54, С. 128.
 84. ПСС, Т.66, С. 393.
 85. ПСС, Т.53, С. 19.
 86. ПСС, Т.88, С. 215.
 87. ПСС, Т.44, С. 386.
 88. ПСС, Т.54, С. 101.
 89. ПСС, Т.54, С. 170.
 90. ПСС, Т.53, С. 10.
 91. ПСС, Т.51, С. 45.
 92. ПСС, Т.54, С. 14.
 93. ПСС, Т.55, С. 198.
 94. ПСС, Т.55, С. 198.
 95. ПСС, Т.53, С. 78.
 96. ПСС, Т.74, С. 34.
 97. ПСС, Т.50, С. 4.
 98. ПСС, Т.55, С. 3–4.
 99. ПСС, Т.36, С. 72.
 100. ПСС, Т.55, С. 91.
 101. ПСС, Т.41, С. 393.
 102. ПСС, Т.41, С. 392.
 103. ПСС, Т.55, С. 124.
 104. ПСС, Т.42, С. 136.
 105. ПСС, Т.53, С. 110.
 106. ПСС, Т.45, С. 16.
 107. ПСС, Т.64, С. 329.
 108. ПСС, Т.63, С. 361–362.
 109. ПСС, Т.41, С. 293.
 110. ПСС, Т.52, С. 145.
 111. ПСС, Т.68, С. 136.
 112. ПСС, Т.11, С. 294.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

113. ПСС, Т.44, С. 66.
114. ПСС, Т.68, С. 128.
115. ПСС, Т.54, С. 130.
116. ПСС, Т.41, С. 236.
117. ПСС, Т.54, С. 104.
118. ПСС, Т.54, С. 102.
119. ПСС, Т.54, С. 101–102.
120. ПСС, Т.54, С. 86.
121. ПСС, Т.55, С. 168.
122. ПСС, Т.56, С. 359.
123. ПСС, Т.54, С. 28.
124. ПСС, Т.76, С. 146.
125. ПСС, Т.79, С. 147.
126. ПСС, Т.56, С. 144–145.
127. ПСС, Т.41, С. 393.
128. ПСС, Т.55, С. 198–199.
129. ПСС, Т.77, С. 264.
130. ПСС, Т.66, С. 437.
131. ПСС, Т.68, С. 100.
132. ПСС, Т.88, С. 240.
133. ПСС, Т.89, С. 50.
134. ПСС, Т.71, С. 475.
135. ПСС, Т.42, С. 547.
136. ПСС, Т.43, С. 357.
137. ПСС, Т.54, С. 154.
138. ПСС, Т.54, С. 37.
139. ПСС, Т.41, С. 347.
140. ПСС, Т.87, С. 10.

Равновесие

1. ПСС, Т.52, С. 155.
2. ПСС, Т.87, С. 90.
3. ПСС, Т.87, С. 133.
4. ПСС, Т.46, С. 65.
5. ПСС, Т.54, С. 63.
6. ПСС, Т.53, С. 204.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

7. ПСС, т.41, с. 200.
8. ПСС, т.41, с. 230.
9. ПСС, т.57, с. 91.
10. ПСС, т.54, с. 121.
11. ПСС, т.44, с. 195–196.
12. ПСС, т.55, с. 137.
13. ПСС, т.55, с. 92.
14. ПСС, т.56, с. 69.
15. ПСС, т.58, с. 95–96.
16. ПСС, т.55, с. 109.
17. ПСС, т.54, с. 232.
18. ПСС, т.90, с. 204.

Идеал. Движение к Цели

1. ПСС, т.38, с. 116.
2. ПСС, т.51, с. 13.
3. ПСС, т.54, с. 112.
4. ПСС, т.12, с. 239.
5. ПСС, т.12, с. 246.
6. ПСС, т.38, с. 116.
7. ПСС, т.90, с. 42.
8. ПСС, т.52, с. 145.
9. Маковицкий, кн.3, с. 92–93.
10. ПСС, т.63, с. 439–440.
11. ПСС, т.64, с. 313.
12. ПСС, т.82, с. 125–126.
13. ПСС, т.64, с. 242.
14. ПСС, т.71, с. 437–438.
15. ПСС, т.88, с. 60–61.
16. ПСС, т.54, с. 133.
17. ПСС, т.57, с. 127.
18. ПСС, т.55, с. 41.
19. ПСС, т.55, с. 22.
20. ПСС, т.41, с. 318.
21. ПСС, т.58, с. 6.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
22. ПСС, Т.65, С. 36–37.
 23. ПСС, Т.86, С. 216.
 24. ПСС, Т.67, С. 206.
 25. ПСС, Т.72, С. 271.
 26. Булгаков, С. 179.
 27. ПСС, Т.54, С. 164.
 28. Рерих Н. К. Толстой и Тагор – художники жизни. – М.: Международный Центр Рерихов, 1993, С. 77.
 29. ПСС, Т.55, С. 270.
 30. ПСС, Т.66, С. 340.
 31. ПСС, Т.78, С. 284–285.
 32. ПСС, Т.56, С. 131.
 33. ПСС, Т.42, С. 287.
 34. ПСС, Т.28, С. 79.
 35. ПСС, Т.82, С. 149–150.
 36. ПСС, Т.44, С. 113.
 37. ПСС, Т.64, С. 251.
 38. ПСС, Т.68, С. 175.
 39. ПСС, Т.44, С. 337.
 40. ПСС, Т.90, С. 212.
 41. ПСС, Т.52, С. 81.
 42. ПСС, Т.52, С. 140.
- Препятствиями растём. Польза страданий. Зла нет
1. ПСС, Т.56, С. 137.
 2. ПСС, Т.55, С. 208.
 3. ПСС, Т.44, С. 124.
 4. ПСС, Т.54, С. 108.
 5. ПСС, Т.42, С. 291.
 6. ПСС, Т.64, С. 341.
 7. ПСС, Т.40, С. 391.
 8. ПСС, Т.44, С. 62.
 9. ПСС, Т.73, С. 296.
 10. ПСС, Т.58, С. 95.
 11. ПСС, Т.44, С. 123.
 12. ПСС, Т.43, С. 234.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

13. ПСС, т.81, с. 150.
14. ПСС, т.71, с. 469.
15. ПСС, т.44, с. 248.
16. ПСС, т.53, с. 122.
17. ПСС, т.72, с. 380.
18. ПСС, т.71, с. 407–408.
19. ПСС, т.57, с. 9.
20. ПСС, т.71, с. 285.
21. ПСС, т.67, с. 212.
22. ПСС, т.42, с. 182.
23. ПСС, т.49, с. 129–130.
24. ПСС, т.73, с. 231.
25. ПСС, т.89, с. 104.
26. ПСС, т.74, с. 31.
27. ПСС, т.74, с. 82.
28. ПСС, т.53, с. 207.
29. ПСС, т.42, с. 181.
30. ПСС, т.44, с. 248.
31. ПСС, т.80, с. 159.
32. ПСС, т.55, с. 158–159.
33. ПСС, т.68, с. 194.
34. ПСС, т.82, с. 74.
35. ПСС, т.72, с. 536.
36. ПСС, т.73, с. 225.
37. ПСС, т.73, с. 22.
38. ПСС, т.54, с. 8.
39. ПСС, т.71, с. 258.
40. ПСС, т.79, с. 187.
41. ПСС, т.73, с. 56.
42. ПСС, т.77, с. 81.
43. ПСС, т.78, с. 10.
44. ПСС, т.75, с. 242.
45. ПСС, т.75, с. 195.
46. ПСС, т.87, с. 125.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
47. ПСС, Т.65, С. 309.
 48. Гусев, С. 241.
 49. ПСС, Т.58, С. 108–109.
 50. Гусев, С. 194.
 51. ПСС, Т.90, С. 212.
 52. ПСС, Т.79, С. 224.
 53. ПСС, Т.53, С. 97.
 54. ПСС, Т.79, С. 173.
 55. ПСС, Т.44, С. 381.
 56. ПСС, Т.77, С. 232.
 57. ПСС, Т.56, С. 380.
 58. ПСС, Т.73, С. 19.
 59. ПСС, Т.82, С. 123.
 60. ПСС, Т.25, С. 108.
 61. ПСС, Т.67, С. 261.
 62. ПСС, Т.64, С. 266.
 63. ПСС, Т.75, С. 130.
 64. ПСС, Т.44, С. 323.
 65. ПСС, Т.44, С. 323.
 66. Маковицкий, кн.4, С. 356.
 67. Маковицкий, кн.1, С. 200.
 68. ПСС, Т.78, С. 274.
 69. ПСС, Т.43, С. 296.
 70. ПСС, Т.82, С. 22.
 71. Гольденвейзер, С.205.
 72. ПСС, Т.56, С. 43.
 73. Толстой С. Л. Очерки былого. – Тула, 1975 <далее – Очерки>, С. 106.
 74. ПСС, Т.42, С. 229.
 75. ПСС, Т.53, С. 87.
 76. ПСС, Т.43, С. 239.
 77. ПСС, Т.43, С. 302.
 78. ПСС, Т.41, С. 470.
 79. Маковицкий, кн.3, С. 328.
 80. ПСС, Т.41, С. 22.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

81. ПСС, т.74, с. 19.
82. ПСС, т.53, с. 179.
83. ПСС, т.71, с. 428.
84. ПСС, т.66, с. 115.
85. ПСС, т.73, с. 261.
86. ПСС, т.54, с. 114.
87. ПСС, т.73, с. 309.
88. ПСС, т.70, с. 174.
89. ПСС, т.82, с. 104.
90. ПСС, т.64, с. 28.
91. ПСС, т.65, с. 66.
92. ПСС, т.79, с. 100.
93. ПСС, т.58, с. 63.
94. ПСС, т.63, с. 94.
95. ПСС, т.54, с. 127.
96. ПСС, т.56, с. 117.
97. ПСС, т.76, с. 59.
98. ПСС, т.86, с. 42.
99. ПСС, т.88, с. 64–65.
100. ПСС, т.64, с. 34.
101. ПСС, т.12, с. 152.
102. ПСС, т.73, с. 356.
103. ПСС, т.44, с. 380.
104. ПСС, т.76, с. 166.
105. ПСС, т.75, с. 81.
106. ПСС, т.75, с. 184.
107. ПСС, т.73, с. 200.
108. ПСС, т.25, с. 159.
109. ПСС, т.82, с. 190.
110. ПСС, т.80, с. 222.
111. ПСС, т.80, с. 97.
112. ПСС, т.54, с. 120.
113. ПСС, т.80, с. 47.
114. ПСС, т.82, с. 125.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

115. ПСС, т.75, с. 244.
116. ПСС, т.71, с. 321.
117. ПСС, т.79, с. 246.
118. ПСС, т.87, с. 254.
119. ПСС, т.80, с. 88.
120. ПСС, т.88, с. 212.
121. ПСС, т.71, с. 282.
122. ПСС, т.43, с. 117.
123. ПСС, т.37, с. 185.
124. ПСС, т.41, с. 332.
125. ПСС, т.41, с. 325.
126. ПСС, т.80, с. 145.
127. ПСС, т.41, с. 326.
128. ПСС, т.63, с. 281.
129. ПСС, т.69, с. 119.
130. ПСС, т.55, с. 106–107.
131. ПСС, т.56, с. 147.
132. ПСС, т.41, с. 598.
133. ПСС, т.41, с. 598.
134. ПСС, т.87, с. 323.
135. ПСС, т.73, с. 170.
136. ПСС, т.42, с. 342.

Свобода

1. ПСС, т.41, с. 544.
2. ПСС, т.41, с. 543.
3. ПСС, т.41, с. 467.
4. ПСС, т.41, с. 465.
5. ПСС, т.56, с. 18.
6. ПСС, т.43, с. 120.
7. ПСС, т.55, с. 207.
8. ПСС, т.52, с. 12.
9. ПСС, т.41, с. 336.
10. ПСС, т.28, с. 282.
11. ПСС, т.56, с. 51.
12. ПСС, т.68, с. 270.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

13. ПСС, т.28, с. 282–283.
14. ПСС, т.55, с. 152.
15. ПСС, т.55, с. 15–16.
16. ПСС, т.55, с. 36–37.
17. ПСС, т.44, с. 329.
18. ПСС, т.56, с. 364–365.
19. ПСС, т.55, с. 151.
20. ПСС, т.56, с. 95.
21. ПСС, т.55, с. 151.
22. ПСС, т.44, с. 117.
23. ПСС, т.55, с. 55.
24. ПСС, т.54, с. 171.
25. ПСС, т.46, с. 72–73.
26. ПСС, т.55, с. 39.
27. ПСС, т.42, с. 108.
28. ПСС, т.52, с. 47.
29. ПСС, т.44, с. 378.
30. ПСС, т.56, с. 30.
31. ПСС, т.55, с. 269.
32. ПСС, т.56, с. 105.
33. Маковицкий, кн.2, с. 294.
34. Маковицкий, кн.2, с. 208–209.
35. ПСС, т.76, с. 57.
36. ПСС, т.55, с. 268.
37. ПСС, т.12, с. 98.
38. ПСС, т.68, с. 227–228.
39. Прометей, с. 202.
40. Воспоминания современников, т.2, с. 462–463.
41. ПСС, т.55, с. 260.
42. ПСС, т.55, с. 91.
43. ПСС, т.41, с. 562.
44. ПСС, т.55, с. 260.
45. ПСС, т.82, с. 20.
46. ПСС, т.53, с. 103.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

47. ПСС, Т.54, С. 108.

48. ПСС, Т.44, С. 343.

49. ПСС, Т.44, С. 343.

50. ПСС, Т.44, С. 343.

Мысль. Слово

1. ПСС, Т.43, С. 104.

2. ПСС, Т.43, С. 167.

3. ПСС, Т.44, С. 57.

4. ПСС, Т.43, С. 232.

5. ПСС, Т.44, С. 120.

6. ПСС, Т.41, С. 559.

7. ПСС, Т.44, С. 176.

8. ПСС, Т.41, С. 559.

9. ПСС, Т.44, С. 177.

10. ПСС, Т.43, С. 103.

11. ПСС, Т.44, С. 244.

12. ПСС, Т.43, С. 351.

13. ПСС, Т.54, С. 124.

14. ПСС, Т.42, С. 61.

15. ПСС, Т.44, С. 244.

16. ПСС, Т.51, С. 116.

17. ПСС, Т.53, С. 222.

18. ПСС, Т.56, С. 133.

19. ПСС, Т.43, С. 45.

20. ПСС, Т.43, С. 351.

21. ПСС, Т.43, С. 101.

22. ПСС, Т.43, С. 230.

23. ПСС, Т.37, С. 34.

24. ПСС, Т.43, С. 44.

25. ПСС, Т.42, С. 232.

26. ПСС, Т.44, С. 55.

27. ПСС, Т.53, С. 155.

28. ПСС, Т.67, С. 24.

29. ПСС, Т.37, С. 34.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

30. ПСС, Т.44, С. 176.
31. ПСС, Т.43, С. 231.
32. ПСС, Т.57, С. 189.
33. ПСС, Т.43, С. 291.
34. ПСС, Т.41, С. 17–18.
35. ПСС, Т.44, С. 242.
36. ПСС, Т.44, С. 312.
37. ПСС, Т.44, С. 56.
38. ПСС, Т.44, С. 243.
39. ПСС, Т.57, С. 118.
40. Маковицкий, кн.1, С. 135.
41. Очерки, С. 228.
42. ПСС, Т.49, С. 9.
43. ПСС, Т.55, С. 195.
44. ПСС, Т.18, С. 363.
45. ПСС, Т.67, С. 168.
46. Воспоминания современников, Т.2, С. 375.
47. ПСС, Т.58, С. 8.
48. ПСС, Т.63, С. 408–409.
49. ПСС, Т.67, С. 135.
50. ПСС, Т.41, С. 300.
51. Булгаков, С. 303.
52. ПСС, Т.89, С. 131–132.
53. ПСС, Т.43, С. 103.

Искусство

1. ПСС, Т.42, С. 308.
2. ПСС, Т.42, С. 308.
3. ПСС, Т.57, С. 151.
4. ПСС, Т.57, С. 132.
5. ПСС, Т.58, С. 112.
6. ПСС, Т.56, С. 374.
7. ПСС, Т.30, С. 158–159.
8. ПСС, Т.30, С. 149.
9. ПСС, Т.65, С. 220.
10. Булгаков, С. 337.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

11. ПСС, т.35, с. 269.
12. ПСС, т.30, с. 195.
13. ПСС, т.42, с. 150.
14. ПСС, т.30, с. 194.
15. ПСС, т.64, с. 95.
16. ПСС, т.53, с. 208.
17. Воспоминания современников, т.2, с. 92–93.
18. Воспоминания современников, т.2, с. 156.
19. ПСС, т.52, с. 112–113.
20. ПСС, т.30, с. 213.
21. ПСС, т.25, с. 369.
22. ПСС, т.50, с. 83–84.
23. ПСС, т.51, с. 59.
24. Воспоминания современников, т.1, с. 255.
25. ПСС, т.64, с. 58.
26. ПСС, т.67, с. 56.
27. ПСС, т.64, с. 235–236.
28. ПСС, т.64, с. 269–270.
29. ПСС, т.64, с. 40.
30. ПСС, т.67, с. 266–267.
31. ПСС, т.66, с. 417.
32. ПСС, т.52, с. 147.
33. ПСС, т.64, с. 15.
34. ПСС, т.64, с. 21.
35. ПСС, т.26, с. 307–308.
36. ПСС, т.30, с. 20.
37. ПСС, т.25, с. 373.
38. ПСС, т.56, с. 156.
39. Маковицкий, кн.3, с. 80.
40. ПСС, т.64, с. 75.
41. ПСС, т.67, с. 35–36.
42. Воспоминания современников, т.2, с. 17.
43. ПСС, т.68, с. 168.
44. ПСС, т.68, с. 172.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

45. Воспоминания современников, Т.2, с. 313.
46. ПСС, Т.30, с. 178–179.
47. Булгаков, с. 145–146.
48. Воспоминания современников, Т.2, с. 14.
49. ПСС, Т.65, с. 120.
50. СС в 20–ти томах, Т.18, с. 29.
51. ПСС, Т.53, с. 77.
52. ПСС, Т.30, с. 215.
53. ПСС, Т.53, с. 77.
54. ПСС, Т.54, с. 74.
55. Воспоминания современников, Т.2, с. 494.
56. ПСС, Т.67, с. 119.
57. ПСС, Т.30, с. 182.
58. Гусев, с. 42.
59. ПСС, Т.63, с. 165.
60. ПСС, Т.41, с. 606.
61. ПСС, Т.30, с. 180.
62. ПСС, Т.30, с. 185.
63. Гусев, с. 204.
64. ПСС, Т.65, с.26.
65. ПСС, Т.78, с.218–219.
66. ПСС, Т.62, с.144.
67. ПСС, Т.41, с.106.
68. Гусев, с.19.
69. ПСС, Т.43, с. 348.
70. ПСС, Т.56, с. 94.
71. ПСС, Т.41, с. 510.
72. ПСС, Т.41, с. 106.
73. ПСС, Т.11, с. 300.
74. ПСС, Т.52, с. 76.
75. ПСС, Т.52, с. 73.
76. ПСС, Т.32, с. 303.
77. ПСС, Т.57, с. 156.
78. ПСС, Т.53, с. 12.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

79. Гусев, с. 96–97.
 80. ПСС, т.53, с. 122.
 81. ПСС, т.53, с. 217.
 82. ПСС, т.30, с. 194.
 83. ПСС, т.65, с. 120.
 84. Воспоминания современников, т.1, с. 331.
 85. ПСС, т.67, с. 79.
 86. ПСС, т.41, с. 137.
 87. Булгаков, с. 94.
 88. Гольденвейзер, с. 238.
 89. ПСС, т.60, с. 324–325.
 90. ПСС, т.68, с. 237.
 91. ПСС, т.62, с. 420.
 92. ПСС, т.42, с. 309.
 93. ПСС, т.53, с. 307.
 94. ПСС, т.61, с. 100.
 95. ПСС, т.53, с. 94.
 96. Гольденвейзер, с. 68.
 97. Гольденвейзер, с. 296.
 98. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями. В 2-ух томах. – М., 1978, т.2, с. 355.
- Знание. Наука, образование, воспитание
1. ПСС, т.19, с. 377–381.
 2. ПСС, т.89, с. 61–62.
 3. ПСС, т.41, с. 243.
 4. ПСС, т.68, с. 201–202.
 5. ПСС, т.68, с. 197–199.
 6. ПСС, т.43, с. 347–348.
 7. ПСС, т.49, с. 131.
 8. ПСС, т.52, с. 101.
 9. ПСС, т.52, с. 101.
 10. Маковицкий, кн.1, с. 310.
 11. ПСС, т.58, с. 100.
 12. ПСС, т.56, с. 50.
 13. ПСС, т.55, с. 72.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

14. ПСС, т.54, с. 170.
15. ПСС, т.56, с. 344.
16. ПСС, т.42, с. 72.
17. ПСС, т.9, с.3 59.
18. ПСС, т.58, с. 104–105.
19. ПСС, т.54, с. 84.
20. ПСС, т.68, с. 201.
21. ПСС, т.54, с. 83–84.
22. ПСС, т.41, с. 597.
23. ПСС, т.55, с. 75.
24. ПСС, т.54, с. 172.
25. ПСС, т.56, с. 94.
26. ПСС, т.41, с. 554.
27. ПСС, т.41, с. 243.
28. ПСС, т.42, с. 434.
29. ПСС, т.44, с. 24.
30. ПСС, т.41, с. 558.
31. ПСС, т.54, с. 51.
32. ПСС, т.41, с. 28.
33. ПСС, т.87, с. 163.
34. ПСС, т.56, с. 92.
35. ПСС, т.43, с. 154.
36. ПСС, т.42, с. 539.
37. ПСС, т.76, с. 76.
38. ПСС, т.56, с. 341.
39. ПСС, т.42, с. 157.
40. ПСС, т.58, с. 170.
41. ПСС, т.41, с. 588.
42. ПСС, т.41, с. 531.
43. ПСС, т.41, с. 598.
44. ПСС, т.10, с. 70–71.
45. ПСС, т.50, с. 173.
46. ПСС, т.55, с. 42.
47. ПСС, т.41, с. 397.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1

48. ПСС, т.41, с. 244.
49. ПСС, т.40, с. 425.
50. ПСС, т.62, с. 290.
51. Гольденвейзер, с. 201.
52. ПСС, т.64, с. 95.
53. ПСС, т.31, с. 89.
54. ПСС, т.30, с. 189.
55. ПСС, т.42, с. 383.
56. ПСС, т.42, с. 550.
57. ПСС, т.43, с. 99.
58. ПСС, т.27, с. 40.
59. ПСС, т.43, с. 40.
60. ПСС, т.64, с. 281.
61. ПСС, т.50, с. 50.
62. ПСС, т.57, с. 184.
63. ПСС, т.57, с. 160.
64. ПСС, т.25, с. 367.
65. ПСС, т.43, с. 39.
66. ПСС, т.43, с. 99.
67. ПСС, т.54, с. 105.
68. ПСС, т.64, с. 95.
69. ПСС, т.56, с. 111.
70. Гусев, с.248.
71. Маковицкий, кн.3, с. 427.
72. ПСС, т.10, с. 182.
73. ПСС, т.53, с. 36.
74. ПСС, т.64, с. 74.
75. ПСС, т.41, с. 106.
76. ПСС, т.58, с. 106.
77. Маковицкий, кн.3, с. 113.
78. ПСС, т.25, с. 374.
79. ПСС, т.26, с. 321.
80. ПСС, т.52, с. 86.
81. ПСС, т.42, с. 384.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

82. ПСС, т.26, с. 315.
 83. ПСС, т.56, с. 6.
 84. ПСС, т.38, с. 65–66.
 85. ПСС, т.55, с. 172.
 86. ПСС, т.53, с. 77.
 87. ПСС, т.41, с. 28.
 88. ПСС, т.25, с. 414.
 89. ПСС, т.41, с. 29.
 90. ПСС, т.68, с. 280.
 91. Гусев, с. 149.
 92. ПСС, т.61, с.122.
 93. ПСС, т.67, с. 63–64.
 94. ПСС, т.53, с. 73.
 95. ПСС, т.54, с. 4.
 96. ПСС, т.67, с. 64.
- Религия. Церковь
1. ПСС, т.41, с. 328.
 2. ПСС, т.36, с. 122.
 3. ПСС, т.41, с. 103.
 4. ПСС, т.55, с. 144.
 5. ПСС, т.41, с. 579.
 6. ПСС, т.30, с. 260–261.
 7. ПСС, т.68, с. 184.
 8. ПСС, т.44, с. 259.
 9. ПСС, т.81, с. 156.
 10. ПСС, т.41, с. 381.
 11. ПСС, т.79, с. 58.
 12. ПСС, т.55, с. 127–128.
 13. ПСС, т.56, с. 49.
 14. ПСС, т.43, с. 120.
 15. ПСС, т.35, с. 162.
 16. ПСС, т.44, с. 314.
 17. ПСС, т.41, с. 531.
 18. ПСС, т.43, с. 120.

- стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
19. ПСС, Т.72, С. 318.
 20. ПСС, Т.39, С. 160.
 21. Прометей, С. 221.
 22. Маковицкий, кн.1, С. 400.
 23. ПСС, Т.67, С. 274–275.
 24. ПСС, Т.63, С. 276.
 25. ПСС, Т.42, С. 312.
 26. ПСС, Т.42, С. 176.
 27. ПСС, Т.23, С. 57.
 28. ПСС, Т.58, С. 13.
 29. ПСС, Т.69, С. 110.
 30. ПСС, Т.68, С. 250.
 31. ПСС, Т.68, С. 119.
 32. ПСС, Т.58, С. 64.
 33. ПСС, Т.43, С. 38.
 34. ПСС, Т.41, С. 599.
 35. ПСС, Т.76, С. 243.
 36. ПСС, Т.78, С. 268.
 37. ПСС, Т.42, С. 52.
 38. ПСС, Т.58, С. 114–115.
 39. ПСС, Т.68, С. 248.
 40. ПСС, Т.45, С. 15.
 41. ПСС, Т.43, С. 97.
 42. ПСС, Т.65, С. 127–128.
 43. ПСС, Т.23, С. 329.
 44. ПСС, Т.44, С. 165.
 45. ПСС, Т.51, С. 115.
 46. ПСС, Т.42, С. 339.
 47. ПСС, Т.88, С. 10.
 48. ПСС, Т.82, С. 185.
 49. ПСС, Т.73, С. 7–8.
 50. ПСС, Т.67, С. 85.
 51. ПСС, Т.67, С. 81.
 52. ПСС, Т.54, С. 42.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1

53. ПСС, Т.55, С. 368.
54. ПСС, Т.23, С. 477.
55. ПСС, Т.51, С. 109.
56. ПСС, Т.23, С. 437.
57. ПСС, Т.79, С. 221.
58. ПСС, Т.90, С. 307.
59. ПСС, Т.41, С. 263.
60. ПСС, Т.41, С. 173.
61. ПСС, Т.44, С. 324.
62. ПСС, Т.54, С. 111.
63. ПСС, Т.65, С. 262.
64. ПСС, Т.41, С. 26.
65. ПСС, Т.63, С. 359–360.
66. ПСС, Т.42, С. 533.
67. ПСС, Т.57, С. 204.
68. ПСС, Т.51, С. 92.
69. ПСС, Т.65, С. 222.
70. ПСС, Т.44, С. 355.
71. ПСС, Т.52, С. 68.
72. ПСС, Т.65, С. 263.
73. ПСС, Т.55, С. 118.
74. ПСС, Т.43, С. 119.
75. ПСС, Т.78, С. 297.
76. ПСС, Т.78, С. 164–165.
77. ПСС, Т.78, С. 297.
78. ПСС, Т.90, С. 87.
79. ПСС, Т.57, С. 181.
80. ПСС, Т.34, С. 252–253.
81. ПСС, Т.78, С. 178.
82. ПСС, Т.81, С. 65.
83. ПСС, Т.70, С. 171.
84. ПСС, Т.66, С. 147.
85. ПСС, Т.69, С. 200.
86. ПСС, Т.43, С. 127.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
87. ПСС, т.54, с. 162–163.

88. Гусев, с. 61.

89. ПСС, т.74, с. 264.

90. ПСС, т.74, с. 60.

91. ПСС, т.54, с. 140.

92. ПСС, т.75, с. 163.

93. ПСС, т.74, с. 48–49.

94. ПСС, т.58, с. 154.

95. ПСС, т.56, с. 15.

96. ПСС, т.77, с. 38.

97. ПСС, т.56, с. 327.

98. ПСС, т.58, с. 77.

99. ПСС, т.44, с. 324.

100. ПСС, т.66, с. 318.

101. ПСС, т.80, с. 51.

102. ПСС, т.50, с. 107.

103. ПСС, т.76, с. 228.

104. ПСС, т.79, с. 132.

105. ПСС, т.41, с. 586.

106. ПСС, т.54, с. 63.

107. ПСС, т.41, с. 585.

108. ПСС, т.53, с. 233.

109. ПСС, т.55, с. 274.

110. ПСС, т.40, с. 382.

111. ПСС, т.41, с. 586.

112. ПСС, т.43, с. 151.

113. ПСС, т.79, с. 80–81.

114. ПСС, т.55, с. 238.

115. ПСС, т.77, с. 88–89.

116. ПСС, т.56, с. 354.

117. ПСС, т.87, с. 281.

118. ПСС, т.85, с. 79.

119. ПСС, т.54, с. 219.

120. ПСС, т.41, с. 584.

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов то1
121. ПСС, т.89, с. 62.

122. Маковицкий, кн.4, с. 342.

Цивилизация

1. Булгаков, с. 317.

2. ПСС, т.55, с. 257.

3. Воспоминания современников, т.2, с. 182.

4. ПСС, т.6, с. 121.

5. ПСС, т.54, с. 32.

6. ПСС, т.53, с. 224.

7. ПСС, т.58, с. 93.

8. ПСС, т.41, с. 333.

9. ПСС, т.41, с. 395.

10. ПСС, т.41, с. 343.

11. ПСС, т.56, с. 380–381.

12. ПСС, т.35, с. 174.

13. ПСС, т.56, с. 166–167.

14. ПСС, т.36, с. 122–123.

15. ПСС, т.56, с. 72.

16. ПСС, т.54, с. 169.

17. ПСС, т.54, с. 193.

18. ПСС, т.54, с. 171–172.

19. ПСС, т.90, с. 180.

20. ПСС, т.55, с. 233.

21. ПСС, т.55, с. 243.

22. ПСС, т.55, с. 233.

23. ПСС, т.58, с. 50.

24. ПСС, т.55, с. 145.

25. ПСС, т.77, с. 51.

26. Маковицкий, кн.1, с. 423.

27. ПСС, т.55, с. 152.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tolstoyleo.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petime.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petime.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

стой о величии души человеческой. Путь Огня. Лев Николаевич Толстой, Михаил Александрович Орлов to1
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!